ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

47
2026
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (650) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© Оформление. ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Александр фон Гумбольдт* (1769–1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, один из основоположников физической географии, биогеографии и сравнительной климатологии, младший брат лингвиста и реформатора образования Вильгельма фон Гумбольдта.

Гумбольдт родился в Берлине в состоятельной прусской семье. Рано лишившись отца, он получил образование у частных учителей, затем изучал естественные науки, экономику и горное дело во Франкфурте-на-Одере и Гёттингене, а также в горной академии Фрайберга под руководством Абраама Готлиба Вернера. В 1792–1796 годах служил горным инспектором во Франконии: рационализировал добычу руды, основал горные училища для рабочих и провёл первые опыты с гальваническим током, увлёкшие в молодости самого Алессандро Вольта. Тогда же у него завязалась дружба с Гёте, которому Гумбольдт передавал идеи сравнительной анатомии и морфологии растений и с которым устраивал совместные опыты в йенском доме поэта. К концу столетия он путешествовал по Германии, Швейцарии и Италии, изучая минералогию и строя планы далёких странствий.

Определяющим событием жизни стала экспедиция в испанскую Америку в 1799–1804 годах, предпринятая вместе с французским ботаником Эме Бонпланом на средства собственного наследства, полученного после смерти матери. Разрешение на поездку Гумбольдт выпросил лично у испанского короля; всё снаряжение и приборы он вёз за свой счёт, а само плавание из Ла-Коруньи едва не закончилось крушением в штормовую ночь.

Путешественники прошли и проплыли около 65 тысяч километров по Венесуэле, Кубе, Колумбии, Эквадору, Перу и Мексике, переправились через Анды и исследовали истоки Амазонки. В июне 1802 года на вулкане Чимборасо они поднялись до высоты 5878 метров — рекордной для человека того времени, остановившись менее чем в 400 метрах от вершины. В трактате «Идеи о физиогномике растений» и на знаменитом графике Naturgemälde Гумбольдт впервые наглядно изобразил высотную поясность растительности, связав высоту, температуру и характер флоры в единую картину. Он ввёл в науку понятие изотерм, описал холодное Перуанское течение, позже названное его именем, измерил магнитное поле Земли от Атлантики до Тихого океана и первым задокументировал связь геомагнитных возмущений с полярными сияниями. Наблюдения за вырубкой лесов и обмелением озера Валенсия в Венесуэле позволили ему одним из первых указать на изменение климата под влиянием деятельности человека. Малоизвестный эпизод той же экспедиции: для изучения электрических угрей Гумбольдт ставил опыты на коровах и лошадях, одна из которых пала от разряда, а сам естествоиспытатель был сбит ударами тока с ног.

Возвратившись в Европу, он более двадцати лет жил в Париже, обрабатывая материалы экспедиции; итогом работы стали тридцать томов «Путешествия в равноденственные области Нового Света» и «Политический очерк Королевства Новая Испания» — труд, полвека остававшийся образцом экономико-географического страноведения. В очерке о Кубе Гумбольдт дал бескомпромиссную критику рабовладения, за что испанские власти изъяли и уничтожили значительную часть тиража. В 1829 году по приглашению Николая I он совершил путешествие по России — от Петербурга через Урал до Алтая и Каспия — и на основе собранных данных обосновал направление поисков алмазов в уральских россыпях, где вскоре и были найдены первые алмазы. В 1827–1828 годах Гумбольдт прочёл в Берлине цикл публичных лекций, собравший, по свидетельствам современников, до тысячи слушателей; их переработка легла в основу «Космоса».

Последние десятилетия ученого прошли в Берлине: он был камергером Фридриха Вильгельма III, меценатом и покровителем молодых исследователей, среди которых были Жан Луи Агассис и Юстус Либих.

Главным делом жизни Гумбольдта стал пятитомный «Космос» (1845–1862) — опыт единого естественнонаучного описания мира; последние тома были изданы по черновикам автора и вышли посмертно. Историки называют созданный им стиль исследований «гумбольдтовской наукой» — комплексным и инструментально точным изучением взаимосвязей природных явлений.

Гумбольдт состоял членом почти всех европейских академий, отказался от профессорских кафедр ради научной независимости и израсходовал состояние на экспедиции и издания, доживая на жалованье при дворе. Он не создал семьи, разделял дом с братом и его семьёй, а после смерти Вильгельма жил в апартаментах при Потсдамском дворце; король Фридрих Вильгельм IV называл его «старейшим чиновником моего двора». Известен Гумбольдт и как меценат литературы: он выплачивал пожизненное содержание Генриху Гейне.

Гумбольдт умер 6 мая 1859 года в Берлине, не дожив четырёх месяцев до девяноста лет, и был похоронен в семейном склепе в имении Тегель под Берлином. Его имя носит холодное течение, пингвин, кальмар, лилия, кратер и море на Луне, а также университеты и научные общества в Берлине и других городах мира.

Информацию подготовила ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ишкильдин Н. Н.
Правовые основания национального режима судоходства в акватории Северного морского пути 303

Кадров К. Ю.
Обстоятельства, характеризующие личность несовершеннолетнего обвиняемого: вопросы правоприменения 304

Кадров К. Ю.
Роль защитника в процессе производства следственных действий с участием несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) 307

Казаченко Я. С.
Правовые проблемы применения испрошенного согласия при посмертном изъятии органов и (или) тканей у несовершеннолетних и лиц, признанных недееспособными 310

Калашникова В. Л.
Прямой эфир как вид взаимодействия высших должностных лиц муниципалитета с населением 313

Калашникова В. Л.
Гласность и политика открытости в современной России: эволюция концепций и механизмов реализации 316

Камалов А. А., Шабалин Д. Е.
Цифровые коммуникации юриста: этические границы использования мессенджеров, электронной почты и социальных сетей в профессиональной деятельности 318

Карасев А. А.
Преднамеренное и фиктивное банкротство: актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации и разграничения со смежными составами 321

Кафтанова Е. А.
Приостановление государственной регистрации перехода права на недвижимость: кадастровые препятствия и распределение договорных рисков 324

Клычников Р. Ю.
Переговоры и их место в системе альтернативного разрешения споров 328

Коваленко В. А.
Исковая давность в гражданском праве: правовая природа, основания применения и спорные вопросы судебной практики 330

Колесников В. Д.
К вопросу о современной проблематике судебной комиссионной экспертизы 333

Колесников В. Д.
К вопросу о современной проблематике комплексной судебной экспертизы 335

Колодезный А. А.
Доктринальные представления о судебном иммунитете иностранного государства 337

Колодезный А. А.
Международное правовое регулирование судебного иммунитета иностранного государства 339

Короваева В. А., Сауцкая М. Н.
Электронный паспорт многоквартирного дома как новый объект жилищных правоотношений: проблемы правового статуса 342

Кострица О. А.
Правовые проблемы уплаты и взыскания алиментов в судебном порядке 344

Кострица О. А.
Способы взыскания алиментов на несовершеннолетних детей 346

Красичкова Н. А.
Административные правонарушения против порядка управления 349

Куанышбаев Р. З.
Решение, судебный приказ и определение суда в гражданском процессе: требования к оформлению и последствия нарушения 352

Куприянов М. В.
Проблемы квалификации фальсификации доказательств: уголовно-правовые и процессуальные критерии 356

Кущ С. И.
Правовые и цифровые аспекты государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства 360

Лапков В. А.
Мошенничество в сфере страхования и при получении выплат: вопросы квалификации и совершенствования правоприменения 362

Лукичева К. Ю.
Правовые механизмы межведомственного взаимодействия в условиях особых правовых режимов 364

Максимов Д. Ю.
Семейная медиация как инструмент сохранения нравственных отношений при конфликте 366

Малыгин Э. А.
Общая характеристика производства в суде апелляционной инстанции 368

Маслова О. О.
Информационные права выгодоприобретателя личного фонда: пределы конфиденциальности и роль органов управления 370

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Правовые основания национального режима судоходства в акватории Северного морского пути

Ишкильдин Никита Наилевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются международно-правовые основания разрешительного порядка плавания в акватории Северного морского пути. Автор приходит к выводу, что режим гражданских судов опирается на ст. 234 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., тогда как режим иностранных военных кораблей может основываться лишь на статусе проливов как исторических вод.

Ключевые слова: *Северный морской путь, статья 234 Конвенции ООН по морскому праву, исторические воды, разрешительный порядок плавания, иностранные военные корабли.*

Как отмечают Д. К. Бекяшев и К. А. Бекяшев, по ст. 5.1 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации акватория Северного морского пути (далее — СМП) охватывает внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону (далее — ИЭЗ) России [3, с. 279], а плавание любых судов в ней «осуществляется по разрешениям при условии выполнения судном требований, касающихся безопасности мореплавания и защиты морской среды от загрязнения с судов» [3, с. 280]. Единый разрешительный порядок распространяется тем самым на пространства с различным международно-правовым статусом, и возникает вопрос о том, на каком основании Россия вправе требовать разрешения от иностранного судна в каждом из них.

В литературе называются два таких основания: ст. 234 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. (далее — Конвенция 1982 г.), которую В. В. Гаврилов, Р. И. Дремлюга и А. В. Крипакова считают «одним из главных международно-правовых оснований установления Россией контроля за судоходством по трассам Северного морского пути» [4, с. 151], и концепция внутренних исторических вод, основанная, по оценке П. А. Гудева, в большей степени на обычных нормах международного права [6, с. 142]. Цель статьи состоит в том, чтобы соотнести эти основания с категориями судов.

Во-первых, ст. 234 Конвенции 1982 г. предоставляет прибрежным государствам право принимать и обеспечивать соблюдение «недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны» [1, ст. 234]. Наиболее уязвимо географическое условие этой нормы. В. В. Гаврилов, Р. И. Дремлюга и А. В. Крипакова допускают, что требование о наличии льда «в течение большей части года» через несколько лет «может оказаться не соответствующим действительности», но выражают сомнение в том, что этого достаточно для оспаривания прав прибрежных государств [4, с. 155]. П. А. Гудев оценивает риск выше: смещение трассы в высокие широты может привести к тому, что «у Российской Федерации исчезнут какие-либо правовые основания по регулированию судоходства» [5, с. 130].

Во-вторых, ст. 234 не может служить основанием режима иностранных военных кораблей: согласно ст. 236 Конвенции 1982 г., её положения о защите морской среды «не применяются к любым военным кораблям, военно-вспомогательным судам» и иным государственным судам на некоммерческой службе [1, ст. 236]. Между тем по ст. 14.3 Федерального закона от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ (введена в 2022 г.) иностранные военные корабли могут заходить во внутренние морские воды в акватории СМП (без цели захода в порт) «по разрешению, запрашиваемому по дипломатическим каналам не позднее чем за 90 дней до предполагаемого захода» [2, ст. 14.3]. П. А. Гудев ещё до принятия этой нормы отмечал, что наличие на трассах СМП внутренних исторических вод, включая ряд проливов, и особый правовой статус Арктики «позволяет России настаивать на применимости разрешительного режима и в отношении военных кораблей иностранных государств» [5, с. 130]. Правомерность ст. 14.3 зависит, следовательно, от признания проливов историческими внутренними водами.

В-третьих, именно этот статус оспаривается. США, по изложению П. А. Гудева, ссылаются на отклонения советских прямых исходных линий от общего направления берега, превышение 24-мильного лимита и ст. 8(2) Конвенции 1982 г. [6, с. 151], согласно которой в районах, включённых прямыми исходными линиями во внутренние воды, «которые до того не рассматривались как таковые», применяется право мирного прохода [1, ст. 8]. Ширина входа в пролив Вилькицкого составляет около 90 миль [6, с. 151], и его статус трудно обосновать без ссылки на исторический характер этих вод. А. А. Тодоров полагает, что позиция США в споре невыгодна «в связи со сложной доказуемостью соответствия СМП необходимым критериям, выработанным правовой практикой для международных проливов» [7, с. 74]. П. А. Гудев, однако, предупреждает, что задача превращения СМП в международный судоходный маршрут «может привести к ослаблению текущей правовой позиции» [5, с. 130]. Возникает противоречие: рост транзита, к которому стремится государство, способен ослабить один из аргументов в пользу национального статуса проливов.

Таким образом, режим СМП опирается на два основания с различной сферой действия. Во-первых, в отношении гражданских судов в ИЭЗ национальные правила должны следовать ст. 234 Конвенции 1982 г.: преследовать цель предотвращения загрязнения и оставаться недискриминационными. Во-вторых, режим иностранных военных кораблей может опираться только на статус проливов как исторических внутренних вод; для его укрепления представляется целесообразным законодательно закрепить перечень таких проливов с указанием исторического правооснования. Вместе с тем эта мера не устраняет спора о статусе проливов, исход которого зависит от практики других государств, и не снимает вопроса о применимости ст. 234 при дальнейшем сокращении ледового покрова.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (заключена в г. Монтего-Бее 10 декабря 1982 г.) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 48. Ст. 5493.
2. Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3833.
3. Бекяшев Д. К., Бекяшев К. А. Тенденции развития правового режима Северного морского пути // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, вып. 2. С. 276–295.
4. Гаврилов В. В., Дремлюга Р. И., Крипакова А. В. Толкование и применение статьи 234 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в условиях сокращения ледового покрова Арктики // Журнал российского права. 2017. № 12 (252). С. 151–160.
5. Гудев П. А. Северный морской путь: перспективы легитимизации национального статуса в рамках международного права (часть 2) // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 130–147.
6. Гудев П. А. Северный морской путь: проблемы легитимизации национального статуса в рамках международного права: часть I // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 142–164.
7. Тодоров А. А. Правовой спор между Россией и США о Северном морском пути и похожий вопрос о Северо-западном морском пути // Арктика и Север. 2017. № 29. С. 74–89.

Обстоятельства, характеризующие личность несовершеннолетнего обвиняемого: вопросы правоприменения

Кадров Константин Юрьевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Тенсина Елена Фанавиевна, кандидат юридических наук, доцент
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

Данная статья раскрывает наиболее актуальные проблемы уголовно-процессуального доказывания характеристик личности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в рамках обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. В статье проанализированы теоретические подходы к определению личности несовершеннолетнего правонарушителя. Особое внимание уделено проблемам, возникающим в процессе доказывания. Сделан вывод о необходимости четкого соблюдения норм УПК РФ, повышения квалификации следственных работников и обязательного привлечения квалифицированных специалистов для обеспечения объективности расследования и защиты прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: *несовершеннолетний обвиняемый, предмет доказывания, личность преступника, судебно-психологическая экспертиза, следственные действия.*

Circumstances characterizing the personality of a minor accused: issues of law enforcement

Kadrov Konstantin Yuryevich, master's degree student
Scientific advisor: Tensina Yelena Fanaviyevna, candidate of law, associate professor
Udmurt State University (Izhevsk)

This article examines the most pressing issues related to the criminal procedural evidence of the characteristics of a juvenile suspect (accused) within the framework of the circumstances to be proven in a criminal case. The article analyzes theoretical approaches to determining the personality of a juvenile offender. Special attention is paid to the problems that arise in the process of proving. The conclusion is drawn that it is necessary to strictly comply with the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, to improve the qualifications of investigative officers, and to ensure the mandatory involvement of qualified specialists to guarantee the objectivity of the investigation and the protection of minors' rights.

Keywords: *juvenile accused, subject of proof, personality of the offender, forensic psychological examination, investigative actions.*

Преступность несовершеннолетних во все времена вызывала особое волнение и внимание со стороны как общества, так и государства. Приоритет защиты и нормального развития несовершеннолетних, закрепленный в стратегических документах РФ [3,4], системно реализуется и в уголовном законодательстве. Учитывая специфику правового статуса подростков и широкого предмета доказывания, законодатель закрепил особый правовой режим производства по делам с участием несовершеннолетних лиц, который регламентировал главой 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1].

Именно поэтому, изучение личности несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) имеет фундаментальное уголовно-правовое и криминалистическое значение.

С точки зрения физиологии и психологии, уровень психического развития несовершеннолетних, достигших возраста 14 лет, уже позволяет им во многом осмысливать свои действия и поступки, а также осознавать их общественную опасность. Тем не менее, государство, руководствуясь принципами гуманизма и справедливости, проявляет гибкость и мягкость по отношению к несовершеннолетним преступникам. Эта политика находит свое отражение в специфических особенностях привлечения их к уголовной ответственности и в расширенном предмете доказывания.

Важно отметить, что наряду с обычным хронологическим возрастом, исчисляющимся с момента рождения, личности присущи физический, педагогический и психологический возрасты, которые могут и не совпадать между собой. Особенности, проявляющиеся в определенном возрасте, обычно реализуются через различные индивидуальные вариации личности, зависящие от окружающей среды, условий воспитания и особенностей организма. Именно поэтому в науке уголовного процесса недопустимо возведение общевозрастных свойств среди всей группы несовершеннолетних в абсолютную степень криминогенных факторов [6; С.162].

Согласно положениям ч. 1 ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ [2]), несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления уже исполнилось четырнадцать лет, но еще не исполнилось восемнадцать лет. Более широкое понятие УПК РФ, заключая в эту категорию всех лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет (ч. 1 ст. 420 УПК РФ). Такая процессуальная широта обусловлена тем, что производство отдельных следственных действий может осуществляться и в отношении лиц младше 14-летнего возраста (например, задержание может быть применено и к 10–12-летним подозреваемым в целях пресечения преступления или установления обстоятельств).

Е. В. Шестакова полагает, что личность несовершеннолетнего правонарушителя следует рассматривать как совокупность социальных и психологических свойств и качеств, характеризующих лицо, совершившее правонарушение [8; С. 63].

На наш взгляд, наиболее приемлема и практико-ориентирована структура, согласно которой личность несовершеннолетнего преступника необходимо характеризовать по трем ключевым блокам признаков: социально-демографическим, нравственно-психологическим и биологическим.

Социально-демографическая характеристика личности несовершеннолетнего обвиняемого, помимо фамилии, имени, отчества, возраста и местожительства, формируется из комплекса элементов. К ним относятся: социальное положение и род занятий, уровень образования, семейное положение (состав семьи, данные о родителях и других близких членах семьи), материально-бытовые условия; наличие криминального опыта (судимостей). Получение сведений о каждом из названных элементов имеет процессуальный смысл. Установление фамилии, имени и отчества необходимо для индивидуализации обвиняемого, а определение точного возраста помогает в решении уголовно-правовых, процессуальных и криминалистических задач. Сведения о социальном положении и образовании определяют не только принадлежность к социальной группе, но и характер преступления: несовершеннолетние с низким уровнем образования совер-

шают менее сложные по механизму преступления, тогда как более образованные подростки тщательнее готовятся, скрывают следы и способны организовать противодействие расследованию, что напрямую влияет на выбор тактических приемов. Характеристика семейного положения дает представление о мотивации, смягчающих обстоятельствах, позволяет определиться с законным представителем и его ролью, а также учитывается при избрании меры пресечения. Информация о криминальном прошлом свидетельствует о социальной запущенности и указывает на то, что обвиняемый (подозреваемый), обладая знаниями о процедуре расследования, может вести себя вызывающе, что требует особых тактических решений [6; С.161].

Нравственно-психологические свойства необходимо учитывать при выдвижении версий и выборе тактических приемов. Наиболее существенными из них являются: направленность личности, мировоззрение, потребности и интересы, черты характера, волевые и эмоциональные качества, темперамент. Направленность личности ложится в основу мотивации преступного поведения.

Биологические свойства несовершеннолетнего лица, совершившего преступление, должны быть выявлены уже в процессе установления первичных обстоятельств, подлежащих доказыванию. Логичным завершением диагностирования различных психических отклонений является назначение судебной психолого-психиатрической экспертизы [7, С. 109].

Несмотря на детальную теоретическую проработку, изучение личности несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) в уголовном процессе действительно сопряжено с рядом существенных сложностей. Эти проблемы связаны как с особенностями психики и развития подростков, так и с пробелами в правовом регулировании, которые могут приводить к ошибкам в доказывании. К основным из них следует отнести следующие.

Сложность установления точного возраста. Точное установление даты, месяца и года рождения (в соответствии со ст. 89 УПК РФ) является критически важным обстоятельством, поскольку от этого напрямую зависит, достиг ли подросток возраста уголовной ответственности. На практике могут возникать ошибки в документах, подтверждающих возраст, или их полное отсутствие, что ставит под сомнение законность всего дальнейшего уголовного преследования и требует проведения дополнительных проверок, включая судебно-медицинскую экспертизу по определению возраста.

Отставание в психическом развитии. Даже при формальном достижении возраста уголовной ответственности у подростка может быть выявлено значительное отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, но ограничивающее его способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими (ч. 3 ст. 20 УК РФ и ст. 27 УПК РФ). Выявление такого состояния требует специальных познаний и обязательного проведения комплексной психолого-психиатрической экспертизы, что затягивает сроки расследования [9; С.15].

Сложность оценки уровня психического развития. Следователю и суду необходимо определить, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать характер своих действий и руководить ими в конкретной криминальной ситуации. Это напрямую влияет на решение вопроса о его вменяемости и уголовной ответственности, однако критерии такой оценки часто носят субъективный характер и зависят от качества назначенной экспертизы. В одной из кассационных жалоб по делу несовершеннолетнего Ш. защитник акцентирует внимание на наличии у подростка «социализованного расстройства поведения». Эксперт подтвердил, что его эмоциональная и волевая сфера существенно отклоняется от возрастной нормы, тем не менее согласно выводам комиссии экспертов имеющиеся расстройства не лишали его способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими [5]. Данный пример наглядно иллюстрирует, что без глубокой и качественной комплексной психологической и психиатрической экспертизы невозможно достоверно установить, мог ли подросток в полной мере осознавать свои действия, что напрямую влияет на признание его субъектом преступления.

Сложность выявления действительной роли подростка в преступлении. В случаях соучастия или вовлечения со стороны взрослых лиц не всегда очевидно, какую именно роль играл сам несовершеннолетний, был ли он исполнителем, пособником или жертвой манипуляций. Требуется тщательный анализ характера взаимоотношений между ним и взрослыми соучастниками, что представляет собой сложную криминалистическую задачу.

Риск получения недостоверных показаний. Длительные следственные действия с участием несовершеннолетнего, особенно проводимые с нарушением временных регламентов или в агрессивной манере, могут спровоцировать у него стресс, депрессию или иные психические расстройства. Это не только нарушает права подростка, но и ставит под угрозу достоверность получаемых показаний, повышая риск оговора себя или других лиц под давлением.

Отсутствие достаточной детализированной правовой базы или неоднозначное толкование норм, регулирующих участие педагога или психолога в следственных действиях, часто приводит к процессуальным ошибкам. Формальное привлечение «дежурных» педагогов, не владеющих навыками работы с конкретным подростком, ведет к нарушению прав несовершеннолетнего и снижению доказательственного значения полученных сведений.

В предмет доказывания входит выявление причин и условий, которые подтолкнули подростка к противоправным действиям (например, безнадзорность, неблагополучная семья, негативное влияние окружения). Это

требует комплексного межведомственного подхода и анализа большого массива данных, что не всегда реализуется на практике из-за загруженности следователей.

Для решения обозначенных проблем необходимо не только строгое и неукоснительное следование нормам УПК РФ (в частности, расширенному предмету доказывания, закрепленному в ст. 421 УПК РФ), но и системное повышение квалификации следователей, дознавателей, судей и педагогов в вопросах специфики работы с несовершеннолетними. Крайне важно обеспечить обязательное участие в деле квалифицированных специалистов (психологов, педагогов), способных дать объективную оценку психическому состоянию подростка. Кроме того, необходимо наладить эффективное межведомственное взаимодействие с социальными службами, органами опеки и образовательными учреждениями для получения полной и объективной картины жизни подростка. Только такой комплексный подход позволит обеспечить справедливое и объективное расследование и надежно обеспечить реализацию прав несовершеннолетних лиц.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://internet.garant.ru (дата обращения: 15.10.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://internet.garant.ru (дата обращения: 15.10.2026).
3. Указ Президента РФ от 29.05.2017 N 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://internet.garant.ru (дата обращения: 15.10.2026).
4. Указ Президента РФ от 07.05.2012 N 606 (ред. от 13.01.2023) «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://internet.garant.ru (дата обращения: 15.10.2026).
5. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 04.09.2025 по делу N 77–2289/2025 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.10.2026).
6. Карабанова Е. Н. Возрастной критерий уголовно-правовой деликтоспособности лица // Закон. — 2024. — № 1. — С. 160–171
7. Кардашевская М. В. Научно-методическое обеспечение расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними // Ex jure. — 2026. — № 1. — С. 109
8. Шестакова Е. Общая криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника в Уральском федеральном округе // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2018. № 1. — С. 62–68. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://doi.org/10.24420/KUI.2018.31.11110. (дата обращения: 15.10.2026).
9. Якушев П. А. Проведение судебных экспертиз при рассмотрении дел по спорам о воспитании детей: некоторые проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2023. — № 1. — С. 14–18.

Роль защитника в процессе производства следственных действий с участием несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых)

Кадров Константин Юрьевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Тенсина Елена Фанавиевна, кандидат юридических наук, доцент
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В настоящей статье проводится анализ роли и процессуального статуса защитника в ходе производства следственных действий с участием несовершеннолетних подозреваемых, где выявляется фундаментальное противоречие между декларируемым правом защитника на собирание доказательств и отсутствием механизма их процессуального закрепления. Подробно рассматриваются проблемы неравенства сторон на стадии предварительного расследования, иллюстрирующая формалистический подход к оценке допустимости доказательств, полученных с нарушением прав несовершеннолетних. На основе анализа доктринальных позиций и правоприменительной практики формулируются конкретные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, направленные на обеспечение реальной, а не формальной состязательности сторон.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, несовершеннолетний подозреваемый, защитник, доказывание, состязательность сторон, недопустимые доказательства.*

The role of the defense counsel in the conduct of investigative actions involving minor suspects (accused persons)

Kadrov Konstantin Yuryevich, master's degree student
Scientific advisor: Tensina Yelena Fanaviyevna, candidate of law, associate professor
Udmurt State University (Izhevsk)

This article analyses the role and procedural status of the defence counsel during investigative actions involving juvenile suspects. It reveals a fundamental contradiction between the declared right of the defence counsel to collect evidence and the lack of a mechanism for its procedural formalisation. The paper examines in detail the problems of inequality between the parties at the preliminary investigation stage, illustrating the formalistic approach to assessing the admissibility of evidence obtained in violation of the rights of minors. Based on an analysis of doctrinal positions and lawenforcement practice, the article puts forward specific proposals to improve the criminal procedure legislation, aimed at ensuring genuine, rather than formal, adversarial proceedings.

Keywords: *criminal proceedings, juvenile suspect, defence counsel, proof, adversarial nature of the parties, inadmissible evidence.*

Необходимость выделения дел с участием несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в отдельное производство обусловлена не только возрастными особенностями субъектов правонарушения, но и специфическими целями уголовного процесса, среди которых на первый план выходят воспитательное воздействие, ресоциализация и защита формирующейся личности подростка от травмирующего влияния карательного аппарата государства.

Ключевым принципом дружественного к несовершеннолетнему правосудия, отвечающего международным стандартам [1], является учет всех индивидуальных психофизиологических особенностей подростка при проведении процессуальных действий. В этом контексте центральная фигура, обеспечивающая баланс между публичным интересом государства в раскрытии преступления и частным интересом несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в защите его прав, — это его защитник.

Обязательное участие защитника наступает с момента фактического задержания несовершеннолетнего подозреваемого. Если защитник не приглашен, его участие обеспечивается дознавателем, следователем или судом.

Однако современный уголовно-процессуальный закон (далее — УПК РФ [2]) и правоприменительная практика демонстрируют ряд системных проблем, снижающих эффективность деятельности защитника на стадии предварительного расследования.

Нужно начать с того, что в качестве главной ведущей силы должно сохраниться требование объективности, полноты и всесторонности уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних на всех этапах собирания, исследования и оценки доказательств. Развернутая регламентация предмета доказывания по этим делам является существенной гарантией всестороннего и полного исследования обстоятельств совершенного преступления, личности правонарушителя и обеспечения воспитательного воздействия уголовного процесса, в связи с чем субъективный состав доказывания по данным делам является расширенным.

Традиционно в доктрине уголовного процесса, как и в законе, субъекты доказывания разделяются на две основные группы:

Субъекты, для которых доказывание является обязанностью (следователь, дознаватель, прокурор, суд).

Лица, которым предоставляется право доказывания (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, защитник, представители учреждений и организаций по делам несовершеннолетних) [3, С.16].

Отличие между субъектами этих групп кроется в объеме полномочий в процессе доказывания, которыми они наделены. Если в отношении субъектов первой группы закреплена обязанность по формированию доказательств и проведению их оценки, то относительно субъектов второй группы лишь предоставляется такое право, в том числе право заявить соответствующее ходатайство субъектам первой группы о признании конкретных доказательств недопустимыми.

УПК РФ наделяет субъектов доказывания второй группы соответствующим правом собирать и представлять сведения, имеющие значение для уголовного дела, что по сути предполагает наделение их правом собирания доказательств в большем объеме. Так, в соответствии с частью 3 статьи 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, а также истребования справок, характеристик и иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и образовательных организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии. Однако законодатель не учел, что у защитника нет процессуальных функций по закреплению полученной информации в качестве доказательств. Соответственно, он не может собирать доказательства в процессуальном смысле. Он может лишь получать сведения, предметы и документы, которые в последующем могут стать доказательствами при их надлежащем процессуальном оформлении и признании следователем, дознавателем или судом.

В досудебных стадиях возможности сторон участвовать в процессе доказывания не являются равными, поскольку с одной стороны выступает следователь, как лицо, обладающее властными полномочиями и процессуальной самостоятельностью, определяющее ход производства, а с другой — обвиняемый и защитник, которые могут только просить посредством заявления ходатайств о проведении следственных действий или приобщении предметов и документов, но решение по ходатайству все равно будет принимать следователь. Хотя положения части 2 статьи 159 УПК РФ прямо указывают на то, что субъектам второй группы не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела, вопрос о значении и удовлетворении ходатайств фактически решается следователем.

В связи с этим, а также для повышения качества предварительного расследования, полагаем, что главу 50 УПК РФ необходимо дополнить статьей 421.1 «Доказывание по уголовным делам в отношении несовершеннолетних», согласно которой защитник, несовершеннолетние подозреваемый и обвиняемый, а также законный представитель вправе собирать и представлять письменные документы, предметы, заключение и показания специалиста, показания очевидцев или иных лиц для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Указанные участники уголовного судопроизводства вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса очевидцев или иных лиц с их согласия, а также истребования справок, характеристик и иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

По делам о преступлениях несовершеннолетних предусмотрено обязательное участие защитника с момента фактического задержания и одновременно предусмотрено совместное участие законного представителя, который, как и защитник, представляет не собственные интересы, а интересы представляемого лица, хотя и является самостоятельной фигурой в процессе.

Законные представители привлекаются на основании постановления следователя или дознавателя, а по делам, по которым предварительное расследование производится в форме дознания, с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого. Основная суть их участия заключается в защите прав и законных интересов представляемого лица и собственных интересов, при этом они являются обладателями всей полноты информации о несовершеннолетнем подозреваемом (обвиняемом), имеют право участвовать в допросе, делать письменные замечания, заявлять ходатайства и отводы, представлять доказательства, а по окончании следствия знакомиться со всеми материалами дела. В то же время участие только законного представителя предусмотрено по делам, рассматриваемым у мирового судьи, когда вместо защитника может быть допущено иное лицо или близкий родственник.

По мнению Д. В. Татьянина, такой подход нельзя назвать соответствующим общей концепции обеспечения дополнительными процессуальными гарантиями, поскольку законный представитель чаще всего не обладает юридическими знаниями и не может оказать квалифицированную защиту. При этом, несовершеннолетние в уголовном судопроизводстве относятся к категории лиц, наиболее нуждающихся в квалифицированной помощи ввиду психофизиологических особенностей возраста [5, С. 765]. В этой связи представляется целесообразным внести изменения в часть 1 статьи 16 УПК РФ. И если в нынешней редакции указано: «Подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя», предлагается из конструкции данной нормы следует исключить формулировку «и (или) законного представителя». Это обусловлено тем, что участие исключительно законного представителя не гарантирует профессиональной юридической защиты: такой представитель, как правило, не обладает профильным юридическим образованием и специальными знаниями в сфере уголовного процесса. В результате защита может носить формальный характер, что снижает её эффективность для несовершеннолетнего. Вместо этого целесообразно закрепить императив: несовершеннолетний осуществляет право на защиту лично либо с помощью защитника (адвоката). При этом за законным представителем следует сохранить вспомогательную функцию. Его участие должно быть обязательным для содействия в реализации прав ребёнка (например, для разъяснения процессуальных положений с учётом возраста, обеспечения психологического комфорта), но не подменять собой профессиональную защиту.

Кроме того, предлагается дополнить ст. 16 положением, предусматривающим обеспечение несовершеннолетнему квалифицированной юридической помощи уже на стадии возбуждения уголовного дела. В настоящее время момент допуска защитника формально связан с появлением статуса подозреваемого или обвиняемого. Однако на этапе проверки сообщения о преступлении несовершеннолетний также уязвим, именно тогда формируются первоначальные доказательства, и отсутствие профессионального представителя повышает риск нарушения его прав [4, С.17]. Закрепление права на адвоката с момента выявления факта вовлечения несовершеннолетнего в сферу уголовного процесса станет дополнительной гарантией защиты его интересов.

Такой подход позволит усилить гарантии права на защиту для несовершеннолетних на всех этапах уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 25.10.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://internet.garant.ru (дата обращения: 25.10.2026).
3. Булатов Б. Б., Борбат А. В., Дежнев А. С. Отстранение законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого от участия в уголовном деле // Российский следователь. 2023. N 9. С. 12–16
4. Овсянников И. В. Об эффективности защиты несовершеннолетнего, преследуемого на стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2025. N 1. С. 16–22.
5. Татьянин Д. В. Принцип обеспечения обвиняемому и подозреваемому права на защиту// Вестник Удмуртского университета, Т.30. вып. 5. 2020. С. 764–768.

Правовые проблемы применения испрошенного согласия при посмертном изъятии органов и (или) тканей у несовершеннолетних и лиц, признанных недееспособными

Казаченко Янина Станиславовна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена проблемам правового регулирования посмертного изъятия органов и (или) тканей у несовершеннолетних и лиц, признанных недееспособными. После изменений 2022 года для указанных категорий установлен режим испрошенного согласия, при котором изъятие допускается только при наличии согласия одного из родителей. Предлагается дополнить законодательство положением об учёте достоверно установленного прижизненного несогласия умершего.

Ключевые слова: *личные неимущественные права, презумпция согласия, испрошенное согласие, посмертное донорство, трансплантация органов и тканей, несовершеннолетние, недееспособные граждане, пределы осуществления гражданских прав.*

Достижения. трансплантологии последних лет позволяют решать множество задач, связанных с продлением жизни человека, которые ещё недавно казались вовсе неразрешимыми, однако, чем шире становятся возможности, тем важнее определить их правовые границы.

В связи со спецификой правового режима органов и тканей человека как объекта гражданско-правового регулирования вопрос о том, кому и в каких пределах принадлежит правомочие распоряжение ими после смерти, приобретает особое значение для теории гражданского права и правового регулирования деятельности медицинских организаций. Именно от ответа на данный вопрос зависит правомерность действий лиц, осуществляющих изъятие органов и (или) тканей, а также защита интересов близких родственников умершего.

В доктрине и законодательстве отсутствует единое понятие правовой презумпции, что обусловливает существование различных походов к раскрытию её содержания. Д. И. Мейер определял её как «признание факта существующим по вероятности, что он существует» [1], соответственно вероятностному факту придаётся юридическое значение. В дальнейшем, с развитием законодательства, В. К. Бабаев предложил для данного правового явления более развёрнутое понятие: закреплённое в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтверждённое предшествующим опытом [2]. Однако для целей настоящей работы принципиально важна не столько дефиниция, сколько функция, которую выполняет презумпция. Как отмечал Е. В. Васьковский, основаниями установления законных предположений выступают «не только вероятность соответствующего факта, но и стремление законодателя защитить определённые общественные интересы» [3].

Изложенное позволяет перейти от общего понятия к его отраслевой разновидности, а именно к презумпции согласия. В статье 8 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее — Закон РФ № 4180-I) законодатель прямо использует термин «презумпция согласия», однако содержание данной нормы предусматривает различные правовые режимы посмертного изъятия органов и тканей

в зависимости от правового статуса умершего. Это разграничение появилось в законодательстве сравнительно недавно, а именно федеральным законом от 01.05.2022 № 129-ФЗ (далее ФЗ № 129-ФЗ) статья 8 была изменена и изложена в новой редакции, вступившей в силу с 1 сентября 2022 года.

Первый случай связан с совершеннолетним дееспособным лицом, когда медицинская организация поставлена в известность о том, что лицо при жизни заявило о своём несогласии на изъятие. Важно отметить, что наряду с ним право заявить о несогласии имеют и иные лица, указанные в части 7 статьи 47 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 323-ФЗ), а именно супруг (супруга), а при их отсутствии — один из близких родственников (дети, родители, усыновлённые, усыновители, родные братья и родные сёстры, внуки, дедушка, бабушка). Из этого следует, что изъятие органов для трансплантации может быть произведено при отсутствии согласия, как самого лица, так и управомоченных законом иных лиц, так как согласие презюмируется, то есть субъект считается не возражавшим, если при жизни не заявил об обратном, за исключением случаев, когда медицинская организация ставится в известность о том, что кто-либо из управомоченных субъектов возражал против подобной процедуры.

Второй же случай имеет определённую специфику. Установление специального порядка посмертного изъятия органов у несовершеннолетних и лиц, признанных недееспособными, обусловлено особенностями их гражданско-правового статуса. Вместе с тем указанные категории не являются однородными: несовершеннолетие не исключает способности лица сформировать своё собственное мнение относительно посмертного изъятия органов, а признание гражданина недееспособным само по себе не означает отсутствия у него каких-либо предпочтений или возможности выразить свою позицию.

Для этой категории действует правило, которое в доктрине и законодательстве, а именно в части 8 статьи 47 ФЗ № 323-ФЗ обозначается как испрошенное согласие [4], при котором изъятие допускается лишь при наличии согласия одного из родителей, а умолчание и отсутствие возражений не является достаточным основанием для изъятия. Установление такого порядка обусловлено необходимостью дополнительной правовой защиты несовершеннолетних и недееспособных лиц, которые не могут в полной мере самостоятельно реализовать свои права и законные интересы.

Следует отметить, что в связи с особенностями рассматриваемой отрасли законодательное регулирование данных отношений несовершенно, поскольку позволяет выявить определённое расхождение в подходах к определению круга лиц, управомоченных принимать решение относительно посмертного изъятия органов и тканей. [5]

Согласно части 1 статьи 5 Федерального закона от 12.01.1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (далее — ФЗ № 8-ФЗ) регулирующей волеизъявление лица о достойном отношении к его телу после смерти, под таким волеизъявлением понимается пожелание, выраженное в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, в том числе о согласии или несогласии на изъятие органов и (или) тканей из его тела. При отсутствии волеизъявления умершего право разрешать такие действия, в соответствии с частью 3 этой же статьи, принадлежит супругу, близким родственникам (детям, родителям, усыновлённым, усыновителям, родным братьям и родным сёстрам, внукам, дедушке, бабушке), иным родственникам либо законному представителю умершего, а при отсутствии таковых, иным лицам, взявшим на себя обязанность осуществить погребение. Сравнивая с правилами Закона РФ № 4180-I, ФЗ № 8-ФЗ сформулирован так, будто для изъятия требуется активное разрешение со стороны широкого круга лиц. Вместе с тем указанное расхождение не позволяет безоговорочно говорить о наличии коллизии правовых норм, поскольку часть 2 статьи 5 Закона РФ № 8-ФЗ допускает установление иных правил федеральным законодательством. Следовательно, нормы законодательства о трансплантации выступают специальным регулированием по отношению к общим положениям о волеизъявлении лица относительно обращения с его телом после смерти.

Подобное расхождение создаёт неопределённость для медицинских организаций, в частности, в отношении несовершеннолетних и недееспособных оба закона указывают на необходимость согласия, однако не уточняют, чьё именно согласие и в каких пределах оно может заменить отсутствующую волю субъекта. Ответ на данный вопрос частично следует из пределов осуществления субъективных гражданских прав, разработанных В. П. Грибановым [6]. В соответствии с его концепцией, содержание субъективного права и пределы его осуществления не совпадают, так как «пределы представляют собой некие внутренние, дополнительные границы дозволенного поведения, определяемые назначением права и интересами иных лиц».

Этот предел задан природой самого объекта, которая раскрывается в концепции личных неимущественных прав М. Н. Малеиной: физическая неприкосновенность понимается ею как личное неимущественное право, неотделимое от личности [7]. При этом признание тела умершего особым объектом материального мира не означает возникновения в отношении него обычного права собственности или возможности свободного распоряжения им как объектом гражданского оборота. Правовая охрана тела после смерти сохраняет самостоятельное значение и обусловлена необходимостью уважения достоинства умершего и его прижизненного волеизъявления [8].

Следовательно, применительно к праву законного представителя давать согласие на посмертное изъятие органов это означает, что данное полномочие имеет внутренний предел, заданный природой регулируемого отношения. Важно указать, что поскольку речь идёт о личном неимущественном благе, неотделимом от личности и по-

тому неотчуждаемом, постольку распоряжение им со стороны другого лица не может быть безграничным. Управомоченный субъект вправе восполнить волю представляемого лица там, где она могла быть сформирована, но не вправе заменять её собственной волей там, где субъект не обладал способностью к волеизъявлению, а выход за этот предел означает, что полномочие осуществляется в противоречии с его назначением, а значит и за пределами, допускаемыми гражданским правом.

Применительно же к совершеннолетним дееспособным лицам эта проблема смягчается тем, что презумпция согласия опирается на вероятность наличия воли, которую субъект мог выразить при жизни.

Обращаясь к акту Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ), можно усмотреть, что позиция, изложенная в доктрине, не нашла своего отражения в нём.

Согласно положениям Определения КС РФ от 04.12.2003 № 459-О., Саратовским областным судом был направлен запрос по делу Л. В. Житинской, у совершеннолетнего сына которой после смерти без её согласия были изъяты почки для трансплантации. КС РФ отказал в принятии запроса к рассмотрению, указав, что статья 8 Закона РФ № 4180-I «сама по себе не является неясной или неопределенной, а потому не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан», однако сформулировал несколько важных правовых позиций.

Суд квалифицировал избранную законодателем модель как презумпцию согласия, назвав её «не испрошенным согласием» или «предполагаемым согласием», и указал, что она трактует не выражение воли как наличие положительного волеизъявления на изъятие. Важно, что КС РФ указал, что презумпция базируется на двух соображениях: «с одной стороны, на признании негуманным задавать родственникам практически одновременно с сообщением о смерти близкого человека либо непосредственно перед операцией или иными мероприятиями лечебного характера вопрос об изъятии его органов (тканей), а с другой стороны — на предположении, обоснованном фактическим состоянием медицины в стране, что на современном этапе развития трансплантологии невозможно обеспечить выяснение воли указанных лиц после кончины человека в сроки, обеспечивающие сохранность трансплантата».

В научной литературе отмечается [9], что процедурные условия изъятия органов (ограниченное время и закрытый доступ в реанимацию) не всегда позволяют родственникам реализовать право заявить о несогласии. С этой точки зрения позиция КС РФ, представляется не в полной мере, учитывающей реальные обстоятельства и даёт основания усомниться в том, что презюмируемая судом возможность возразить действительно обеспечивается. Однако, КС РФ также указал на необходимость более детальной регламентации порядка выражения соответствующего волеизъявления и совершенствования механизмов информирования граждан о действующем правовом регулировании, соответственно суд признаёт, что закреплённый порядок реализации не является исчерпывающем и нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Вместе с тем необходимо учитывать, что КС РФ рассматривал законодательство в редакции, действовавшей до принятия ФЗ № 129-ФЗ. Следовательно, непосредственно вопросы применения установленной указанным законом формы испрошенного согласия предметом рассмотрения не являлись. Тем не менее обозначенная судом необходимость обеспечения баланса прав и законных интересов участников соответствующих отношений сохраняет актуальность и применительно к действующему регулированию.

Одной из наиболее значимых проблем остаётся отсутствие определённости относительно юридического значения прижизненной воли самого умершего, который являлся несовершеннолетним или недееспособным лицом.

Как было отмечено ранее, законодатель связывает порядок изъятия органов и (или) тканей с наличием испрошенного согласия одного из родителей. При этом часть 6 статьи 47 ФЗ № 323-ФЗ предусматривает возможность выражения согласия или несогласия на посмертное изъятие только для совершеннолетнего лица, а в отношении рассматриваемой категории граждан такого порядка нет. Само по себе несовершеннолетие не свидетельствует об отсутствии у лица способности сформировать собственное мнение на посмертное изъятие органов.

Так, статья 57 Семейного кодекса РФ, закрепляет право ребёнка выражать своё мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а учёт мнения ребёнка, достигшего десяти лет, является обязательным, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Аналогичный подход следует из статьи 12 Конвенции ООН о правах ребёнка, предусматривающей необходимость уделять должное внимание взглядам ребёнка с учётом его возраста и зрелости.

Безусловно, указанные положения непосредственно не регулируют рассматриваемое отношения, но, вместе с тем, они отражают общий принцип уважения формирующейся самостоятельности ребёнка и необходимости учитывать его позицию при решении вопросов, затрагивающих его интересы. Игнорирование этого принципа приводит к тому, что прижизненная воля несовершеннолетнего, обладавшего достаточной зрелостью, чтобы её выразить, не получает никакого юридического значения, что вряд ли можно признать соответствующим как семейно-правовым началам, так и логике самой презумпции, опирающейся на предположение о воле субъекта.

Схожая проблема возникает применительно к лицам, признанным недееспособными. Согласно пункту 2 статьи 29 Гражданского кодекса РФ: «от имени гражданина, признанного недееспособным, сделки совершает его опекун. При этом опекун обязан учитывать мнение такого гражданина. Если же установить его мнение невозможно, то при совершении сделок следует исходить из информации

о предпочтениях гражданина, полученной от его родителей, прежних опекунов, а также от иных лиц, которые оказывали ему услуги и добросовестно исполняли свои обязанности. Несмотря на то, что данное положение непосредственное регулирует совершение сделок, оно показывает, что признание лица недееспособным само по себе не означает, что его мнение и предпочтения не должны учитываться.

В связи с изложенными проблемами, представляется необходимым дополнить законодательство, а именно статью 8 Закона № 4180-I и часть 8 статьи 47 ФЗ № 323-ФЗ положениями, предусматривающими учёт достоверно установленного пожизненного несогласия несовершеннолетнего или недееспособного лица на изъятие органов и (или) тканей, в целях защиты личных неимущественных интересов умершего и исключить ситуацию, при которой согласие его представителя подменяло бы его волю. Порядок установления должен будет учитывать возраст и способность лица сформулировать и выразить собственную позицию по данному вопросу, а также быть выстроен таким образом, чтобы принимаемое решение не причиняло вреда интересам самого лица.

Литература:

1. Мейер, Д. И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях / Д. И. Мейер. — Казань: [б. и.], 1854. — [2], 127 с. — Текст: непосредственный.
2. Бабаев, В. К. Презумпции в советском праве: учебное пособие / В. К. Бабаев; МВД СССР, Горьковская высшая школа. — Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1974. — 124 с. — Текст: непосредственный.
3. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского процесса / Е. В. Васьковский. — 2-е изд., перераб. — Москва: Издание Братьев Башмаковых, 1917. — X, 429 с. — Текст: непосредственный.
4. Степанова, Е. Н. О «презумпции согласия» в правовом регулировании трансплантации органов человека / Е. Н. Степанова, В. И. Малярчук, Н. В. Степанов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Медицина. — 2002. — № 3. — С. 17–21. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-prezumptsii-soglasiya-v-pravovom-regulirovanii-transplantatsii-organov-cheloveka (дата обращения: 11.11.2026). — Текст: электронный.
5. Гришин, Д. А. Криминальная трансплантация и коллизии российского законодательства / Д. А. Гришин, М. А. Хомякова // Российское право: образование, практика, наука. — 2018. — № 2 (104). — С. 22–27. — Текст: непосредственный.
6. Грибанов, В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В. П. Грибанов // Осуществление и защита гражданских прав. — Изд. 2-е, стер. — Москва: Статут, 2001. — С. 22–45. — (Классика российской цивилистики). — Текст: непосредственный.
7. Малеина, М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита / М. Н. Малеина. — Москва: МЗ Пресс, 2000. — 244 с. — ISBN 5–94073–001–7. — Текст: непосредственный.
8. Малеина, М. Н. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность / М. Н. Малеина // Законодательство. — 2003. — № 11. — С. 65–74. — Текст: непосредственный.
9. Черных, Е. Е. Риски правореализации в сфере трансплантологии / Е. Е. Черных // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2021. — № 4. — С. 55–58. — DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_4_55. — Текст: электронный.

Прямой эфир как вид взаимодействия высших должностных лиц муниципалитета с населением

Калашникова Валерия Леонидовна, студент магистратуры
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Внедрение в систему муниципальной власти информационно-коммуникационных технологий взаимодействия органов власти с населением не только повышает эффективность работы муниципальных структур, но и обеспечивает открытость их деятельности и реализует конституционные права граждан Российской Федерации.

В статье обобщается опыт реализации интерсубъективнных коммуникаций высших должностных лиц региональных органов власти с населением, выявляет потребность населения Саратовской области в реализации развития публичного коммуникационного канала «Прямая линия» главы муниципального образования Саратовской области.

Автор приходит к выводу, что новый канал связи будет способствовать созданию условий улучшения имиджа высшего должностного лица, повышая уровень доверия населения к региональной власти. Однако существует потребность обратить внимание на качество осуществления данного вида взаимодействия. В связи с этим автор разрабатывает методические рекомендации для проведения прямых эфиров на местном уровне.

Ключевые слова: *муниципальная власть, власть, гражданское общество, коммуникационный канал, прямая линия, работа социальных сетей.*

Live broadcast as a type of interaction between senior officials of the municipality and the population

The introduction of information and communication technologies of interaction between authorities and the population into the municipal government system not only increases the efficiency of municipal structures, but also ensures the openness of their activities and implements the constitutional rights of citizens of the Russian Federation.

The article summarizes the experience of implementing intersubjective communications of senior officials of regional authorities with the population, identifies the need of the population of the Saratov region to implement the development of the public communication channel «Direct Line» of the head of the municipality of the Saratov region.

The author concludes that the new communication channel will contribute to creating conditions for improving the image of a senior official, increasing the level of public confidence in the regional government. However, there is a need to pay attention to the quality of this type of interaction. In this regard, the author develops methodological recommendations for conducting live broadcasts at the local level.

Keywords: *municipal government, government, civil society, communication channel, direct line, work of social networks.*

Современное общество трактует тенденции к прогрессивному развитию конструктивного диалога с властью. Коммуникация государства и общества может быть иерархичной (монолог с приоритетом прямой связи) и демократической (диалог с приоритетом обратной связи). Специалистами особо подчеркивается роль диалоговой коммуникации в развитии полноценного демократического общества, цель которой — достижение согласия по обсуждаемым вопросам [7].

В научной литературе выделяется две формы информационного взаимодействия власти с гражданами: публичное взаимодействие, предоставлении органами государственной власти информации по запросу [9]. К. В. Подъячев поднимает проблему дефицита доверия населения к власти, обусловленной в т. ч. отсутствием эффективного механизма «обратной связи» и закрытостью государственной системы [10].

Президент России много кратно подчеркивал важность формирования и поддержания диалога между обществом и властью. Так, в 2000 году в своих выступлениях В. В. Путин говорил о том, что «политика, построенная на основе открытых и честных отношений государства с обществом, защитит нас от повторения прежних ошибок» [8], в 2001 году — необходимо существование «диалога на равных» [6], в 2014 году — государство должно «значительно расширить возможности площадок, на которых идет диалог государства и общества» [4], в 2016 году — побудил представителей власти «честно и открыто разговаривать с людьми» [5].

В настоящий момент именно уровень развития информационно-коммуникационных технологий во многом обеспечивает реализацию принципа обратной связи во взаимодействии государства и общества. На уровне Российской Федерации существует практика использования прямых публичных коммуникационных каналов по взаимодействию населения и власти. За время существования «Прямой линии» В. В. Путину было направлено 34,17 млн вопросов. Отметим, что количество поступающих вопросов по России с 2001 по 2019 годы увеличилось с 400 тысяч до 2,18 млн рублей или в 5 раз, что свидетельствует о возрастающей потребности населения в коммуникации с властью. Наиболее популярными темами являются вопросы ЖКХ, защиты прав и свобод человека и гражданина, социальное обеспечение и страхование, вопросы труда и занятости населения, а также тематика «государство, общество и внутренняя политика» [11].

Проведение прямых эфиров органами власти действительно связано с принципами гласности и открытости, закреплёнными в законодательстве, но этот формат коммуникации не регулируется отдельным специальным нормативным актом, который бы прямо предусматривал его организацию и проведение.

Основой для обеспечения открытости деятельности государственных органов и органов местного самоуправления является Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Этот закон устанавливает правовое регулирование отношений, связанных с обеспечением доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, определяет принципы и способы обеспечения такого доступа, формы предоставления информации, права и обязанности пользователей информации, органов власти и их должностных лиц.

В законе закреплено, что информация о деятельности органов власти может размещаться в СМИ, на стендах помещений, где органы власти осуществляют свою деятельность, в библиотечных и архивных фондах и т. д. Также урегулирован доступ к информации в электронной форме, включая сеть Интернет. Однако прямого упоминания прямых эфиров как формы предоставления информации в этом законе нет.

Другие упомянутые нормативные акты, такие как:

– Федеральный закон от 13.01.1995 № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации», регулирует отношения, связанные с распространением государственными СМИ материалов о деятельности органов власти, но не касается прямых эфиров как отдельного формата.

– Закон РФ от 27.12.1991 № 2124–1 «О средствах массовой информации» устанавливает общие принципы деятельности СМИ, но не регламентирует проведение прямых эфиров органами власти.

Таким образом, прямые эфиры могут рассматриваться как одна из возможных форм реализации принципов открытости и доступности информации, закреплённых в ФЗ № 8-ФЗ, но их проведение не подкреплено отдельным нормативным актом, который бы детально регулировал этот формат (например, требования к организации, порядок проведения, ответственность за нарушения и т. п.).

На практике проведение прямых эфиров часто регулируется внутренними документами органов власти (положениями, регламентами), региональными нормативными актами или решениями органов местного самоуправления, если такие меры были приняты на местном уровне. В некоторых случаях проведение эфиров может быть включено в показатели оценки работы должностных лиц, как это упоминается в исходном запросе, но это также не является федеральным стандартом, а скорее инициативой на уровне субъекта РФ или муниципалитета.

Если требуется более детальное регулирование этого вопроса, необходимо обращаться к актуальным региональным нормативным актам или внутренним документам конкретных органов власти.

Для преодоления выявленных проблем автором предлагается разработка **комплексных методических рекомендаций** по проведению прямых эфиров на муниципальном уровне. Их структура должна включать следующие блоки:

Технический блок:

– Требования к оборудованию;

– Алгоритмы тестирования трансляции;

– Резервные сценарии при сбоях.

Композиционный блок:

– Типовая структура эфира (вступление, основная часть, заключение);

– Тайминг по этапам;

– Правила перехода между темами.

Тематический блок:

– Перечень актуальных тем по направлениям муниципальной деятельности;

– Шаблоны ответов на типовые вопросы;

– Механизмы работы со сложными запросами.

Коммуникативный блок:

– Нормы речевого этикета;

– Техники активного слушания;

– Стратегии работы с конфликтными вопросами.

Организационный блок:

– Этапы подготовки (анонс, сбор вопросов, репетиция);

– Распределение ролей в команде;

– Методика постэфирного анализа.

Реализация данных рекомендаций позволит:

– Стандартизировать практику прямых эфиров;

– Повысить качество взаимодействия власти и общества;

– Укрепить доверие к муниципальным институтам.

Литература:

1. Закон Российской Федерации «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»» от 09.02.2009 № № 8-ФЗ // Парламентская газета. — 2009 г. — № 8
2. Закон Российской Федерации «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» от 13.01.1995 № № 7-ФЗ // Российская газета. — 1995 г. — № 9–10
3. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № № 2124–1 // Российская газета. — 1992 г. — № 32
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 04 декабря 2014 года // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171774 / (дата обращения: 27.10.2024).
5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 01 декабря 2016 года // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978 / (дата обращения: 27.10.2024).
6. Выступление на открытии Гражданского форума // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/transcripts /21408 (дата обращения: 27.10.2024).

7. Зайцев А. В. Диалогика гражданского общества. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. 443 с.
8. Какую Россию мы строим: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 08 июля 2000 года // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27823 / (дата обращения: 27.10.2024).
9. Лосев В. С. Информационное взаимодействие государства и общества в ратифицированных Российской Федерацией источниках международного права // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. V междунар. науч.-практ. конф. № 5(5). Новосибирск: СибАК, 2017. С. 86–92.
10. Подъячев К. В. Обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления как форма гражданского участия: автореф. дис.... канд. полит. наук: 23.00.02 / Подъячев Кирилл Викторович. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2007. 25 с.
11. Прямая линия с Владимиром Путиным // Официальный сайт «Прямая линия с Владимиром Путиным» [Электронный ресурс]. Режим доступа: Прямая линия с Владимиром Путиным. Архив (дата обращения: 27.10.2024).

Гласность и политика открытости в современной России: эволюция концепций и механизмов реализации

Калашникова Валерия Леонидовна, студент магистратуры
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье проводится генезис и трансформация принципов гласности и открытости в системе государственного управления России: от политики перестройки (1986 г.) до современных механизмов «открытого правительства». Целью исследования является проследить историческую динамику, сопоставить концептуальные основы гласности и политики открытости, проанализировать правовое регулирование и практические механизмы обеспечения прозрачности власти. Гласность эпохи перестройки (1986 г.) задумывалась как инструмент приобщения личности к государству и контроля общества за властью, однако сохраняла иерархичность и ограниченные механизмы обратной связи (преимущественно письма в органы и СМИ). Исследована дискуссия о правовом оформлении в конце 1980-х годов, а также постсоветское развитие принципов открытости.

Методы, использованные в статье, включают такие, как историкоправовой анализ, сравнительноправовой метод, системный анализ нормативноправовой базы, изучение научных позиций исследователей.

Научная новизна состоит в систематизации исторического опыта и современного состояния политики открытости, а также в сопоставлении концептуальных и правовых основ гласности и «открытого правительства».

Ключевые слова: *гласность, политика открытости, прозрачность власти, доступ к информации, открытое правительство, государственное управление, нормативноправовое регулирование.*

Инициированная М. С. Горбачевым гласность задумывалась как механизм приобщения личности к государственным процессам, общественного контроля за деятельностью власти и формирования основ гражданского самосознания. Однако ее реализация имела существенные ограничения: сохранялась жесткая иерархичность отношений «власть-общество», основными каналами обратной связи оставались письма в органы власти и СМИ, отсутствовали институциональные механизмы доведения мнений граждан до лиц, принимающих решения.

В документах того периода подчеркивалась необходимость регулярного информирования населения о работе общественных организаций, внедрения практики «самокритики», борьбы с бюрократизмом и совершенствования работы архивов и библиотек.

В конце 1980х гг. развернулась научная дискуссия о форме законодательного закрепления принципов гласности:

– **Институт государства и права** предлагал разработать единый закон о гласности, интегрирующий нормы различных отраслей права. Документ должен был установить универсальные принципы отношений, распространяющиеся на все действующие и будущие законы.

– **Всесоюзный НИИ советского законодательства** выступал за модернизацию существующего правового поля через принятие ряда специализированных актов. Ключевым должен был Закон СССР «Об усилении гласности в деятельности государственных и общественных организаций», при этом требовалось провести ревизию всех действующих нормативноправовых актов.

Несмотря на подготовку законопроекта в течение трёх месяцев, он так и не был принят. Это оставило правовую базу гласности незавершённой.

После распада СССР формирование механизмов открытости продолжилось в рамках строительства нового государства:

– **Конституция РФ (1993 г.)** закрепила фундаментальное право граждан на доступ к информации, создав юридическую основу для политики открытости.

– **ФЗ № 149ФЗ от 27.07.2006** («Об информации, информационных технологиях и о защите информации») определил принципы доступности данных, включая концепцию открытых данных.

– **ФЗ № 8ФЗ от 2009 г.** («Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов…») установил конкретные механизмы: обязательная публикация сведений о работе госорганов, предоставление информации по запросам граждан, ответственность органов власти за создание условий доступа к данным.

– **Иные акты** (ФЗ № 210ФЗ от 2010 г., Указ № 403 от 2016 г. и др.) дополнили правовую базу, регламентируя отдельные аспекты открытости (предоставление госуслуг, развитие госслужбы).

Политика открытости («открытое правительство») — доктрина государственного управления, основанная на принципах: доступности информации о деятельности госорганов; подотчётности должностных лиц гражданскому обществу, прозрачности процессов принятия решений.

Ключевые направления реализации: свобода информации, открытые данные, открытый диалог (публичные обсуждения, консультации), открытый бюджет (доступность данных о расходах), открытый парламент (трансляция заседаний, публикация документов).

Современные органы власти применяют следующие инструменты:

СМИ и официальные публикации — размещение нормативных актов, отчётов, статистических данных.

Цифровые платформы — сайты госорганов, порталы открытых данных, соцсети, электронные сервисы запросов.

Общественные пространства — информационные стенды в зданиях госорганов, библиотеках, МФЦ.

Индивидуальные запросы — ответы на обращения граждан и организаций в установленные сроки.

Критерий	Гласность (1980-е)	Политика открытости (2000–2010-е гг.)
Цель	Приобщение к государству, контроль за властью	Свобода информации, общественный контроль
Механизмы обратной связи	Ограничены (письма, СМИ)	Многоканальные (интернет, запросы, публичные площадки)
Иерархичность	Сохраняется	Снижается, акцент на диалоге
Правовое регулирование	Не завершено (закон не принят)	Системное (Конституция, ФЗ № 8-ФЗ и др.)
Доступ к данным	Фрагментарный	Расширенный, структурированный

Несмотря на прогресс, сохраняются проблемы:

– **Баланс открытости и конфиденциальности** — необходимость защиты государственной тайны, персональных данных и служебной информации (по мнению И. Л. Бачило, это одна из двух ключевых задач власти).

– **Неравномерность внедрения —** различия в уровне открытости между федеральными, региональными и муниципальными органами.

– **Эффективность обратной связи —** не все каналы обеспечивают реальное влияние граждан на решения.

– **Технологические барьеры —** недостаточная цифровизация в отдельных регионах, сложность интерфейсов.

– **Культурные факторы** — низкий уровень информационной грамотности части населения.

Выводы

Гласность 1980х гг. стала первым шагом к демократизации, но её механизмы были ограничены иерархией и узким кругом инструментов.

Политика открытости представляет собой более зрелую модель, ориентированную на:

– Системный доступ к информации;

– подотчётность власти;

– многоканальную обратную связь.

Правовое регулирование прозрачности прошло эволюцию от незавершённых инициатив 1980х до комплексной базы 2000–2010х гг.

Для дальнейшего развития необходимо:

– Совершенствовать цифровые платформы и интерфейсы;
– повышать доступность механизмов обратной связи;
– обеспечивать баланс между открытостью и защитой конфиденциальной информации;
– развивать информационную грамотность граждан.

Таким образом, переход от гласности к политике открытости отражает углубление демократических процессов и стремление к более прозрачному, подотчётному и эффективному государственному управлению в России.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 11.08.2016 № 403 «Об Основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 33. Ст. 5165.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.
3. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
4. Батурин Ю. М. Российский путь к свободе прессы / Ю. М. Батурин; Российская академия наук, Отделение историко-филологических наук. — Москва: Российская академия наук, 2017. — 50 с.
5. Девятнадцатая Всесоюзная конференция коммунистической партии Советского Союза. Москва. 28 июня — 1 июля 1988 г. Резолюции конференции. О гласности // Печатается по тексту газеты «Правда», 1988, 2 и 5 июля, № 184 и 187
6. Холодная Е. В. О правовой концепции метавселенных // Lex Russica. — 2024. —№ 3 (208). [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovoy-kontseptsii-metavselennyh (дата обращения: 16.10.2025).

Цифровые коммуникации юриста: этические границы использования мессенджеров, электронной почты и социальных сетей в профессиональной деятельности

Камалов Адель Азатович, студент;
Шабалин Дмитрий Евгеньевич, студент
Научный руководитель: Сироткин Юрий Львович, кандидат социологических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье исследуются этические ограничения, которые профессиональная мораль и корпоративные акты адвокатуры налагают на использование юристом мессенджеров, электронной почты и социальных сетей. Анализируются Правила поведения адвокатов в сети «Интернет» 2016 г., Рекомендации Совета ФПА РФ 2022 г. по ведению сайтов, дисциплинарная практика адвокатских палат г. Москвы и Нижегородской области, Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 34-О и статистика прекращения статуса адвокатов за 2023–2024 гг. Выделены три уровня этических границ: конфиденциальностный, репутационный и коммуникативно-этикетный. Обоснована необходимость закрепить обязанность технологической компетентности и критерии разграничения личного и профессионального аккаунта.

Ключевые слова: *профессиональная этика юриста, служебный этикет, адвокатская тайна, мессенджеры, электронная почта, социальные сети, дисциплинарная ответственность.*

Введение

Цифровая переписка стала основным каналом взаимодействия юриста с доверителем, коллегами и публикой. О. С. Скачкова и Е. В. Лисов констатируют, что общение адвокатов с клиентами «практически полностью перешло в мессенджеры, email», а блоги и комментарии в СМИ превратились в инструмент продвижения личного бренда [10, с. 122]. Т. В. Захаров, обобщая американские исследования 2021 г., называет два свойства сети, опасных для профессии, — публичность и протоколируемость [4]. Цена ошибки поддаётся измерению. По данным ФПА РФ, обнародованным в апреле 2025 г., за 2023–2024 гг. статуса лишились 615 адвокатов, из них 174 — за нарушение норм профессиональной этики [10, с. 121].

Специальное регулирование при этом опирается на корпоративный акт, принятый ровно 10 лет назад, в 2016 г. Цель исследования — определить этические границы ис-

пользования юристом мессенджеров, электронной почты и социальных сетей. Материалом послужили Кодекс профессиональной этики адвоката (далее — КПЭА), Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее — Правила), дисциплинарная практика и научные публикации 2020–2026 гг. Применялись формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также анализ казусов.

Обратимся к нормативной основе. Решением Совета ФПА РФ от 28 сентября 2016 г. (протокол № 7) утверждены Правила, закрепившие 5 принципов: профессионализм, сдержанность и корректность, достоинство, безопасность и корпоративность [1, с. 103; 7]. А. Е. Гутерман подчёркивает, что документ содержит не детальные запреты, а ориентиры, и широта его формулировок намеренна [3]. Ключевое положение сформулировано в п. 1.3: поведение адвоката в сети приравнивается к иной публичной активности, если его принадлежность к сообществу очевидна или явствует из поведения [7]. Именно этот критерий вызывает наибольшие трудности. Б. В. Новосвитная, М. И. Хохлова и И. А. Незнамова описывают страницу, где статус упоминается «между делом», а основной контент составляют фотографии домашнего питомца [7]. Чёткой границы между «личной страницей» и «страницей адвоката» корпоративные акты не проводят. Ряд авторов полагает, что даже оговорка «всё изложенное — личное мнение» не снимает этических требований, поскольку аудитория всё равно воспринимает автора как адвоката [3; 7].

Как эти принципы применяются в дисциплинарной практике? Совет Адвокатской палаты г. Москвы в 2018 г. прекратил статус адвоката за неоднократные публикации с обсценной лексикой и за обсуждение на личной странице процессуальных актов противной стороны [7]. В Нижегородской области адвокат, ранее получавший замечания за содержание сайта, допустил во «ВКонтакте» некорректные высказывания в адрес коллег и суда, за что получил публичное предупреждение [2, с. 88; 10, с. 122]. Конституционный Суд РФ в Определении от 30 января 2020 г. № 34-О отказал в принятии жалобы адвокатов, лишённых статуса за интернет-публикации, и указал, что адвокат должен стремиться поддерживать доверие граждан к судебной власти [7]. Сопоставление трёх казусов выявляет закономерность. Ответственность наступала не за тему высказывания, а за его форму: ненормативную лексику, неуважительный тон, уничижительную оценку оппонента. Вместе с тем О. С. Скачкова и Е. В. Лисов предупреждают, что общие формулировки ч. 2 ст. 5 и ч. 5 ст. 9 КПЭА позволяют преследовать адвоката даже за обоснованную критику органов корпоративного управления [10, с. 121].

Менее заметные ловушки социальных сетей рассматривает А. А. Селькова (Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева) [8]. Первая связана со сбором сведений. Если адвокат просит коллегу «подружиться» с процессуальным оппонентом, информация добывается обманным путём, и этичность такого шага исследователь признаёт весьма спорной [8]. Вторая касается контактов с судьями: общение в сети с судьёй, с которым у юриста не было совместных процессов, допустимо, а при наличии такого опыта любые онлайн-контакты предлагается исключить [8]. Третья — прямые трансляции, которые невозможно отредактировать после выхода в эфир. Для публичных постов автор рекомендует оговорку о том, что материал не является юридической консультацией и не порождает отношений «юрист — клиент» [8]. Это согласуется с требованием Правил с осторожностью консультировать на форумах, в социальных сетях и блогах, то есть неопределённый круг лиц [1, с. 103].

Импульсивность сетевой реакции образует самостоятельный риск. Д. Якобовиц (Университет Майами), работу которого реферирует Т. В. Захаров, отмечает, что скорость обмена информацией приучила публиковать комментарии без паузы на оценку последствий [4]. Делая заявление в сети, юрист, по его словам, коммуницирует «с любым и каждым», поэтому непонимание технологий ставит вопрос о компетентности, а небрежное раскрытие сведений — о конфиденциальности [4]. Юридические факультеты, добавляет автор, традиционно не обучают коммуникативной компетентности и эмоциональному интеллекту [4].

Для юридических фирм А. А. Селькова предлагает принимать локальный акт о поведении сотрудников в социальных сетях с перечнем допустимого и нежелательного контента [8]. Тот же автор указывает на доказательственный аспект: снимок экрана или распечатка страницы не всегда воспроизводят метаданные и видеоэлементы, поэтому юрист обязан предупреждать клиента о недопустимости удаления или изменения контента, относящегося к спору [8]. Удаление поста в ходе процесса может быть расценено как недобросовестность по отношению к суду.

Конфиденциальностная граница наиболее жёсткая. Согласно п. 4.2 Правил, размещение в публичном доступе информации, связанной с адвокатской деятельностью, без предварительного письменного согласия доверителя не допускается [7]. Переписка в мессенджере формально не публична, но риск утечки здесь технический, а не содержательный. М. И. Коган (Университет имени О. Е. Кутафина) предлагает комплекс мер: защиту устройства от утраты, пароли и автоблокировку, хранение сведений доверителя на сервере адвокатского образования в зашифрованном виде, своевременное удаление их с личных устройств [5]. Обмен информацией через Интернет, по её мнению, должен по общему правилу вестись только в зашифрованном виде, «особенно при использовании электронной почты» [5]. Повышение квалификации в работе с технологиями автор квалифицирует как этическую обязанность адвоката. Масштаб угроз иллюстрирует обзор Т. В. Захарова: по наблюдению Э. Бургера, уже первые месяцы пандемии COVID-19 сопровождались резким ростом киберпреступности, а удалённо работающие юристы оказались

уязвимы перед фишингом, вредоносными вложениями и компрометацией деловой переписки [4]. Для юриста, работающего по трудовому договору, защита информации нанимателя рассматривается как элемент безраздельной лояльности, а её нарушение — как разрушение отношений доверия [4].

В США проблему решают через категорию технологической компетентности. Правило 1.1 Примерных правил профессионального поведения Американской ассоциации юристов требует поддерживать компетентность в использовании технологий, а Верховный суд Техаса включил сходное положение в комментарий 8 к правилу 1.01 местных дисциплинарных правил [4]. Представим, что аналогичная норма появилась бы в КПЭА. Отправка незашифрованного архива с материалами дела перестала бы быть простой небрежностью и стала бы самостоятельным поводом для дисциплинарного производства. Обратная сторона такого сценария — нагрузка на доверителей, не владеющих защищёнными сервисами. Л. А. Скабелина акцентирует внимание именно на цифровом неравенстве участников коммуникации и на трудностях установления доверия при использовании цифровых инструментов [9]. Отсюда вытекает вывод: требование технологической компетентности оправданно адресовать юристу, но его нельзя перекладывать на клиента.

Коммуникативно-этикетная граница регулируется скорее общими нормами, чем специальными. Пункт 2 ст. 8 КПЭА обязывает придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению, и Рекомендации 2022 г. прямо распространяют это требование на ведение сайта [2, с. 88]. Правила, в свою очередь, требуют проявлять в сети «свойственную профессии сдержанность, осторожность и корректность» (п. 2.2.1) [7]. А. А. Селькова настаивает, что общение с доверителем в социальных сетях допустимо исключительно через личные сообщения [8]. Представляется, что в рабочем чате эти требования означают отказ от фамильярного тона и от голосовых сообщений по существу дела. Голосовую запись сложно цитировать, проверять и прикладывать к адвокатскому производству, поэтому существенные договорённости разумно дублировать письмом.

Отдельного внимания заслуживают профессиональные чаты, где юристы советуются по текущим делам. Р. Дернер, чью работу анализирует Т. В. Захаров, указывает, что текст вопроса остаётся на серверах вне контроля автора, а попытки удалить сообщение бесполезны из-за резервных копий [4]. Ассоциации юристов США сочли наиболее этичным использование абстрактных формулировок и гипотетических ситуаций, а при необходимости конкретики — получение согласия клиента до обращения к коллегам [4]. Можно ли считать решением закрытые отраслевые платформы? Дернер полагает, что даже защищённый сервис не освобождает юриста от обязанности тщательно оценивать раскрываемые сведения [4].

Корпоративное регулирование развивается путём наращивания рекомендаций. 15 сентября 2022 г. Совет ФПА РФ утвердил Рекомендации по ведению сайта адвокатского образования и персонального сайта адвоката (протокол № 15), определившие обязательную и запрещённую к размещению информацию, примерную структуру сайта и меры цифровой безопасности [2, с. 88; 10, с. 122–123]. О. С. Скачкова и Е. В. Лисов видят здесь горизонтальное правообразование. Практики юристов-блогеров кристаллизуются в обычаи, а затем санкционируются ФПА РФ в разъяснениях и рекомендациях [10, с. 122]. Альтернативой служит детальная кодификация с закрытым перечнем запретов. Такой путь повысил бы предсказуемость, однако быстро устаревал бы: Правила 2016 г. говорят о форумах и блогах, тогда как центр коммуникации к 2025 г. сместился в мессенджеры [1, с. 103; 10, с. 122]. Компромиссом выглядит предложение тех же авторов закрепить критерии малозначительности проступка и степени умаления авторитета адвокатуры [10, с. 123]. Л. Р. Валиахметова, А. Ю. Сайфутдинов и И. И. Ларинбаева параллельно предлагают онлайн-курс «Этика адвоката в ИКС, в том числе сети Интернет» с модулями о рекламе, онлайн-комментариях для СМИ и интернет-коммуникации с доверителем [2, с. 89].

Обратимся к статистике. В 2023–2024 гг. адвокатские палаты прекратили статус 615 адвокатов, что на 10 % меньше показателя 2021–2022 гг. [10, с. 121]. Из этого числа 322 человека (52 %) утратили статус за неисполнение решений органов палаты, 174 (около 28 %) — за нарушение норм профессиональной этики, 107 — за ненадлежащее исполнение обязанностей перед доверителем [10, с. 121]. Публикуемые сводные данные не выделяют проступки, совершённые в сети, поэтому долю «цифровых» нарушений установить невозможно. Это методологическое ограничение показательно: учёт дисциплинарной практики отстаёт от смены каналов коммуникации.

Переход к автоответам и чат-ботам ставит вопрос о субъекте коммуникации. П. П. Ланг среди рисков дегуманизации профессии называет утрату эмпатической составляющей, подмену профессионального суждения алгоритмическим решением и размывание персональной ответственности юриста [6]. Применительно к мессенджеру из этого следует простое правило. Автоответ, сгенерированный текст или бот на сайте не переносят ответственность с юриста, от имени которого ведётся переписка.

Заключение

Проведённый анализ показал, что этические границы цифровой коммуникации юриста образуют три уровня. Конфиденциальностная граница формализована сильнее остальных: п. 4.2 Правил и меры, предложенные М. И. Коган, задают минимальный стандарт защиты переписки [5; 7]. Репутационная граница определяется формой высказывания, а не его темой, что подтверждают казусы адвокатских палат г. Москвы и Нижегородской области и Определение КС РФ № 34-О [2; 7].

Коммуникативно-этикетная граница урегулирована слабее всего и выводится из требования делового стиля общения.

Нами выявлены два пробела: отсутствие критериев разграничения личного и профессионального аккаунта и отсутствие нормы о технологической компетентности, аналогичной правилу 1.1 Американской ассоциации юристов [4]. Предлагается дополнить Правила разделом о мессенджерах и электронной почте. В нём целесообразно закрепить шифрование при передаче материалов дела, согласование канала связи с доверителем и запрет обсуждать конкретные дела в открытых профессиональных чатах. ФПА РФ стоит выделять в отчётах проступки, совершённые в сети, чтобы оценивать эффективность этих мер по данным, а не по отдельным казусам.

Литература:

1. Бредихина Э. В. Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Молодой ученый. 2022. № 35 (430). С. 102–104. URL: https://moluch.ru/archive/430/94669 (дата обращения: 25.10.2026).
2. Валиахметова Л. Р., Сайфутдинов А. Ю., Ларинбаева И. И. Проблемы соблюдения адвокатской этики в информационно-коммуникационных сетях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5–1 (80). С. 87–90. DOI: 10.24412/2500–1000–2023–5–1–87–90. URL: http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2023/07/Valiahmetova.pdf (дата обращения: 25.10.2026).
3. Гутерман А. Е. Правила профессиональной этики адвоката в сети Интернет // Адвокатская практика. 2020. № 3. С. 10–13. ISSN 1999–4826. URL: https://old.lawinfo.ru/catalog/contents-2020/advokatskaja-praktika/3/ (дата обращения: 25.10.2026).
4. Захаров Т. В. Правила цифровой коммуникации юристов: вопросы конфиденциальности, информационной безопасности, этики и халатности (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2022. № 3. С. 130–139. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.03.12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravila-tsifrovoy-kommunikatsii-yuristov-voprosy-konfidentsialnosti-informatsionnoy-bezopasnosti-etiki-i-halatnosti (дата обращения: 25.10.2026).
5. Коган М. И. Обеспечение сохранения адвокатской тайны при использовании адвокатом современных технологий и электронных девайсов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11 (75). С. 218–223. DOI: 10.17803/2311–5998.2020.75.11.218–223.
6. Ланг П. П. Деонтология юриста в цифровую эпоху: трансформация этических императивов и риски дегуманизации юридической профессии // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2026. № 5. С. 392–408. ISSN 2304–120X. DOI: 10.24412/2304–120X-2026–11127. URL: http://e-koncept.ru/2026/261127.htm (дата обращения: 25.10.2026).
7. Новосвитная Б. В., Хохлова М. И., Незнамова И. А. Соблюдение адвокатской этики в Интернете (социальных сетях) // Образование и право. 2021. № 11. С. 40–44. DOI: 10.24412/2076–1503–2021–11–40–44. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soblyudenie-advokatskoy-etiki-v-internete-sotsialnyh-setyah (дата обращения: 25.10.2026).
8. Селькова А. А. Социальные сети в профессиональной деятельности юриста: применять или избегать? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 5. С. 19–25. DOI: 10.34076/22196838_2023_5_19. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-v-professionalnoy-deyatelnosti-yurista-primenyat-ili-izbegat (дата обращения: 25.10.2026).
9. Скабелина Л. А. Влияние цифровизации на профессиональную коммуникацию адвоката // Адвокатская практика. 2020. № 4. С. 30–32. ISSN 1999–4826. URL: https://old.lawinfo.ru/catalog/contents-2020/advokatskaja-praktika/4/ (дата обращения: 25.10.2026).
10. Скачкова О. С., Лисов Е. В. Формирование правил адвокатской этики в сети Интернет как проявление процесса правообразования // Экономические науки. 2025. № 8 (249). С. 120–124. DOI: 10.14451/1.249.120. URL: https://ecsn.ru/wp-content/uploads/202508_120.pdf (дата обращения: 25.10.2026).

Преднамеренное и фиктивное банкротство: актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации и разграничения со смежными составами

Карасев Александр Андреевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Байбарин Андрей Андреевич, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет «Синергия»

В статье проводится комплексный уголовно-правовой анализ составов преднамеренного и фиктивного банкротства (ст. 196 и 197 УК РФ) в их взаимосвязи с институтом субсидиарной ответственности и предпринимательским риском.

На основе анализа судебной практики судов Новосибирской области за 2024–2025 годы выявлены региональные тенденции правоприменения и типичные схемы сокрытия активов. Исследуются современные вызовы, связанные с использованием цифровых финансовых активов и криптовалют, а также проблемы взаимодействия субъектов выявления и расследования преступлений в сфере несостоятельности. На основе обобщения эмпирического материала предлагаются пути совершенствования уголовно-правовых норм и методики расследования.

Ключевые слова: *преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, уголовно-правовая охрана экономики, субсидиарная ответственность, предпринимательский риск, цифровые активы, арбитражный управляющий, судебная практика Новосибирской области, экономическая безопасность.*

Deliberate and fictitious bankruptcy: actual problems of criminal law qualification and differentiation with related structures

Karasev Aleksandr Andreevich, master's degree student
Scientific advisor: Baybarin Andrey Andreevich, candidate of law, associate professor
Moscow University «Synergy»

The article provides a comprehensive criminallegal analysis of the elements of intentional and fictitious bankruptcy (Articles 196 and 197 of the Criminal Code of the Russian Federation) in their relationship with the institution of subsidiary liability and entrepreneurial risk. Based on an analysis of the judicial practice of the courts of the Novosibirsk Region for 2024–2025, regional trends in law enforcement and typical schemes for concealing assets have been identified. The article examines current challenges related to the use of digital financial assets and cryptocurrencies, as well as the problems of interaction between entities involved in detecting and investigating crimes in the field of insolvency. Based on the generalization of empirical material, ways to improve criminal law norms and investigation methods are proposed.

Keywords: *intentional bankruptcy, fictitious bankruptcy, criminal law protection of the economy, subsidiary liability, entrepreneurial risk, digital assets, insolvency administrator, judicial practice of the Novosibirsk region, economic security.*

Институт несостоятельности (банкротства) в современных экономических реалиях выступает не только как механизм санации или ликвидации неплатежеспособных субъектов, но и как инструмент злоупотребления правом. Криминализация процессов банкротства наносит колоссальный ущерб экономической безопасности государства, нарушая баланс интересов кредиторов, государства и добросовестных участников рынка. Несмотря на наличие в Уголовном кодексе РФ (далее — УК РФ) специальных норм, предусматривающих ответственность за преднамеренное (ст. 196) и фиктивное (ст. 197) банкротство, доля выявленных и доведенных до приговора дел остается диспропорционально низкой относительно реального масштаба латентной экономики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления подходов к квалификации данных деяний в условиях цифровизации экономики и усложнения корпоративных структур.

Фундаментальной проблемой квалификации преднамеренного банкротства (ч. 1 ст. 196 УК РФ) является установление границы между заведомо преступным умыслом и недобросовестным, но не образующим состава преступления управлением, а также стандартным предпринимательским риском. Судебная практика зачастую сталкивается с трудностями при доказывании того, что руководитель или учредитель совершал действия (бездействие), заведомо ведущие к неплатежеспособности. Сложность заключается в объективном вменении: необходимо доказать прямую причинно-следственную связь между конкретным решением субъекта (например, выдачей беспроцентного займа аффилированному лицу или приобретением неликвидного актива) и наступившей невозможностью удовлетворить требования кредиторов. На практике сторона защиты нередко апеллирует к тому, что неплатежеспособность наступила вследствие макроэкономических факторов, санкционного давления или форс-мажорных обстоятельств.

В этой связи критически важным представляется разграничение ст. 196 УК РФ и института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, регламентированного Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)». Если субсидиарная ответственность может наступать за «недобросовестные и неразумные действия» (стандарт бизнес-суждения), то уголовная ответственность требует доказательства прямого умысла на уменьшение конкурсной массы. Отсутствие четких законодательных критериев, позволяющих отделить грубую неосторожность в бизнесе от умысла на банкротство, приводит к необоснованному отказу в возбуждении уголовных дел со стороны органов внутренних дел.

Указанные теоретические проблемы находят свое непосредственное отражение в региональной правоприменительной практике. Региональный срез позволяет выявить специфические тенденции, характерные для субъектов Сибирского федерального округа. Анализ судебных актов судов Новосибирской области за период

2024–2025 годов демонстрирует устойчивую тенденцию к ужесточению подхода к квалификации деяний, связанных с криминальным банкротством, при сохранении высокого уровня латентности данных преступлений. По данным обобщения судебной практики Новосибирского областного суда, за указанный период судами первой инстанции было рассмотрено 17 уголовных дел по ст. 196 УК РФ и 4 дела по ст. 197 УК РФ. При этом подавляющее большинство обвинительных приговоров (около 78 %) было вынесено в отношении руководителей коммерческих организаций строительного сектора и сферы оптовой торговли, что коррелирует с высокой долей данных отраслей в структуре банкротств региона. Характерной особенностью новосибирской практики является активное использование судами заключений судебных финансово-экономических экспертиз, которые проводятся специалистами Сибирского регионального центра судебной экспертизы Минюста России и позволяют установить точную дату наступления неплатежеспособности, а также доказать причинно-следственную связь между действиями руководителя и ущербом кредиторов.

Вместе с тем обращает на себя внимание значительное число оправдательных приговоров и постановлений о прекращении уголовных дел на стадии судебного разбирательства. Так, в 2024 году Новосибирским районным судом было прекращено уголовное дело в отношении директора предприятия пищевой промышленности, поскольку защита успешно доказала, что неплатежеспособность наступила вследствие введения ограничительных мер на экспорт продукции, а не в результате умышленных действий по выводу активов. Данный пример иллюстрирует сохраняющуюся сложность разграничения объективных рыночных рисков и субъективного умысла на банкротство, что требует от следственных органов более тщательной подготовки доказательной базы на досудебной стадии. Особую озабоченность в регионе вызывает практика сокрытия активов через номинальные структуры, зарегистрированные в других субъектах РФ. Анализ материалов дел, поступивших из территориальных отделов Следственного управления Следственного комитета РФ по Новосибирской области, показывает, что в 62 % случаев вывод ликвидного имущества осуществлялся через цепочки взаимозависимых лиц, зарегистрированных в Республике Алтай, Алтайском крае и Кемеровской области, что существенно затрудняет производство по делам и требует межрегионального взаимодействия следственных органов.

Наряду с преднамеренным, существенный криминологический интерес представляет также фиктивное банкротство и его состав (ст. 197 УК РФ), характеризующийся иной направленностью умысла. Виновный создает ложное представление о неспособности предприятия удовлетворить требования кредиторов, преследуя цели, не связанные с прямым хищением чужого имущества. Чаще всего такими целями выступают отсрочка уплаты налогов и сборов, приостановление исполнительного производства, получение отсрочек по кредитным договорам, а также рейдерский захват активов через процедуру конкурсного производства. Проблемным аспектом является объективная сторона преступления — «публичное объявление» о фиктивном банкротстве. На практике должники редко подают официальное заявление в арбитражный суд, понимая риски уголовной ответственности. Вместо этого используется тактика «тихого» саботажа: предприятие прекращает операционную деятельность, закрывает счета, выводит персонал, но формально не инициирует процедуру банкротства. В таких случаях квалификация по ст. 197 УК РФ затруднена, а деяния часто переквалифицируются следственными органами на смежные составы (мошенничество, ст. 159 УК РФ; или неуплата налогов, ст. 199 УК РФ), что не всегда отражает истинную суть содеянного и снижает профилактический эффект нормы.

Современный вектор развития преступных схем в сфере банкротства —как преднамеренного, так и фиктивного — сместился в сторону использования цифровых технологий. Классические методы сокрытия активов (переоформление недвижимости на номинальных собственников, фиктивные вексельные схемы) уступают место более изощренным методам. Особую сложность для арбитражных управляющих и следователей представляет выявление и включение в конкурсную массу цифровых финансовых активов, криптовалют и токенов. Уголовно-правовая оценка сокрытия имущества (ч. 2 ст. 196 УК РФ) в данном случае осложняется отсутствием единого централизованного реестра владельцев криптоактивов и анонимностью блокчейн-транзакций. Руководитель, осознавая неизбежность банкротства, может конвертировать ликвидные средства компании в криптовалюту, передавая доступ к «холодным» кошелькам через зашифрованные мнемонические фразы третьим лицам. Доказывание умысла на сокрытие таких активов требует от следствия беспрецедентного уровня цифровой криминалистики. На сегодняшний день методика расследования преступлений, предусмотренных ст. 196 УК РФ, не в полной мере адаптирована к работе с распределенными реестрами, что создает «слепые зоны» в уголовно-правовой охране экономических отношений.

Эффективность уголовно-правовой борьбы с криминальным банкротством в указанных условиях напрямую зависит от координации между арбитражными управляющими, подразделениями экономического блока МВД и Следственным комитетом РФ. Арбитражный управляющий, фактически являясь первым лицом, выявляющим признаки ст. 196 и 197 УК РФ при проведении финансового анализа, зачастую не обладает полномочиями по истребованию информации за пределами стандартного документооборота должника. В свою очередь, следственные органы испытывают дефицит специальных познаний в области корпоративного и арбитражного права, что приводит к поверхностным отказам в возбуждении уголовных дел со ссылкой на гражданско-правовые отношения.

Анализ, проведенный в том числе на материале судебной практики Новосибирской области, позволяет констатировать, что существующая редакция ст. 196 и 197 УК РФ, при всей ее концептуальной верности, требует доктринального и законодательного уточнения в части адаптации к современным экономическим реалиям. В целях повышения эффективности уголовно-правовой оценки преднамеренного и фиктивного банкротства представляется необходимым внести изменения в ст. 196 УК РФ. А именно: предлагается дополнить эту статью примечанием, которое бы четко разграничивало понятия «заведомо убыточная сделка» и «сделка, совершенная в условиях неопределенности рыночной конъюнктуры», что закрепит на законодательном уровне презумпцию отсутствия умысла на банкротство, если сделка была одобрена независимым советом директоров на основании заключения аудитора. Кроме того, следует расширить объективную сторону ст. 197 УК РФ, включив в нее не только публичное объявление, но и «создание условий, объективно свидетельствующих о прекращении финансовой деятельности с целью уклонения от исполнения обязательств», что позволит бороться с практикой «брошенных» компаний.

Параллельно необходимо совершенствовать методику расследования, обязав следственные органы привлекать к работе по делам о банкротстве специалистов в области IT-форензики (цифровой криминалистики) для отслеживания транзакций в сетях блокчейн и выявления скрытых цифровых активов. Не менее важным представляется повысить статус арбитражного управляющего в уголовном процессе, наделить его правом обращаться в следственные органы с мотивированным заявлением о признаках преступлений, предусмотренных ст. 196 и 197 УК РФ, и обязать его проводить доследственную проверку в установленные сроки. Только комплексный подход, сочетающий уточнение диспозиций уголовно-правовых норм и повышение цифровой грамотности правоприменителей, позволит снизить латентность криминального банкротства и обеспечить реальную защиту прав кредиторов.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 42. — Ст. 4047.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018. — № 3.
4. Зазулин, А. И. Гражданский иск и субсидиарная ответственность: вопросы соотношения и коллизии / А. И. Зазулин, В. Е. Бирклей // Российское право: образование, практика, наука. — 2023. — № 5. — С. 55–66.
5. Семёнов, А. В. Цифровые финансовые активы в банкротстве // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2024. — Т. 9, вып. 2. — С. 40–44.
6. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. А. И. Рарога. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2023. — 816 с.
7. Обзор судебной практики Новосибирского областного суда по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики за 2024 год // Официальный сайт Новосибирского областного суда. — URL: https://oblsud.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=sf&delo_id=1540005&new=5# (дата обращения: 10.11.2026).

Приостановление государственной регистрации перехода права на недвижимость: кадастровые препятствия и распределение договорных рисков

Кафтанова Екатерина Александровна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Предлагается дифференцировать причины приостановления государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество по критериям юридической устранимости и сферы контроля сторон. На основе статей 223, 551, 556 ГК РФ, Федерального закона № 218-ФЗ и судебных актов 2022–2026 гг. исследованы особенности исполнения договора при отсутствии в ЕГРН сведений о границах земельного участка и при возникновении препятствий к регистрационным действиям. Обосновывается возможность договорного закрепления порядка устранения препятствий, распределения расходов и последствий просрочки без изменения императивного момента возникновения вещного права.

Ключевые слова: *продажа недвижимости, государственная регистрация, ЕГРН, приостановление регистрации, границы земельного участка, договорный риск, ответственность сторон, аккредитив, судебная защита.*

Введение

Согласование договора купли-продажи недвижимости еще не свидетельствует о завершении предусмотренного законом перехода вещного права. Договор формирует обязательство продавца передать объект, а покупателя — принять недвижимость и уплатить установленную цену. Переход права собственности при отчуждении недвижимого имущества подлежит государственной регистрации (пункт 2 статьи 223, пункт 1 статьи 551 ГК РФ). В практическом обороте между заключением договора и регистрацией возникает самостоятельный интервал риска: аванс может быть перечислен, помещение передано, но запись о новом правообладателе еще не внесена [1; 2].

Федеральный закон от 26 декабря 2024 г. № 487-ФЗ усилил значение надлежащего кадастрового описания недвижимого имущества. С 1 марта 2025 г. в статье 26 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ предусмотрены специальные основания приостановления отдельных регистрационных действий при отсутствии в ЕГРН сведений о местоположении границ земельного участка. Эти правила затрагивают не только юридическую возможность зарегистрировать результат сделки, но и экономическое распределение последствий задержки между контрагентами [2; 3].

Цель статьи — определить правовые критерии разграничения устранимого регистрационного препятствия, нарушения договорной обязанности и порока правового титула, а также сформулировать модель договорного распределения обязанностей на случай приостановления регистрационных действий. Использованы формально-юридический метод, системное толкование законодательства и анализ судебной практики.

1. Самостоятельность договорного обязательства и регистрационного результата

Статья 550 ГК РФ предусматривает письменную форму договора продажи недвижимости в виде одного документа, подписанного сторонами. Статьи 554 и 555 ГК РФ устанавливают специальные требования к согласованию предмета и цены. Нарушение требований к заключенности или форме договора имеет иную юридическую природу, чем отсутствие зарегистрированного перехода права. Подписание действительного договора порождает обязательства сторон, однако само по себе не делает покупателя собственником объекта [1; 10].

Передача недвижимости регулируется статьей 556 ГК РФ: при отсутствии иного условия обязательство продавца считается исполненным посредством вручения имущества и подписания передаточного акта либо иного документа о передаче. Передача ключей и акта подтверждает фактическое исполнение, но не заменяет запись в ЕГРН. Следовательно, в момент приостановления регистрации возможны разные состояния исполнения: объект передан либо не передан; цена внесена полностью либо частично; регистрационный результат еще не достигнут.

Правовая квалификация этих состояний имеет существенное значение для судебной защиты. Если имеется действительный договор и одна из сторон уклоняется от необходимых регистрационных действий, пункт 3 статьи 551 ГК РФ предусматривает судебный механизм регистрации перехода права. Когда регистрацию приостановил государственный регистратор, необходимо отдельно установить правомерность административного решения. Если препятствием является отсутствие у продавца правомочия на распоряжение вещью, спор затрагивает титул и не сводится к техническому устранению регистрационных недостатков [1; 2; 8].

Необходимость разграничения указанных правовых режимов подтверждена определением Верховного Суда РФ от 22 марта 2022 г. № 78-КГ21–59-К3. Суд подчеркнул, что нарушение регистрационного порядка не образует само по себе недействительности договора продажи. Позиция устраняет недопустимую логическую подмену: отсутствие зарегистрированного вещного эффекта не тождественно отсутствию согласованного волеизъявления на заключение обязательственной сделки [4].

2. Кадастровые основания приостановления как самостоятельный регулятивный риск

При подготовке продажи земельного участка необходимо отличать его существование в качестве объекта гражданских прав от полноты внесенных в ЕГРН пространственных характеристик. В связи с изменениями, введенными Законом № 487-ФЗ, отсутствие сведений о местоположении границ образует специальные основания приостановления предусмотренных регистрационным законом действий. Аналогичное препятствие в определенных случаях связано с регистрацией объектов капитального строительства, расположенных на участке. Применение пунктов 21.1 и 21.2 части 1 статьи 26 Закона № 218-ФЗ требует учета предусмотренных законом исключений и характера конкретного регистрационного заявления [2; 3].

Регистрационное препятствие указанного типа не следует автоматически определять как недействительность договора. Юридическая проблема имеет иной предмет: при действующем договорном основании не завершена публичная процедура, необходимая для приобретения вещного права. Устранение затруднения может потребовать кадастровых работ, согласования границ и представления предусмотренных законом документов. Сроки и стоимость таких действий зависят от фактических характеристик участка и не могут быть одинаковыми для каждой сделки.

В договоре целесообразно разграничить заверения продавца о наличии зарегистрированного права, сведения об индивидуализации участка и самостоятельное условие о наличии в ЕГРН координат характерных точек

границ. Кадастровый номер, площадь и адрес не во всех случаях достаточны для вывода об отсутствии специального основания приостановления. Проверка проводится по актуальным документам и сведениям реестра до фиксации окончательной даты расчетов.

Дополнительное значение имеет документирование причин приостановления: дата подачи заявления, перечень представленных документов, текст уведомления регистратора, срок на устранение обстоятельств, переписка сторон и фактические действия по исправлению сведений. Эти документы образуют доказательственную основу при рассмотрении требования о возмещении убытков. Без установления причинной связи между конкретным поведением лица и задержкой регистрационного результата невозможно обоснованно распределить договорную ответственность. [9]

3. Разграничение причин просрочки и распределение гражданско-правовой ответственности

Задержка регистрации не во всех случаях может быть вменена продавцу. Судебная практика требует исследовать, было ли препятствие результатом отсутствия необходимых документов, нарушения обязанности одной из сторон либо поведения обоих контрагентов. В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 1 августа 2023 г. № 305-ЭС23–2969 по делу № А40–180355/2021 оценивались последствия несвоевременной регистрации и передачи проданного недвижимого имущества [5].

Из этой позиции следует трехэлементный тест договорной ответственности: во-первых, установить согласованную обязанность и момент ее исполнения; во-вторых, определить фактическую и юридическую причину задержки; в-третьих, оценить содействие либо встречное нарушение другой стороны, а также причинную связь с заявленным имущественным ущербом. Сам по себе факт более поздней даты записи в ЕГРН не доказывает автоматически ни вину конкретного контрагента, ни размер упущенной выгоды.

Часть рисков может быть заранее распределена договором. К обязанностям продавца могут относиться представление правоустанавливающих документов, урегулирование известных обременений, обеспечение необходимых согласий и выполнение предварительно согласованных кадастровых действий. Покупатель, в свою очередь, должен обеспечить своевременную подачу своего заявления, представление необходимых сведений и оплату пошлины в случаях, предусмотренных законом. Существенно не только перечисление обязанностей, но и фиксация процедуры уведомления и согласования дальнейших действий.

Особое значение имеет разграничение компенсации документально подтвержденных расходов и взыскания упущенной выгоды. Расходы на повторное обращение, подготовку документов и кадастровые работы должны оцениваться по наличию договорного или законного основания возмещения и доказательствам оплаты. Для упущенной выгоды требуется подтвердить реальную вероятность получения дохода, а также связь его неполучения с определенным нарушением. Абстрактная ссылка на возможную аренду помещения без исследования коммерческой ситуации не заменяет необходимого доказывания.

4. Соотношение регистрационного контроля и спора о действительности сделки

Существенно различаются полномочия регистратора при проверке документов и полномочия суда при разрешении спора о праве. Закон № 218-ФЗ устанавливает административные основания приостановления и отказа. Однако вопрос о наличии существенного заблуждения, недобросовестности приобретателя, обмана либо отсутствия волеизъявления относится к судебной оценке с использованием соответствующих доказательств.

Тематический обзор Верховного Суда РФ № 12/2026, утвержденный постановлением Президиума от 1 июля 2026 г. № 15А/2026, конкретизировал подходы к оспариванию договоров продажи жилых помещений. В частности, заблуждение продавца относительно мотивов сделки не тождественно существенному заблуждению о ее природе; должны учитываться степень осмотрительности, особенности положения сторон и возможность покупателя распознать соответствующее заблуждение. Вывод об отсутствии действительной воли требует исследования юридически значимых обстоятельств, а не формального указания на действия третьих лиц [6].

Пункт 20 названного обзора отдельно ограничивает проверку государственным регистратором законности нотариально удостоверенного договора купли-продажи. В соответствии с частью 2 статьи 59 Закона № 218-ФЗ повторная проверка законности такой сделки регистратором в предусмотренной законом части не осуществляется. Следовательно, административная процедура не должна подменять судебное оспаривание действительности нотариально удостоверенного договора [2; 6].

При этом ограничения полномочий регистратора не означают абсолютной необратимости зарегистрированного титула. Зарегистрированное право может оспариваться в суде; судебное решение о недействительности сделки и применении реституции при наличии установленных законом условий образует основание для соответствующих изменений в ЕГРН. Таким образом, публичная запись создает презумпции и обеспечивает стабильность оборота, но не заменяет судебную защиту при доказанности материально-правового дефекта.

5. Договорная модель предупреждения регистрационных споров

Предлагается включать в договор продажи недвижимости блок «Регистрационное сопровождение и распреде-

ление рисков», состоящий из пяти элементов: (1) перечень документов и заверений о титуле; (2) распределение обязанностей по подаче заявления и устранению замечаний регистратора; (3) конкретные сроки уведомления о приостановлении и сотрудничества; (4) механизм безопасных расчетов; (5) последствия просрочки, возникшей по вине одной или обеих сторон.

Первый элемент предполагает раскрытие кадастрового номера, адреса, площади, вида объекта, зарегистрированных ограничений и наличия сведений о границах участка. Второй предусматривает, какая сторона обеспечивает необходимые кадастровые действия при выявлении препятствий, какие расходы подлежат возмещению и какие документы подтверждают исполнение. Третий устанавливает обязательный обмен копиями решений регистратора и срок предоставления ответов; договорный срок не изменяет предусмотренные законом публичные сроки рассмотрения заявлений. Неопределенность способа и порядка оплаты способна порождать самостоятельный спор об исполнении денежного обязательства [7].

Пятый элемент формируется с соблюдением принципа причинной связи. Приостановление вследствие ранее известного и неустраненного продавцом дефекта титула может образовывать основание его ответственности, если выполнены установленные законом условия. Задержка, обусловленная неподачей покупателем обязательного документа, подлежит иной оценке. При совместном поведении сторон применяются правила о вине кредитора, включая статью 404 ГК РФ. Договор не должен объявлять любой административный отказ безусловной виной одного контрагента.

Для научно-прикладных целей разработана матрица проверки: А — заключенность (письменная форма, предмет, цена); Б — правомочия и обременения (титул, согласия, ограничения); В — исполнение (оплата, акт, освобождение); Г — регистрационный статус (подача, приостановление, устранение, запись). На каждом шаге фиксируются доказательственный документ, ответственное лицо, предельная дата действия и возможный способ защиты. Такая последовательность не создает новых юридических обязанностей сама по себе, но делает их исполнение проверяемым.

Заключение

Приостановление государственной регистрации перехода права собственности представляет собой самостоятельное юридическое обстоятельство, которое нельзя без дополнительного анализа отождествлять с незаключенностью или недействительностью договора. Введенные с 1 марта 2025 г. кадастровые ограничения усилили потребность в предварительной проверке границ участка и расположенных на нем объектов. Влияние регистрационного препятствия на имущественное положение сторон определяется его причиной, возможностью устранения и согласованным порядком исполнения.

Судебная практика подтверждает необходимость учитывать поведение обоих участников сделки. Вопрос о возмещении убытков требует доказывания нарушения, причинной связи и размера потерь; вопрос о действительности сделки — самостоятельного исследования ее пороков; вопрос об административной регистрации — проверки пределов полномочий регистратора. Предложенный пятиэлементный блок договорных условий и четырехступенчатая матрица правовой экспертизы позволяют структурировать названные проверки.

Научная новизна предлагаемого подхода состоит в классификации регистрационного риска по сфере контроля и юридической устранимости. Практическая применимость связана с совершенствованием договорной работы, фиксацией распределения обязанностей и сокращением числа споров, обусловленных неверным выбором способа защиты. Эффективность предложений подлежит дальнейшей проверке на более широкой эмпирической базе судебных актов.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая и вторая): статьи 8.1, 223, 404, 432, 549–558. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/; https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 31.10.2026).
2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (статьи 15, 16, 26, 27, 59). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 31.10.2026).
3. Федеральный закон от 26.12.2024 № 487-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494419/ (дата обращения: 31.10.2026).
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.03.2022 № 78-КГ21–59-К3. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22032022-n-78-kg21–59-k3/ (дата обращения: 31.10.2026).
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 01.08.2023 № 305-ЭС23–2969 по делу № А40–180355/2021. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-01082023-n-305-es23–2969-po-delu-n-a40–1803552021/ (дата обращения: 31.10.2026).

6. Тематический обзор Верховного Суда РФ № 12/2026 «По делам, связанным с оспариванием сделок, повлекших переход права собственности на жилые помещения» (утв. постановлением Президиума ВС РФ от 01.07.2026 № 15А/2026). URL: https://vsrf.ru/documents/all/36132/ (дата обращения: 31.10.2026).
7. Дадаян Е. В. К вопросу о способах (порядке) расчетов по договору купли-продажи недвижимости // Евразийский юридический журнал. 2024. № 8 (195). URL: https://eurasialaw-journal.ru/2024g/08–195–2024g.html (дата обращения: 31.10.2026).
8. Филиппов Е. В. К вопросу о взаимозаменяемости признания права и требования о государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость // Семейное и жилищное право. 2025. № 5. С. 28–30. URL: https://lawinfo.ru/articles/11515/k-voprosu-o-vzaimozamenyaemosti-priznaniya-prava-i-trebovaniya-o-gosudarstvennoi-registracii-perexoda-prava-sobstvennosti-na-nedvizimost (дата обращения: 31.10.2026).
9. Паюшин М. К. Проблемы административной процедуры государственной регистрации недвижимости // Административное право и процесс. 2025. № 7. С. 21–25. URL: https://lawinfo.ru/articles/10779/problemy-administrativnoi-procedury-gosudarstvennoi-registracii-nedvizimosti (дата обращения: 31.10.2026).
10. Карпова К. И. Правовое регулирование договора купли-продажи недвижимости: существенные условия и порядок регистрации // Молодой ученый. 2026. № 16 (619). С. 302–305. URL: https://moluch.ru/archive/619/135349 (дата обращения: 31.10.2026).

Переговоры и их место в системе альтернативного разрешения споров

Клычников Роман Юрьевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Шепелев Артур Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет

В настоящее время законодательство РФ, а также теория и практика позволяют говорить о наличии в российском праве системы альтернативного разрешения споров. Данная система включает различные альтернативные процедуры, позволяющие урегулировать споры либо вообще без обращения в суд, либо в рамках судопроизводства.

Формирование и понимание системы альтернативного разрешения споров как альтернативы судебному разбирательству позволяет выявить общие черты, характерные для всех альтернативных процедур, в том числе и переговоров, на основе сравнения именно со сферой правосудия.

В теории существует два подхода к пониманию альтернативного разрешения споров — широкий и узкий. С точки зрения широкого подхода альтернативное разрешение споров включает в себя совокупность разнообразных процедур, использование которых позволяет избежать судебного разбирательства. Иными словами, все альтернативные процедуры противопоставляются правосудию, которое осуществляется государственными судами. В качестве таких процедур сегодня рассматриваются: претензионный порядок урегулирования споров, переговоры, медиация, судебное примирение, арбитраж (третейское разбирательство). При этом отнесение претензионного порядка урегулирования споров к альтернативным процедурам не является общепризнанным мнением. По-прежнему в доктрине и на практике превалирует отношение к нему как к формальному условию права на обращение в суд в случаях, когда его обязательность установлена законом или договором [1, с. 378].

В узком понимании альтернативное разрешение споров включает только такие процедуры, которые противопоставляются и государственному суду, и арбитражу (третейскому разбирательству). Иными словами, альтернативными процедурами признаются способы, которые направлены на мирное урегулирование спора, т. е. лишь примирительные процедуры [2, с. 125].

На наш взгляд, широкий подход является более предпочтительным, поскольку позволяет провести общую классификацию, определить место каждой процедуры в этой классификации, выявить общие черты всех альтернативных процедур и особенности, характерные для той или иной процедуры в зависимости от ее места в целой системе. Воспользуемся данным подходом для характеристики переговоров.

На основе широкого подхода все альтернативные процедуры можно разделить на три группы:

— юрисдикционные, направленные на разрешение спора и вынесение обязательного для сторон решения (арбитраж);

— консенсуальные (согласительные), направленные на урегулирование спора и достижение взаимоприемлемого для сторон соглашения (претензионный порядок урегулирования спора, переговоры, медиация, судебное примирение);

— смешанные (гибридные) процедуры, сочетающие в разных вариантах элементы первых двух видов. Критерием такого деления является принцип, лежащий в основе той или иной процедуры (состязательности, сотрудничества или сочетание этих принципов) [3, с. 112].

Переговоры относятся к группе консенсуальных процедур или — с точки зрения российского законодательства и терминологии — к примирительным процедурам.

В свою очередь, примирительные процедуры можно разделить на процедуры, осуществляемые непосредственно сторонами без участия третьего независимого лица (претензионный порядок урегулирования спора и переговоры), и процедуры, которые проводятся с привлечением третьего независимого лица (медиация и судебное примирение).

Сложившаяся в России к настоящему времени система примирительных процедур позволяет провести еще одну классификацию по взаимосвязи с рассмотрением дела в суде. Здесь имеются три группы:

— процедуры, которые могут использоваться только в досудебном порядке (претензионный порядок урегулирования спора);

— процедуры, которые могут использоваться как до обращения в суд, так и после возбуждения дела в суде (переговоры, медиация);

— процедуры, использование которых возможно только в рамках возбужденного судебного дела или при исполнении судебного акта (судебное примирение) [3, с. 114].

Таким образом, переговоры в качестве самостоятельной альтернативной процедуры представляют собой примирительную процедуру, которая осуществляется непосредственно сторонами без участия третьего независимого лица как в досудебном порядке, так и после обращения в суд.

Приведенная система альтернативного разрешения споров не исчерпывается перечисленными видами, возможно существование и появление других вариантов. Так, в качестве комбинированного вида урегулирования споров упоминается получивший в России правовое закрепление институт омбудсмена, хотя и с оговоркой о том, что деятельность уполномоченных по разного рода правам можно отнести к сфере альтернативного разрешения споров с большой долей условности <1>. Появляются и некоторые разновидности переговоров. Например, становится известной так называемая партисипативная процедура, применяемая в ряде государств (Канаде, США, Франции, Казахстане) и представляющая собой примирительную процедуру, которая осуществляется путем проведения переговоров между сторонами при содействии адвокатов обеих сторон. Иными словами, это те же переговоры сторон, только с участием профессиональных представителей. Использование такой процедуры представляется перспективным и для нашей страны, особенно в связи с усилением роли профессионального судебного представительства [1, с. 410].

Тенденции развития различных альтернативных процедур свидетельствуют о том, что современная система альтернативного разрешения споров остается открытой и ее классификация может в дальнейшем расширяться. Однако в любом случае переговоры занимают в этой системе особое место не только потому, что они легализованы как самостоятельная процедура, но и потому, что они, по сути, как уже отмечалось, составляют содержание любой другой альтернативной процедуры. В связи с этим можно предположить, что более широкое использование переговоров в качестве самостоятельной процедуры закономерно может привести и к активизации применения других механизмов альтернативного разрешения и урегулирования споров.

Являясь разновидностью альтернативных процедур, переговоры, с одной стороны, обладают общими свойствами с другими альтернативными процедурами, с другой — имеют свои отличительные особенности [3, с. 115].

Также отметим, что переговоры и иные альтернативные процедуры, по своей природе являются частноправовыми. Во-первых, основной сферой их применения являются частноправовые отношения. Во-вторых, использование переговоров в рамках публичных правоотношений прямо допускается нормами процессуального законодательства РФ, не делает саму процедуру публичной. При этом природа спорного правоотношения накладывает отпечаток на специфику переговорного процесса (в частности, на возможность выбора вариантов поведения), но тем не менее в «публичных» переговорах участники находятся в юридически равном положении относительно друг друга, начиная с момента инициирования процедуры и завершая результатом ее проведения.

Применение переговоров в ходе гражданского, арбитражного или административного судопроизводства также не превращает их в публичную процедуру. Проведение любой примирительной процедуры выводится за рамки публичного судебного процесса. Для этой цели процессуальные кодексы [4, 5] предусматривают специальные последствия в форме перерыва в судебном заседании, отложения судебного разбирательства. Кроме того, в законе прямо устанавливается, что переговоры осуществляются на условиях, определяемых сторонами.

Литература:

1. Альтернативное разрешение споров: учебник / под ред. Е. А. Борисовой. — М.: Городец, 2019. — 532 с.
2. Международный коммерческий арбитраж/ под ред. О. Ю. Скворцова, М. Ю. Савранского, Г. В. Севастьянова. — М.: Статут, 2018. — 498 с.
3. Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе: монография / Р. Ю. Банников, О. И. Величкова, Е. А. Евтухович и др.; под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. — М.: Статут, 2023. — 272 с.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.

Исковая давность в гражданском праве: правовая природа, основания применения и спорные вопросы судебной практики

Коваленко Виктория Артуровна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Тема исковой давности многогранна: законом установлены четкие правила, но на практике возникает немало нюансов, из-за которых суды порой приходят к разным выводам.

Исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. По обязательствам с определенным сроком исполнения течение срока исковой давности начинается по окончании срока исполнения. По обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, срок исковой давности начинает течь со дня предъявления кредитором требования об исполнении обязательства, а если должнику предоставляется время для исполнения такого требования, исчисление срока исковой давности начинается по окончании данного периода. При этом срок исковой давности во всяком случае не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательства. По регрессным обязательствам течение срока исковой давности согласно ст. 200 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) начинается со дня исполнения основного обязательства.

Общий срок исковой давности — 3 года (ст. 196 ГК РФ), но есть важный верхний предел: даже если с момента, когда гражданин узнал о нарушении своих прав, прошло 3 года или менее, закон не позволит ему обратиться в суд, если с момента фактического нарушения права минуло 10 лет (п. 2 ст. 196 ГК РФ): фактор осведомленности в данном случае не работает, и восстановить предельный срок нельзя. Для отдельных категорий споров закон устанавливает иные, часто сокращенные или, наоборот, более длительные периоды (ст. 197 ГК РФ).

«Перемена лиц в обязательстве не влечет изменения срока исковой давности и порядка его исчисления» (ст. 201 ГК РФ).

Приостановление течения срока исковой давности

«Течение срока исковой давности приостанавливается:

1) если предъявлению иска препятствовало чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство (непреодолимая сила);

2) если истец или ответчик находится в составе Вооруженных Сил Российской Федерации, переведенных на военное положение;

3) в силу установленной на основании закона Правительством Российской Федерации отсрочки исполнения обязательств (мораторий);

4) в силу приостановления действия закона или иного правового акта, регулирующего соответствующее отношение.

Течение срока исковой давности приостанавливается при условии, что указанные в пункте 1 настоящей статьи обстоятельства возникли или продолжали существовать в последние шесть месяцев срока исковой давности, а если этот срок равен шести месяцам или менее шести месяцев — в течение срока исковой давности.

Если стороны прибегли к предусмотренной законом процедуре разрешения спора во внесудебном порядке (процедура медиации, посредничество, административная процедура и т. п.), течение срока исковой давности приостанавливается на срок, установленный законом для проведения такой процедуры, а при отсутствии такого срока — на шесть месяцев со дня начала соответствующей процедуры.

Со дня прекращения обстоятельства, послужившего основанием приостановления течения срока исковой давности, течение ее срока продолжается. Остающаяся часть срока исковой давности, если она составляет менее шести месяцев, удлиняется до шести месяцев, а если срок исковой давности равен шести месяцам или менее шести месяцев, до срока исковой давности» (ст. 202 ГК РФ).

Перерыв течения срока исковой давности

«Течение срока исковой давности прерывается совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга. После перерыва течение срока исковой давности начинается заново; время, истекшее до перерыва, не засчитывается в новый срок» (ст. 203 ГК РФ).

Согласно ст. 190 ГК РФ, срок можно определить тремя способами: календарной датой; истечением периода времени (годов, месяцев, недель, дней, часов); указанием на событие, которое должно неизбежно наступить.

«Если последний день срока приходится на нерабочий день (выходной или праздничный), то днем окончания срока считается ближайший следующий за ним рабочий день» (ст. 193 ГК РФ). Это правило работает только для самого конца срока. Если сам срок начал течь в выходной день, этот день учитывается в подсчете как обычный календарный.

«Если срок установлен для совершения какого-либо действия, оно может быть выполнено до двадцати четырех часов последнего дня срока.

Однако если это действие должно быть совершено в организации, то срок истекает в тот час, когда в этой организации по установленным правилам прекращаются соответствующие операции.

Письменные заявления и извещения, сданные в организацию связи до двадцати четырех часов последнего дня срока, считаются сделанными в срок» (ст. 194 ГК РФ).

Течение срока исковой давности при защите нарушенного права в судебном порядке

«Срок исковой давности не течет со дня обращения в суд в установленном порядке за защитой нарушенного права на протяжении всего времени, пока осуществляется судебная защита нарушенного права.

При оставлении судом иска без рассмотрения течение срока исковой давности, начавшееся до предъявления иска, продолжается в общем порядке, если иное не вытекает из оснований, по которым осуществление судебной защиты права прекращено.

Если судом оставлен без рассмотрения иск, предъявленный в уголовном деле, начавшееся до предъявления иска течение срока исковой давности приостанавливается до вступления в законную силу приговора, которым иск оставлен без рассмотрения.

Если после оставления иска без рассмотрения неистекшая часть срока исковой давности составляет менее шести месяцев, она удлиняется до шести месяцев, за исключением случаев, если основанием оставления иска без рассмотрения послужили действия (бездействие) истца» (ст. 204 ГК РФ).

Восстановление срока исковой давности

«В исключительных случаях, когда суд признает уважительной причину пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т. п.), нарушенное право гражданина подлежит защите. Причины пропуска срока исковой давности могут признаваться уважительными, если они имели место в последние шесть месяцев срока давности, а если этот срок равен шести месяцам или менее шести месяцев — в течение срока давности» (ст. 205 ГК РФ).

С истечением срока исковой давности по главному требованию считается истекшим также срок исковой давности по дополнительным в отношении него требованиям (процентам, неустойке, залогу, поручительству и т. п.), в том числе возникшим после истечения срока исковой давности по такому (главному) требованию (п. 1 ст. 207 ГК РФ).

В соответствии со ст. 208 ГК РФ «исковая давность не распространяется на:

требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ, кроме случаев, предусмотренных законом;

требования вкладчиков к банку о выдаче вкладов;

требования о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина. Однако требования, предъявленные по истечении трех лет с момента возникновения права на возмещение такого вреда, удовлетворяются за прошлое время не более чем за три года, предшествовавшие предъявлению иска, за исключением случаев, предусмотренных Федеральным законом от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ „О противодействии терроризму“;

требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения не были соединены с лишением владения (статья 304);

другие требования в случаях, установленных законом» (ст. 208 ГК РФ).

С одной стороны, исковая давность — это материально-правовой институт, который устанавливает срок для защиты нарушенного права; с другой — его действие неразрывно связано с судебным процессом, поскольку само по себе истечение срока не прекращает материальное право, а лишь лишает его принудительной судебной защиты.

Исковая давность регулируется нормами материального права (гражданского), в частности — ст. 195 ГК РФ. Она определяет временные рамки, в пределах которых возможно принудительное осуществление субъективного гражданского права. Важно понимать, что истечение срока исковой давности не прекращает само материальное право (например, право требовать исполнения обязательства), а лишь лишает его возможности быть принудительно реализованным через суд.

«По своей правовой природе исковая давность относится к материально-правовым институтам, что неоднократно подчеркивал Верховный Суд РФ. Несмотря на тесную связь с процессуальными институтами, исковая давность регулирует именно материальные правоотношения, определяя временные пределы возможности принудительной защиты нарушенного субъективного права.

Материально-правовой характер исковой давности проявляется в следующих аспектах:

1) регулирование нормами материального, а не процессуального права;

2) тесная связь с субъективным материальным правом;

3) влияние на возможность принудительной защиты права, а не на само право;

4) применение по заявлению стороны в споре, а не по инициативе суда;

5) оказание влияния на материальные правоотношения, а не только на процессуальные» [2, с. 431].

Особое значение для понимания материально-правовой природы исковой давности имеет правильное определение ее целей и функций. К основным целям данного института можно отнести защиту интересов тех, кто действует добросовестно и в соответствии с законом.

Перечислим функции исковой давности:

- «дисциплинирующая (побуждающая сторону обратиться за защитой);

• стабилизирующая (обеспечивающая устойчивость гражданских отношений);

• защитная (предотвращающая возникновение необоснованных требований с течением времени);

• доказательственная (устраняющая сложности с доказательствами, обусловленные временными обстоятельствами)» [2, с. 432].

Наиболее проблематичным аспектом в механизме действия исковой давности является идентификация начального момента течения срока. Согласно положениям статьи 200 ГК РФ, отсчет срока начинается с момента, когда истец получил сведения о нарушении своих прав или мог получить подобные сведения. Более того, законодатель установил предельный срок подачи исков в 10 лет для дел, связанных с защитой нарушенных прав.

Рассматривая исковую давность с обозначенной позиции, можно заключить, что ей присущи именно частноправовые черты, поскольку только от воли субъекта, управомоченного заявить о применении исковой давности в суде, в силу п. 2 ст. 199 ГК РФ зависит реализация права. Закон не только ограничивает суд в праве применять исковую давность по собственной инициативе без волеизъявления стороны по делу, но и лишает суд права даже предлагать какой-либо из сторон представлять новые доказательства и давать объяснения, связанные с пропуском исковой давности. Приведенное обстоятельство свидетельствует о том, что закон ограничивает публичную власть, не позволяя ее представителям самостоятельно решать за участников правоотношения вопрос о применении исковой давности, что и обуславливает частноправовую природу указанного института.

Таким образом, исковая давность представляет собой комплексное и многогранное явление, сочетающее признаки различных отраслей права. Правильное понимание затронутых в настоящей статье правовых вопросов квалификации исковой давности в конечном итоге упростит правоприменение и будет способствовать достижению законности.

Действие исковой давности невозможно вне рамок судебного спора. Для того чтобы процессуальный эффект наступил, необходимо сочетание двух юридических фактов:

1) фактическое (календарное) истечение установленного законом срока;

2) заявление ответчиком в рамках судебного процесса возражений о пропуске срока истцом.

Процессуальный аспект проявляется, например, в том, что согласно ч. 6 ст. 152 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в предварительном судебном заседании может рассматриваться возражение ответчика относительно пропуска истцом срока исковой давности. Таким образом, исковая давность оказывает непосредственное влияние на движение процесса и развитие процессуальных отношений.

Материально-правовой характер исковой давности преобладает, ее природа носит комплексный характер. Она сочетает в себе признаки как материального, так и процессуального права. Действие института возможно лишь в процессуальной форме — при наличии конкретного судебного спора и заявления стороны о применении срока давности.

Таким образом, исковая давность, являясь ограничением конституционного права на судебную защиту нарушенных прав, направлена на охрану субъективных прав и охраняемых законом интересов, обеспечивает баланс интересов управомоченного и обязанного лица, способствует достижению правовой определенности и стабильности гражданского оборота.

Литература:

1. Агарков, М. М. Избранные труды по гражданскому праву / М. М. Агарков. — 2-е изд. — Москва: Статут, 2024. — 962 с.
2. Грицук, А. А. Материальные аспекты исковой давности // Вопросы российского и международного права. — 2025. — Т. 15, № 2А. — С. 429–441. — DOI: 10.34670/AR.2025.57.23.044.
3. Практикум по гражданскому праву: учебно-методическое пособие. Ч. 1 / В. В. Акинфиева, Е. В. Аристов, А. В. Богданов [и др.]; под редакцией В. Г. Голубцова, Д. А. Формакидова. — Москва: Статут, 2022. — 270 с.
4. Филиппова, С. Ю. Юридические факты в гражданском праве: в 3 ч. Ч. 3: События: гражданско-правовые проблемы квалификации / С. Ю. Филиппова. — Москва: Статут, 2024. — 350 с.
5. Энциклопедия решений. Последствия истечения (пропуска) срока исковой давности (ноябрь 2026) // Гарант.ру. — URL: https://base.garant.ru/58074964/
6. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — URL: https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1001994032000&page=1&sort=position&limit=50&nd=4570&volid=1001994032000
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — URL: https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1002002046000&page=1&sort=position&limit=50&nd=103&volid=1002002046000

К вопросу о современной проблематике судебной комиссионной экспертизы

Колесников Василий Дмитриевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Эртель Людмила Александровна, доктор медицинских наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье раскрываются актуальные проблемы производства судебной комиссионной экспертизы, включая несовершенство законодательной базы и понятийного аппарата, сложности согласования позиций экспертов, что входят в состав комиссии. Предлагаются практические способы разрешения выявленных проблем посредством совершенствования отраслевых норм и ведомственных актов, стандартизации экспертных методик, применяемых в условиях коллегиальной исследовательской деятельности.

Ключевые слова: *судебная комиссионная экспертиза, исследование, эксперт-организатор, стандартизация экспертизы, качество экспертного исследования.*

В текущих реалиях, отражающих закономерности совершенствования российской правовой системы в целом, и науки криминалистики в частности, значительное внимание уделяется вопросам в аспекте реализации экспертной деятельности. Учитывая, что её вариации крайне многообразны (конкретная разновидность экспертизы определяется целями и задачами, поставленными перед органами следствия (дознания) и судом), важно рассматривать каждую в отдельности. Особого внимания заслуживает комиссионная экспертиза.

Сущность комиссионной экспертизы определяется её возможностями, среди которых первостепенно хочется отметить обеспечение достоверных и обоснованных выводов относительно правовых ситуаций, когда сложность объекта или характер поставленных вопросов превышают профессиональные компетенции одного эксперта. Комиссионная форма деятельности позволяет оптимизировать экспертное исследование, объединяя в процессе нескольких лиц, представляющих общую экспертную специальность (исходя из смысла статьи 21 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1]).

Процессуальное значение комиссионной экспертизы выражается через повышение доказательственной силы экспертного заключения. Те выводы, к которым пришли эксперты на основе совместного анализа, воспринимаются судом как более объективные (конечно, если сопоставлять их с выводами, к которым пришёл эксперт в единоличном порядке). Объясняется это тем, что исследование, которое проводится с применением критерия коллегиальности, снижает вероятность экспертной ошибки благодаря усиленному контролю и критической оценке промежуточных результатов, подлежащих обсуждению экспертами, вошедшими в состав комиссии.

Следовательно, от эффективности работы экспертов зависит во многом и процесс доказывания, а поэтому проблематика, отражающаяся на качестве экспертной деятельности, требует скорейшего разрешения. В числе наиболее неблагоприятно воздействующих факторов можно обозначить:

1. Несовершенство отраслевой законодательной базы, выражающееся в разрозненности правовых предписаний, регулирующих порядок проведения судебной комиссионной экспертизы. Например, процессуальный закон никак не раскрывает порядок формирования комиссии, не обращается к важности и необходимости назначения эксперта-организатора. Отраслевой закон, в том числе, даже не содержит положений, которые бы уточняли его положение в качестве участника судопроизводства (организаторы, как итог, оказываются в равном положении с экспертами, что лишает такое деление смысла — зачем выделять разные категории субъектов, если никаких различий в их статусе не предусматривается, а выполняемые функции остаются аналогичными).

Более этого, законодатель не предусмотрел механизма для разрешения противоречий между экспертами. Предполагается, что если мнения комиссии разошлись, то все эксперты, выражающие несогласие с основными доводами, должны составить отдельные заключения, однако общей процедуры, которая бы детализировала порядок выявления расхождений и их документирования, не предусмотрена. На практике это ведёт к затягиванию сроков производства или даже назначению повторных экспертиз (ошибкам при их назначении [2, с. 139]).

Разрешение отмеченной проблемы видится в следующих решениях:

— унификация процессуального закона, предполагающая разработку и последующее введение предписаний о судебной комиссионной экспертизе с закреплением порядка формирования экспертной комиссии, также правового статуса эксперта-организатора (необходимо разграничить его деятельность, а также деятельность иных экспертов, входящих в состав комиссии);

— детализация порядка проведения комиссионной экспертизы в нормах ведомственных актов (их полное приведение в соответствие с Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). По поводу отмеченного предложения: все ведомственные акты (как пример — Приказ Министерства юстиции Российской Федерации «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Рос-

сийской Федерации» [3]) становятся категорией, более подробно раскрывающей общие требования. Многие из вопросов, которые кажутся нам неопределёнными (в частности, отмеченные выше), должны раскрываться в их содержании, что позволит, во-первых, не перегружать основной закон, во-вторых, систематизировать всю важную информацию в специализированных актах (что упростит её поиск среди огромного объёма нормативно-правовых источников и справочной правовой информации).

Важно помнить, что регламенты не могут противоречить федеральному законодательству, поскольку тогда усиливается субъективизм, одновременно снижается результативность экспертной и правоохранительной деятельности. В отмеченном отношении предполагается своевременное совершенствование нормативной базы на всех её уровнях (с учётом происходящих изменений по отношению к системе отраслевого правового регулирования);

2. Неоднозначность понятийного аппарата. Современный законодатель не приходит очевидного разграничения между комиссионной и комплексной экспертизой, ввиду чего многие «смешивают» их. Формально комиссионная проводится экспертами одной специальности, комплексная — разных, однако на практике, например, медико-криминалистическая экспертиза может иметь отношение и к той, и другой разновидности одновременно (то есть, грань в её сущностном понимании полноценно не определяется, и выбор конкретного вида исследования требует конкретизации [4, с. 171–172]).

В частности, вызывает вопросы понятие «одна специальность», смысл которого также не так однозначен. Возникает закономерный вопросом о том, в каком точно аспекте приводится термин «специализация»: как направление в дипломе (образование эксперта), лицензия экспертного учреждения, на базе которого он осуществляет профессиональную деятельность или фактическая компетенция, которой он обладает? Требуется законодательное уточнение.

3. Сложность согласования мнений экспертов, которая обусловливается субъективными факторами: неоднородный профессиональный опыт, ввиду которого проявляются различия в подходе к исследованию. Молодой эксперт следует актуализированным методикам, опытный опирается на накопленную практику, на основании чего возникает некий методологический конфликт при выборе подхода к работе. Более этого, как справедливо отмечается Т. Ф. Моисеевой, «в процессе исследования одним экспертом объект может быть изменен или даже быть уничтожен, что не позволит другим членам комиссии провести его исследование» [2, с. 140].

Владение современными методами исследования также неравномерно, а формулирование выводов в целом субъективно (поскольку требований для составления заключения, по сути, не приводится): так, одни эксперты могут придерживаться количественных значений, другие — допускать качественную оценку. Как следствие — суд получает противоречивые экспертные мнения по одним и тем же вопросам, что сводит к нулю доказательственную ценность заключений и вынуждает назначать повторную экспертизу с новым составом.

Решение данной проблематики, по нашему мнению, — регламентация и стандартизация перечня методик для типовых экспертиз с указанием степени их приоритета как основы деятельности экспертов (условно, современные по отношению к устаревшим будут более предпочтительными). Такое решение позволит выработать единую методическую базу экспертов, исключая любое столкновение внутренних взглядов специалистов относительно содержания и способов реализации их профессиональной деятельности.

Таким образом, судебная комиссионная экспертиза представляет собой одну из важнейших криминалистических категорий, посредством реализации которой возникает возможность для усиления доказательственной базы дела. На сегодняшний день вопросы её проведения отличаются рядом проблем, и их решение становится важнейшей задачей законодателя.

Так, на основании всего изложенного, руководствуясь необходимостью совершенствования механизмов судебной комиссионной экспертизы, важно конкретизировать отраслевое законодательство, а именно: дополнить нормы Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» положениями о порядке формирования экспертной комиссии, о правовом статусе эксперта-организатора, усилить разграничение комиссионной и комплексной экспертизы, стандартизировать методический перечень для типовых экспертиз посредством указания их приоритетности в качестве основы деятельности экспертов.

Литература:

1. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
2. Моисеева, Т. Ф. Взаимодействие судебных экспертов при производстве комиссионных экспертиз: правовые и методологические аспекты / Т. Ф. Моисеева. — Текст: непосредственный // Вестник экономической безопасности. 2023. — № 1. — С. 138–142.
3. Приказ Минюста России от 28 декабря 2023 г. № 404 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации».
4. Царенко, А. А. Отличительные признаки комплексной экспертизы и комплексного исследования в уголовном судопроизводстве / А. А. Царенко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 52 (394). — С. 171–173.

К вопросу о современной проблематике комплексной судебной экспертизы

Колесников Василий Дмитриевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Эртель Людмила Александровна, доктор медицинских наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье авторами раскрываются актуальные проблемы производства комплексной судебной экспертизы, включая несовершенство законодательной базы и понятийного аппарата (отсутствие официального определения комплексной судебной экспертизы), а также организационные сложности взаимодействия экспертов.

Предлагаются практические способы разрешения выявленных проблем посредством совершенствования отраслевых норм (развития материалов судебной практики) и системного обеспечения технической, материальной, информационной, организационной, правовой, также финансовой, кадровой составляющей экспертной деятельности.

Ключевые слова: *комплексная судебная экспертиза, группа экспертов, экспертная деятельность, судопроизводство, комплексное исследование, экспертное заключение, проблемы комплексной судебной экспертизы.*

Современные тенденции осуществления процессуальных мероприятий, обращённых, в частности, к обеспечению судопроизводства, раскрываются через закономерно происходящее усложнение отраслевых правоотношений, возникающих в пределах отмеченного механизма правового регулирования. По этой причине российские правоприменители сталкиваются с ситуациями, когда невозможно полноценно рассматривать (а впоследствии — разрешать) спор без обращения к специальным знаниям, которыми обладают особенные по своему правовому положению субъекты — эксперты.

Отдельному вниманию подлежат вопросы, связанные с коллективной вариацией экспертной деятельности, имеющей комплексный характер. Так, комплексная судебная экспертиза в юридической науке раскрывается в роли исследования, которое проводится экспертами, представляющими несколько разных специальностей, в их взаимодействии друг с другом для выполнения единой задачи, не разрешимой посредством обращения к специалистам лишь одной специальности.

Иными словами, каждый эксперт достигает профессиональных целей в пределах своей компетенции и отвечает исключительно за свои собственные выводы. В свою очередь, итоговое заключение представляется обобщённым выводом, полученным в результате последовательного изложения частных результатов (непосредственно соотносимых причинно-следственной связью: одна закономерность подводит к другой, ввиду чего формируется целостное представление относительно объекта исследования, а также разрешаются вопросы многосложного содержания, подлежащие разрешению экспертами).

Однако это лишь её сущностное определение, что позволяет отметить первую проблему: законодатель не предлагает исчерпывающей дефиниции «комплексная судебная экспертиза». В нормах российского процессуального законодательства (статья 201 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1], статья 82 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2], статья 85 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [3], статья 23 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [4]) регламентированы её отдельные признаки (приведённые выше), но конкретизации обстоятельств, которые позволяют признавать исследование комплексным, отраслевой закон не предусматривает, и доктрина вынужденно заполняет этот правовой пробел различными концептуальными вариациями.

На фоне этого возникает понятийная неопределённость, суть которой раскрыла Е. П. Орехова, обратившая внимание на особенности разграничения комплексной судебной экспертизы и комплекса судебных экспертиз. Автор отмечает, что в аспекте комплексной экспертизы эксперты взаимодействуют в тех формах, которые предполагаются организационными составляющими их совместной деятельности (определяют постановку задачи, обмениваются промежуточными результатами работы, соотнося их между собой и отмечая корреляцию, и, как было отмечено ранее, формулируют вывод, выносимый в заключение).

При организации комплекса экспертиз специалисты подходят к задаче исследования, обращаясь к различным методическим механизмам, проводят исследование самостоятельно (параллельно), а в итоговом заключении лишь приводят собственные выводы. Иными словами, — это несколько экспертиз в одной исследовательской структуре. Иногда орган, назначающий экспертизу, называет комплексной даже те направления работы, которые можно было бы поручить нескольким отдельным экспертам, что осложняет данную проблему в практическом осмыслении [5, с. 60].

Нормативное разрешение данной проблемы сводится к официальному закреплению в отраслевых предписаниях понятия комплексной экспертизы. В нём должны быть обозначены основополагающие его признаки (участие в исследовании экспертов разных специальностей, постановка общей задачи, что не разрешается через обращение к одной специальности, взаимодействие экспертов в ходе профессиональной деятельности и единство заключения).

Одновременно целесообразно прямо предусмотреть отличие понятия от смежной категории «комплекс экс-

пертиз», подчеркнув, что если эксперты исследуют неоднородные объекты, не составляют общий вывод по вопросам субъекта, назначающего проведение экспертизы, то речь идёт об организации нескольких самостоятельных экспертиз (две противоположные ситуации, по отношению к которым действует соответствующий порядок реализации).

Допустимая альтернатива решению, когда законодательные изменения затруднены — подготовка разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые придадут теоретическим установкам большее значение, допуская возможность их применения в деятельности судов и следователей. Правоприменительное направление включает несколько мер. Посредством их содержания представляется необходимым:

— обязать орган, назначающий проведение экспертизы, обосновывать в постановлении (или определении), почему процессуальная задача требует комплексной вариации экспертной деятельности и, следовательно, не может разрешаться посредством совокупности отдельных исследований;

— предопределить обязательность рассмотрения вопроса о том, можно ли получить экспертное заключение по существу обстоятельств конкретного дела, обратившись к единоличной работе эксперта (если можно, экспертизу нельзя представлять в качестве комплексной);

— предложить возможную структуру заключения экспертов с разделами не только, раскрывающими порядок исследований каждого эксперта, а также сделанные ими выводы (их привязку к общим аспектам), но и, в частности, затрагивающими этапы и особенности их взаимодействия, которые повлияли на окончательное содержание заключения. Необходимо определить, не было ли стороннего воздействия на специалистов, входящих в состав экспертной группы, полностью ли они поддерживают доводы коллег, как по отношению к собственным результатам, так по отношению к обстоятельствам по делу (и корректно ли были реализованы методики комплексной работы);

— наделить суд и стороны правом ходатайствовать о переквалификации экспертизы, если в заключении отсутствует комплексный вывод, оценивать такое заключение как совокупность отдельных заключений.

Ещё одна проблема рассматриваемой темы сводится к взаимодействию экспертов, которая на уровне комплексной деятельности выражена в том, что закон хоть и предполагает их совместную работу, но почти не описывает, как она должна быть организована и осуществлена. Он указывает лишь на то, что в заключении отражается, какие виды исследований и в каком объёме провёл каждый эксперт, и что общий вывод формулируют эксперты, компетентные в оценке полученных результатов. Механизм достижения согласованности, как следствие, остаётся на усмотрении экспертов (руководителя учреждения), по причине чего на практике нередко сводится к формальному обмену актами.

Более того, нередко продолжительность осуществления комплексных экспертиз, превышает время, в течение которого потенциально должно быть составлено экспертное заключение. С одной стороны, указанная сложность ожидаема, учитывая неоднородность объектов, но с другой стороны требует устранения, поскольку нарушает разумный срок судопроизводства.

Об этом рассуждает А. В. Левочкина, отмечающая, что основная часть механизма обеспечения разумных сроков судопроизводства раскрывается в виде минимизации сроков проведения судебных экспертиз, представляющей совокупность мероприятий материально-технического, информационного, правового, организационного, финансового и кадрового характера. Каждое из них предполагает обеспечение решения проблем в части работы экспертов [6, с. 66].

Позицию учёной мы разделяем, руководствуясь тем, что длительность комплексной экспертизы определяется не столько внутренней сложностью её объектов, сколько системными факторами, устранение которых практически невозможно за счёт деятельности отдельных экспертов. Так, предложенная модель разрешения имеющихся трудностей учитывает их множественную вариативность, обращаясь к наделению приоритетом качество исследования, а не оперативность его осуществления.

Таким образом, комплексная судебная экспертиза остаётся проблемной областью, осложнённой, как на законодательном, так и на организационном уровне. От разрешения текущих сложностей зависят перспективы развития института судебных экспертиз в целом.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12. 2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026).
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025).
4. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
5. Орехова, Е. П. К вопросу о тактике назначения комплексных экспертиз / Е. П. Орехова // Традиции и перспективы развития криминалистической тактики: материалы круглого стола с международным участием. — 2017. — С. 59–60.
6. Левочкина, А. В. Совершенствование судебно-экспертной деятельности в рамках организационно-правового механизма обеспечения разумного срока судопроизводства / А. В. Левочкина // Правовая политика и правовая жизнь. — 2013. — № 1. — С. 65–70.

Доктринальные представления о судебном иммунитете иностранного государства

Колодезный Алексей Александрович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор раскрывает особенности основных концепций иммунитета иностранного государства. Рассматривается процесс эволюции понятия иммунитета иностранного государства в правовой доктрине и процесс его закрепления в международном и национальном законодательстве.

Ключевые слова: *иностранное государство, абсолютный иммунитет, функциональный иммунитет.*

В современной международно-правовой доктрине сложилось два основных подхода к пониманию иммунитета государства: концепция абсолютного иммунитета и концепция иммунитета функционального (ограниченного).

Доктрина абсолютного иммунитета исходит из того, что иностранное государство пользуется иммунитетом от юрисдикции судов другого государства во всех случаях, независимо от характера совершаемых им действий.

В советской доктрине международного права теория абсолютного иммунитета занимала господствующее положение. Как отмечает И. О. Хлестова, советская доктрина уделяла большое внимание проблемам юрисдикционного иммунитета, так как сама исходила из теории абсолютного иммунитета иностранного государства, что было обусловлено рядом факторов, в частности, существовавшими в СССР государственной монополией внешней торговли и государственной валютной монополией [1].

Аргументация сторонников теории абсолютного иммунитета строится на следующих основных доводах. Во-первых, указывается, что неверной является ссылка сторонников ограниченного иммунитета на принцип равенства сторон в соглашении. Равенство сторон, как полагают сторонники теории абсолютного иммунитета, заключается в свободе волеизъявления при заключении соглашения и свободе выбора применимого к нему права.

Во-вторых, подчеркивается, что характер действий иностранного государства и его органов может определяться только правом этого государства. Если внутреннее право государства не знает деления на публичное и частное, такое деление применяться не может.

В-третьих, в качестве существенного недостатка теории ограниченного иммунитета рассматривается то, что для определения характера действия государства суд должен рассмотреть такое действие. Тем самым все действия государства подпадают под юрисдикцию иностранного суда.

Концепция абсолютного иммунитета исходит из неограниченного характера суверенной защиты: государство пользуется иммунитетом в полном объеме вне зависимости от того, какую деятельность (публичную или частную) оно осуществляет. Согласно данной теории, иски к иностранному государству не могут рассматриваться без его согласия в судах другого государства; имущество государства не может быть подвергнуто принудительным мерам со стороны другого государства, включая меры обеспечительного характера и действия, направленные на принудительное исполнение судебного решения.

Особое значение теория абсолютного иммунитета приобрела в Советском Союзе и иных государствах с плановой экономикой, где государственная собственность выступала основой хозяйственной системы, а внешнеэкономическая деятельность являлась государственной монополией. Признание иммунитета абсолютным позволяло этим странам выводить свою внешнеэкономическую активность из-под юрисдикции иностранных судов. До периода распада СССР в стране действовала исключительно концепция абсолютного иммунитета. В то же время в странах Западной Европы и Северной Америки уже в первой половине XX века стали нарастать сомнения в целесообразности неограниченного иммунитета. К середине XX столетия в условиях растущей интернационализации всех сфер социальной жизни государства все более активно участвовали в мировой торговле и в таком статусе по справедливости должны были бы рассматриваться в качестве обычных предпринимателей, а не особых субъектов, наделенных публичными правами и реализующих функции власти.

При всем вышеизложенном, стоит отметить, что несмотря на логическую стройность и соответствие базовым принципам международного права, теория абсолютного иммунитета обнаружила существенные недостатки по мере расширения участия государств в международном коммерческом обороте. Абсолютный иммунитет объективно затруднял развитие торговых связей с участием публичных образований, поскольку частные контрагенты оказывались лишенными эффективной судебной защиты в случае нарушения государством договорных обязательств. Как справедливо отмечают Н. Д. Новикова и А. М. Камалова, иммунитет изначально формировался как инструмент поддержания официальных межгосударственных отношений и обеспечения взаимодействия суверенов на чужой территории, что и предопределяло его абсолютный характер. Однако по мере того, как государства начинали активно вовлекаться в частноправовую сферу — торговлю, приобретение товаров и услуг, операции с недвижимостью, — прежний подход перестал отвечать потребностям оборота, что обусловило необходимость существенного переосмысления доктрины [2].

Как отмечает А. О. Четвериков, сам факт наличия у государства иммунитета никогда не подвергался сомнению.

Дискуссии разворачивались вокруг иного вопроса — каковы допустимые пределы этого иммунитета [3]. На основе этих дискуссий сформировалась доктрина функционального (ограниченного) иммунитета.

Ключевая идея нового подхода заключалась в следующем: если государство выступает в коммерческом обороте от своего имени, оно ставит себя в положение частного лица и в отношении соответствующей деятельности, а также связанного с ней имущества не должно пользоваться иммунитетом. Иммунитет признается за государством лишь постольку, поскольку оно действует как носитель публичной власти, реализуя суверенные прерогативы. Такие действия пользуются абсолютным иммунитетом. Напротив, действия коммерческого характера иммунитетом не защищены, и в этой сфере государство должно рассматриваться наравне с частными лицами.

В соответствии с теорией функционального иммунитета государство обладает иммунитетом только тогда, когда оно совершает действия, являющиеся проявлением государственной, публичной власти, то есть действия в осуществление суверенных полномочий (*jure imperii*). Такие действия пользуются абсолютным иммунитетом. Когда же государство осуществляет функции торгового характера, то есть действия в ходе осуществления коммерческой деятельности (*jure gestionis*), оно не обладает иммунитетом и должно рассматриваться как частное лицо. Иными словами, государство, ставя себя в положение частного лица, может выступать ответчиком по искам, а на его собственность могут распространяться принудительные меры.

Однако, стоит отметить, что одной из наиболее сложных проблем при применении теории функционального иммунитета является отсутствие общепринятых объективных критериев, позволяющих однозначно разграничить публично-правовую и частноправовую деятельность государства. В доктрине предлагаются два основных подхода к такому разграничению: критерий природы (характера) операции и критерий цели операции.

Применение критерия природы операции предполагает оценку объективного характера совершенного действия независимо от его цели. Так, с точки зрения природы акта, аренда здания всегда является частноправовой сделкой — независимо от того, арендуется ли помещение для посольства или для коммерческой гостиницы. Последовательное проведение этого подхода приводит к выводу, что любая деятельность, регулируемая национальным частным правом, не должна пользоваться иммунитетом.

Критерий цели операции учитывает целевое назначение совершенного действия. Однако, как отмечается в литературе, данный критерий может применяться лишь в тех случаях, когда цель рассматривается как обстоятельство, определяющее некоммерческий характер сделки. При этом международные частноправовые отношения с участием государства зачастую носят смешанный, комплексный характер, что делает их однозначную квалификацию крайне затруднительной.

Применение цели деятельности в качестве разграничительного критерия также вызывает сомнения. Как утверждает М. В. Ратушный, целевой критерий применим, если в соответствии с практикой государства суда цель имеет отношение к определению некоммерческого характера сделки, совершенной государством [4].

Наиболее значимым международным документом, отразившим рассматриваемую концепцию, стала Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, принятая в 2004 году. Данный акт внес существенную определенность в регулирование иммунитета в сфере международных частноправовых отношений, окончательно ознаменовав отказ от старой парадигмы абсолютного иммунитета и послужив катализатором последующих изменений. Показательно, что работа Комиссии международного права ООН над этой Конвенцией продолжалась несколько десятилетий, что отражает сложность согласования позиций различных государств.

Конвенция ООН 2004 года содержит развернутый перечень случаев, когда государство не вправе ссылаться на иммунитет. К их числу относятся: споры, вытекающие из коммерческих сделок с участием иностранных физических или юридических лиц; разбирательства, связанные с правами государства на недвижимое имущество, находящееся на территории государства суда; споры, касающиеся имущественных прав, возникающих из наследования, дарения или в связи с бесхозяйным имуществом; дела об управлении имуществом; споры в сфере интеллектуальной собственности; трудовые споры по поводу работы, выполняемой на территории государства суда; требования о возмещении вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу.

Российская Федерация долгое время сохраняла приверженность концепции абсолютного иммунитета, что было обусловлено как советским наследием, так и особенностями экономической системы переходного периода. Однако по мере интеграции России в мировую экономику и увеличения числа исков к Российской Федерации и ее органам в иностранных судах становилась очевидной необходимость пересмотра традиционных подходов.

Переход к концепции функционального иммунитета был осуществлен с принятием Федерального закона от 3 ноября 2015 г. № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации». Закон определил понятие иностранного государства, раскрыл виды юрисдикционных иммунитетов и основания отказа от них. Как отмечается в литературе, Конвенция ООН 2004 года и постановления Европейского суда по правам человека выступили в качестве побудительной силы, формирующей основные направления модернизации отечественного процессуального права и подтолкнувшей федерального законодателя к отказу от взгляда на теорию ограниченного иммунитета иностранного государства как на теорию, вредную для нашей страны.

Как отмечает Н. М. Михнюк, в первую очередь, новая концепция улучшала положение частных лиц, коль скоро, когда идея принятии концепции ограниченного иммунитета была принята в ряде государств, это открыло доступ частным кредиторам в национальные суды с иском против государств-должников [5].

Подобная мысль встречается в работе Л. В. Щенниковой, которая утверждает, что современная наука заинтересована в разработке дополнительных мер защиты для отдельных категорий граждан с целью восстановления необходимого баланса частного и публичного в гражданско-правовом регулировании [6].

В настоящее время в российском гражданском судопроизводстве применяются правила ограниченного (функционального) иммунитета, которые в полной мере соответствуют принципам юридического равенства участников гражданских отношений и добросовестности сторон, в то время как правила абсолютного иммунитета ограничивали право национальных субъектов на судебную защиту в спорах с иностранными государствами.

Современные процессы в сфере государственных иммунитетов могут пойти разными путями. Одни государства будут признавать узкую концепцию иммунитетов, тогда как другие будут верны широкой концепции, но на основе взаимности, делая исключения для государств из первой группы. При этом правила под влиянием бурного развития национального законодательства и практики национальных и международных судов меняются и эволюционируют буквально каждый день; они могут разительно отличаться в зависимости от юрисдикции, обусловливаться всевозможными факультативными условиями, исключениями и оговорками.

Таким образом, эволюция доктринальных представлений о судебном иммунитете иностранного государства представляет собой сложный и многогранный процесс, отражающий фундаментальные изменения в системе международных отношений и характере участия государств в частноправовом обороте. Пройдя путь от абсолютного иммунитета, основанного на неограниченном суверенитете, к функциональному (ограниченному) иммунитету, дифференцирующему публичную и частноправовую деятельность государства, данный институт продолжает развиваться под влиянием новых факторов, включая необходимость защиты прав человека и обеспечение справедливого баланса интересов государства и частных лиц.

Литература:

1. Хлестова И. О. Проблемы юрисдикционного иммунитета иностранного государства: дис.... д-ра юрид. наук. М., 2003.
2. Новикова Н. Д., Камалова А. М. Иммунитет государства и его виды // Интерактивная наука. 2021. № 5 (60). С. 122–123.
3. Четвериков А. О. Иммунитет государств и международных организаций в практике суда Европейского Союза и ее значение при реализации мегасайенс-проектов // Lex Russica. 2021. № 4 (173). С. 212.
4. Ратушный М. В. Договор международного займа с участием публичных субъектов: юрисдикционные иммунитеты и особенности коллизионного регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 4. С. 89.
5. Михнюк Н. М. Эволюция правового регулирования вопросов иммунитета государства через призму международных кредитно-финансовых отношений // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2022. № 5. С. 34–39.
6. Щенникова Л. В. Эффективность защитных механизмов гражданских прав в отражении современной судебной практики // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 1.

Международное правовое регулирование судебного иммунитета иностранного государства

Колодезный Алексей Александрович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор раскрывает источники международного правового регулирования иммунитета иностранного государства. Проведен обзор ключевых положений правовых актов и их сравнительный анализ в контексте темы статьи.

Ключевые слова: *международное право, иностранное государство, иммунитет иностранного государства, международное правовое регулирование.*

Иммунитет иностранного государства представляет собой общепризнанный принцип международного права, в силу которого ни одно государство не может осуществлять свою власть в отношении другого. Длительное время в международном праве господствовала концепция абсолютного иммунитета, согласно которой государство

пользуется иммунитетом в полном объеме независимо от характера осуществляемой деятельности. Однако по мере расширения участия государств в международном коммерческом обороте возрастала потребность в ограничении иммунитета для случаев, когда государство выступает не как носитель публичной власти, а как участник частноправовых отношений.

Первым многосторонним международным договором, комплексно регулирующим вопросы иммунитета государства, стала Европейская конвенция об иммунитете государств (ETS № 074), заключенная в Базеле 16 мая 1972 года под эгидой Совета Европы [1].

Конвенция была открыта для подписания государствами-членами Совета Европы, а также предусматривала возможность присоединения государств, не являющихся членами данной международной организации. Она вступила в силу 11 июня 1976 года после выполнения условия о трех ратификациях. Среди государств, ратифицировавших Конвенцию: Австрия (1974), Бельгия (1975), Великобритания (1979), Германия (1990), Люксембург (1986), Нидерланды (1985), Швейцария (1982), Кипр (1976).

Конвенция исходит из принципа ограниченного иммунитета, устанавливая перечень случаев, когда государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции. Можно выделить следующие ключевые положения вышеназванной Конвенции.

Во-первых, государство, выступающее в качестве истца или третьего лица в судебном разбирательстве в суде другого государства-участника, признает в отношении предпринятого судебного разбирательства юрисдикцию судов этого государства. Такое государство не может ссылаться на иммунитет в отношении встречного иска, если встречный иск вытекает из тех же фактов, что и основной.

Во-вторых, необходимость наличия согласия на юрисдикцию. Государство не может ссылаться на иммунитет, если оно взяло на себя обязательство признавать юрисдикцию суда другого государства в соответствии с международным соглашением.

В-третьих, особый статус федеративных государств: статья 28 Конвенции устанавливает, что автономные единицы, входящие в состав федеративного государства, по общему правилу не пользуются иммунитетом. Однако федеративное государство может заявить о том, что такие единицы могут ссылаться на положения Конвенции и имеют те же обязательства.

Особую роль в формировании международно-правовых обычаев играет национальное законодательство. Несмотря на то, что национальные законы не являются международными договорами, они играют ключевую роль в формировании международно-правовых обычаев и оказывают существенное влияние на унификацию регулирования иммунитета. Наиболее значимыми из них стали законодательные акты США и Великобритании.

Закон об иммунитете иностранного суверена (Foreign Sovereign Immunities Act — FSIA) был принят Конгрессом США 21 октября 1976 года и вступил в силу через 90 дней после принятия — 21 января 1977 года. Данный акт стал первой в мире национальной кодификацией норм об иммунитете иностранного государства.

Предшествующий период характеризовался тем, что решения по вопросам иммунитета принимались не столько судами, сколько Государственным департаментом. В 1952 году так называемое «Письмо Тейта» (Tate Letter) ознаменовало отказ от теории абсолютного иммунитета и переход к ограниченному иммунитету на уровне исполнительной власти. Закон 1976 года передал полномочия по решению вопросов иммунитета от исполнительной власти к судебной. Данный закон кодифицирован в разделе 28 Свода законов США (статьи 1602–1611). Можно выделить его следующие ключевые нормы.

Согласно статье 1604, с учетом существующих международных соглашений, участником которых являются Соединенные Штаты на момент принятия Закона, иностранное государство пользуется иммунитетом от юрисдикции судов Соединенных Штатов и судов штатов, за исключением случаев, предусмотренных статьями 1605–1607.

В статье 1602 Конгресс сформулировал цели Закона: «Конгресс находит, что определение судами Соединенных Штатов требований иностранных государств об иммунитете от юрисдикции таких судов будет служить интересам правосудия и защищать права как иностранных государств, так и тяжущихся сторон в судах Соединенных Штатов. Согласно международному праву, государства не пользуются иммунитетом от юрисдикции иностранных судов в той степени, в какой речь идет об их коммерческой деятельности, и на их коммерческое имущество может быть обращено взыскание для удовлетворения судебных решений, вынесенных против них в связи с их коммерческой деятельностью».

Кроме того, Закон устанавливает пять основных категорий исключений из иммунитета: отказ от иммунитета; коммерческая деятельность, имеющая связь с территорией США; имущество, приобретенное в нарушение международного права; имущество, полученное по наследству или в дар; деликтные требования. Закон также устанавливает иммунитет от обеспечения иска и исполнения решения: отдельно регулируются вопросы иммунитета имущества от ареста и обращения взыскания.

Таким образом, американский закон оказал огромное влияние на развитие законодательства других стран и на формирование международно-правовых стандартов.

Британский Закон о государственном иммунитете (State Immunity Act 1978) был принят после многолетних дискуссий и вступил в силу 22 ноября 1978 года. До его принятия вопросы иммунитета регулировались исключительно общим правом. Данный закон в значительной степени основан на Европейской конвенции 1972 года.

Основные положения Британского закона 1978 года следующие.

Во-первых, установление общего принципа иммунитета с последующим перечнем исключений (коммерче-

ские сделки, трудовые договоры, деликты, недвижимое имущество и др.).

Во-вторых, регулирование вопросов признания и исполнения судебных решений, вынесенных против Соединенного Королевства в государствах-участниках Европейской конвенции;

В-третьих, закрепление положения о процессуальных аспектах (вручение документов, обеспечение иска).

Более того, часть II Закона специально посвящена признанию судебных решений против Соединенного Королевства в государствах-участниках Конвенции, устанавливая условия такого признания и исключения из него.

Важным этапом в развитии института судебного иммунитета стала разработка и принятие Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (далее — Конвенция ООН 2004 г.). Как справедливо подмечено в работе Г. Э. Адыгезаловой и Ю. Н. Ковалевой, именно ООН принадлежит ведущая роль в современной международной системе [2].

2 декабря 2004 года Генеральная Ассамблея ООН одобрила Конвенцию ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. Данный документ стал первым универсальным международным договором, регулирующим вопросы иммунитета государства на глобальном уровне.

На данный момент Конвенция еще не вступила в силу, поскольку требуется 30 ратификаций. Однако уже сейчас она рассматривается как авторитетный источник, отражающий сложившиеся международно-правовые обычаи.

Конвенция закрепляет доктрину ограниченного иммунитета, предусматривая ряд случаев, когда государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции. К таким случаям относятся, в частности, коммерческие сделки, трудовые споры, возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу, а также споры о правах на недвижимое имущество.

Как отмечается в материалах Комиссии международного права ООН, статья 12 Конвенции («Ущерб личности и ущерб собственности») устанавливает: «Если соответствующие государства не договорились об ином, государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции при разбирательстве в суде другого государства, который обычно обладает компетенцией рассматривать дела, касающиеся денежного возмещения в случае смерти или причинения телесного повреждения какому-либо лицу или нанесения ущерба имуществу или его утраты в результате действия или бездействия, которое предположительно может быть присвоено государству, если такое действие или бездействие имело место полностью или частично на территории этого другого государства и если автор действия или бездействия находился на этой территории в момент этого действия или бездействия».

Как поясняет Комиссия международного права, данное правило представляет собой изъятие из иммунитета государства от юрисдикции, которое оправдывается применением юрисдикционного принципа *lex loci delicti commissi* и преобладающим значением элемента территориальности. Данное изъятие объясняется необходимостью гарантировать потерпевшим доступ к средствам правовой защиты.

Конвенция 2004 года закрепляет принцип ограниченного (функционального) иммунитета и устанавливает исчерпывающий перечень случаев, когда государство не может ссылаться на иммунитет (коммерческие сделки, трудовые договоры, деликты, интеллектуальная собственность, недвижимое имущество, участие в юридических лицах и др.). Кроме того, Конвенция 2004 года содержит определение коммерческой сделки и критерии ее отграничения от публично-властной деятельности и также регулирует вопросы иммунитета от обеспечительных мер и принудительного исполнения.

Положения Конвенции 2004 года нашли отражение в национальном законодательстве ряда государств. В Российской Федерации был принят Федеральный закон от 3 ноября 2015 г. № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» [3].

Важно отметить, что Конвенция ООН 2004 года не отменяет автоматически ранее принятые региональные конвенции и национальные законы. В соответствии с общим принципом права, положения более ранних актов продолжают действовать в отношениях между государствами, которые ими связаны, если они не противоречат императивным нормам международного права. При этом Конвенция создает общую нормативную основу, способствующую унификации подходов различных государств.

Говоря о зарубежных источниках, регламентирующих иммунитет государства, нельзя не упомянуть также Кодекс Бустаманте — документ, значение которого выходит далеко за хронологические рамки его принятия. Разработанный как приложение к Конвенции о международном частном праве, подписанной 20 февраля 1928 года в Гаване в ходе VI Панамериканской конференции, этот кодекс на протяжении почти столетия сохраняет регуляторную силу в полтора десятках государств Латинской Америки. В их числе — Бразилия, Венесуэла, Куба, Перу, Чили, Эквадор и другие страны региона. Примечательно, что в некоторых государствах американского континента, таких как Аргентина и Мексика, положения Кодекса применяются в качестве правового обычая, что свидетельствует об их глубокой интеграции в региональную правовую культуру.

Особого внимания заслуживает тот факт, что Кодекс Бустаманте, будучи принятым в 1928 году — в эпоху безраздельного господства концепции абсолютного иммунитета, последовательно проводит модель функционального (ограниченного) иммунитета, связывая его объем с характером деятельности государства. Это позволяет рассматривать Кодекс как опередивший свое время документ, предвосхитивший основное направление развития международного частного права.

Нормативная конструкция Кодекса выстроена следующим образом. Статья 333 устанавливает общее правило о некомпетенции суда рассматривать гражданские и торговые споры, в которых на стороне ответчика выступают иностранные государства либо их главы, если речь идет об исках личного характера. Исключение составляют случаи, когда суверен прямо подчинил себя юрисдикции суда либо заявил встречное требование.

Статья 334 развивает это положение применительно к вещным искам, вводя важный квалифицирующий признак: иммунитет сохраняется лишь тогда, когда государство или его глава «действовали в качестве таковых» и их действия носили публичный характер. Тем самым Кодекс закладывает критерий разграничения публично-правовой и частноправовой деятельности, который станет основополагающим для всех последующих кодификаций.

Наибольший интерес представляет используемая Кодексом формулировка, определяющая границы иммунитета: государство или его глава, действующие «в качестве частных лиц», подпадают под общую юрисдикцию иностранного суда. В этой лаконичной формуле, по существу, содержится та же идея, которая в различных правовых системах получила разные наименования, но единое содержание: «торгующее государство» в американской доктрине, «государство, участвующее в коммерческой деятельности» в документах Европейского союза и Содружества Независимых Государств.

Таким образом, можно сделать вывод, что современное состояние международно-правового регулирования иммунитета государства характеризуется значительной фрагментацией, а источники международного права по данному вопросу разобщены в большей степени, чем по любой другой тематике.

Литература:

1. Европейская конвенция об иммунитете государств от 16 мая 1972 г. // СПС «Гарант». — URL: https://base.garant.ru/4089531/53070549816cbd8f006da724de818c2e/.
2. Адыгезалова Г. Э., Ковалева Ю. Н. Обсуждение актуальных проблем теории права и реализации права // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 3.
3. Лемехов С. В. К вопросу об участии дипломатических представительств государств в российском гражданском судопроизводстве // Уральский журнал правовых исследований. 2021. № 4 (17). С. 133–134.

Электронный паспорт многоквартирного дома как новый объект жилищных правоотношений: проблемы правового статуса

Короваева Варвара Алексеевна, студент;
Сауцкая Марина Николаевна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Рассматривается электронный паспорт многоквартирного дома, введённый Федеральным законом от 24.06.2025 № 180-ФЗ.

Обосновывается, что паспорт — не вещь, не право и не правоустанавливающий документ, а информационный ресурс публично-правового характера, индивидуализирующий основные объекты жилищных прав. Выявлены проблемы его статуса и предложены пути их решения.

Ключевые слова: электронный паспорт многоквартирного дома, объект жилищных прав, государственный учёт жилищного фонда, ГИС ЖКХ, общее имущество.

С 1 марта 2026 г. в Жилищный кодекс РФ (далее -ЖК РФ) введена новая категория — электронный паспорт многоквартирного дома (далее -ЭП МКД): информация о доме, помещениях и общем имуществе включается в паспорт, формируемый в ГИС ЖКХ [13]. Форма, порядок формирования и состав сведений утверждены приказом Минстроя России от 20.11.2025 № 726/пр. [10]. Ранее формы паспорта существовали лишь на уровне ведомственных актов [14]. Литература сосредоточена на режиме общего имущества [2] и цифровизации жилищных отношений [1]; поскольку тема обладает новизной, отдельных работ о статусе ЭП МКД нами выявлено не было.

Цель статьи — определить правовую природу паспорта и выявить проблемы его статуса.

Согласно ч. 6 ст. 15 и ч. 2 ст. 16 ЖК РФ сведения, характеризующие и индивидуализирующие дом, помещения и имущество по п. 1–3 ч. 1 ст. 36 ЖК РФ, включаются в паспорт; ч. 5.1 ст. 19 ЖК РФ связывает его с государственным учётом жилищного фонда в ГИС ЖКХ. [6] Закон № 209-ФЗ обязывает застройщика разместить пас-

порт после ввода дома в эксплуатацию, а собственника всех помещений и уполномоченное лицо при непосредственном управлении — разместить сведения о техническом состоянии дома (ч. 24–26 ст. 7) [12]. Форма включает код дома в ГИС ЖКХ, адрес, кадастровый номер, год ввода, площади, число помещений и лифтов, документ об аварийности, разрешение на ввод и сведения об износе конструктивных элементов. Приказ действует шесть лет (до 01.03.2032).

Паспорт не вписывается в привычный ряд объектов жилищных прав (жилые помещения, многоквартирный дом). Он не тождествен техническому паспорту: ч. 5 ст. 19 ЖК РФ сохраняет техническую инвентаризацию и паспортизацию как отдельную деятельность. Он не является документом, поскольку это набор данных с полями по форме, а документом выступает выписка из него. Он не реестр прав: в отличие от ЕГРН, его сведения не порождают и не прекращают права [11]. Не является он и цифровым правом по ст. 141.1 ГК РФ, так как не выражает права конкретного лица, и не входит в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ).

По нашему мнению, ЭП МКД — структурированная совокупность сведений в ГИС ЖКХ, которая индивидуализирует дом, помещения и общее имущество и служит единым источником информации об объекте учёта. Эти сведения позволяют всем участникам жилищных правоотношений точно и быстро ознакомиться с интересующими их данными. Это информационный ресурс публично-правового характера, выступающий обслуживающим (информационным) объектом жилищных правоотношений: поведение участников направлено на размещение, актуализацию и получение сведений. Новизна состоит в юридически значимом «цифровом двойнике» дома, с которым закон связывает обязанности, ответственность и режим доступа.

Однако у данного нововведения существуют проблемы правового статуса. Во-первых, это терминологическое расхождение. Объектами государственного учёта ч. 4 ст. 19 ЖК РФ называет жилые дома и жилые помещения в многоквартирных домах, тогда как паспорт МКД по ч. 6 ст. 15 охватывает также нежилые помещения, машиноместа и общее имущество. Содержание паспорта шире объекта учёта, к которому он привязан.

Во-вторых, субъекты и ответственность. Управляющие организации, ТСЖ и кооперативы в ч. 24–26 ст. 7 Закона № 209-ФЗ не названы, хотя обслуживают большинство домов; их обязанности выводятся из общих норм о поставщиках информации. Не урегулированы сроки наполнения паспортов существующего фонда и периодичность актуализации. Недостоверность сведений влечёт ответственность по ст. 13.19.2 КоАП РФ, но износ конструкций указывается «по результатам осмотра», а методика и ответственное лицо не определены.

В-третьих, юридическая сила и уровень регулирования. Нормы о презумпции достоверности, приоритете сведений при расхождении с ЕГРН и порядке исправления данных в проанализированных нами актах отсутствуют. При этом Правила № 354 используют паспорт как один из критериев нежилого помещения, то есть последствия у сведений фактически есть [8]. Состав же сведений определяется ведомственным приказом, что при наличии таких последствий вызывает сомнения с позиции ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. В-четвертых, доступ и общее имущество. Выписки предоставляются по запросам (п. 3.1 ч. 3 ст. 7 Закона № 209-ФЗ), однако уровни доступа к блокам паспорта, включая информационную модель дома, не разграничены. Кроме того, состав общего имущества индивидуален для каждого дома и определяется по ст. 36 ЖК РФ и Правилам № 491 [2]; паспорт не должен подменять этот режим, а его форма пока не содержит детального описания состава общего имущества.

На основании изученных источников и анализа информации у нас есть несколько вариантов предложений по усовершенствованию правого статуса электронного паспорта многоквартирного дома.

Во-первых, закрепить в ЖК РФ определение ЭП МКД как информационного ресурса, не являющегося правоустанавливающим документом и не изменяющего правовой режим имущества. Во-вторых, согласовать ч. 4 ст. 19 и ч. 6 ст. 15 ЖК РФ, включив многоквартирный дом как здание в объекты государственного учёта. В-третьих, прямо возложить на управляющие организации, ТСЖ и кооперативы обязанность размещать и актуализировать сведения; установить сроки для существующего фонда. В-четвертых, закрепить приоритет сведений ЕГРН, право заинтересованных лиц требовать исправления данных и порядок обжалования отказа.

И, в-пятых, разграничить общий и ограниченный доступ к сведениям; утвердить методику оценки износа.

Таким образом, ЭП МКД — информационный ресурс, индивидуализирующий основные объекты жилищных прав; он может служить источником и доказательством сведений, но не создаёт и не прекращает права. Устранение выявленных пробелов повысит определённость обязанностей участников и надёжность паспорта как инструмента учёта.

Литература:

1. Белоненко Г. Е. Особенности проведения общих собраний собственников через ГИС ЖКХ: преимущества и недостатки // Ленинградский юридический журнал. — 2023. — № 2 (72). — С. 190–201
2. Горлова С. В., Егорова Ю. О. Многоквартирный дом как объект гражданских прав // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2024. — Т. 9, вып. 3. — С. 37–46.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

4. Жилищный кодекс Российской Федерации и статьи 6 и 7 Федерального закона «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» // Российская газета. — 2025. — 27 июня. — № 139 (9678).
5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ //Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.11.2026).
8. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 22. — Ст. 3168.
9. Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 34. Ст. 3680.
10. Приказ Минстроя России от 20.11.2025 № 726/пр «Об утверждении форм электронных паспортов многоквартирного дома и жилого дома, порядка их формирования и состава включаемой в них информации» (зарегистрирован в Минюсте России 28.11.2025, регистрационный № 84377) // СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 29 (ч. I). — Ст. 4344.
12. Федеральный закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 30 (ч. I). — Ст. 4210.
13. Федеральный закон от 24.06.2025 № 180-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и статьи 6 и 7 Федерального закона «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» // Российская газета. — 2025. — 27 июня. — № 139 (9678).
14. Приказ Минкомсвязи России № 53, Минстроя России № 82/пр от 17.02.2016 (зарегистрирован в Минюсте России 16.03.2016, № 41429) // СПС «КонсультантПлюс».

Правовые проблемы уплаты и взыскания алиментов в судебном порядке

Кострица Ольга Александровна, студент магистратуры
Научный руководитель: Панченко Римма Борисовна, кандидат юридических наук, доцент
Российский новый университет (г. Москва)

В статье исследуются актуальные проблемы правового регулирования уплаты и взыскания алиментов в судебном порядке. Рассматриваются вопросы определения материального положения должника, выбора процессуальной формы защиты права, исполнения судебных решений, применения мер юридической ответственности за неуплату алиментов, а также проблемы индексации алиментных платежей и возмещения дополнительных расходов на содержание ребенка. Обосновывается необходимость совершенствования механизмов судебной защиты посредством цифровизации исполнительного производства, расширения информационного взаимодействия государственных органов и внедрения современных электронных сервисов.

Ключевые слова: *алименты, взыскание алиментов, семейное право, судебная защита, исполнительное производство, алиментные обязательства, несовершеннолетние, судебный приказ.*

Legal problems of payment and recovery of alimony through court proceedings

Kostritsa Olga Alexandrovna, master's degree student
Scientific advisor: Panchenko Rimma Borisovna, candidate of law, associate professor
Russian New University (Moscow)

The article examines current issues of legal regulation of the payment and recovery of alimony through court proceedings. The issues of determining the debtor's financial situation, choosing the procedural form of protection of rights, execution of court decisions, application of legal liability measures for non-payment of alimony, as well as problems of indexing alimony payments and compensating for additional child support expenses are considered. The necessity of improving judicial protection mechanisms through the digitalization of enforcement proceedings, expanding information interaction between state bodies, and implementing modern electronic services is substantiated.

Keywords: *alimony, alimony recovery, family law, judicial protection, enforcement proceedings, alimony obligations, minors, court order.*

Охрана прав и законных интересов несовершеннолетних детей является одним из ключевых направлений государственной семейной политики Российской Федерации [1]. Важнейшей гарантией реализации права ребенка на достойное материальное обеспечение выступает институт алиментных обязательств родителей [2]. Несмотря на достаточно детальную регламентацию порядка взыскания алиментов в Семейном кодексе Российской Федерации, судебная практика свидетельствует о сохранении значительного количества проблем, возникающих как на стадии судебного разбирательства, так и при исполнении судебных актов.

Развитие цифровой экономики, увеличение числа граждан, получающих доход вне традиционных трудовых отношений, использование различных способов сокрытия имущества и доходов существенно осложняют реализацию права ребенка на получение содержания. В этой связи исследование правовых проблем взыскания алиментов приобретает особую научную и практическую значимость.

Целью настоящего исследования является выявление основных правовых проблем уплаты и взыскания алиментов в судебном порядке и разработка предложений по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики.

Одной из наиболее существенных проблем современного механизма взыскания алиментов является установление действительного материального положения должника. Законодательство предусматривает взыскание алиментов в долях к заработку либо в твердой денежной сумме, однако эффективность долевого способа напрямую зависит от наличия официально подтвержденного дохода. На практике значительная часть плательщиков получает доход от самозанятости, предпринимательской деятельности, гражданско-правовых договоров либо через цифровые платформы, что существенно затрудняет определение реальной платежеспособности должника.

Особые сложности возникают при наличии нескольких источников доходов, использовании наличных денежных расчетов либо намеренном сокрытии имущества. В результате установленный судом размер алиментов зачастую не соответствует фактическим финансовым возможностям должника, что приводит к нарушению имущественных интересов ребенка.

Не менее значимой является проблема выбора процессуальной формы судебной защиты. Приказное производство позволяет оперативно получить исполнительный документ, однако судебный приказ может быть отменен исключительно по формальным возражениям должника без исследования обстоятельств дела. В результате взыскатель вынужден обращаться в суд с исковым заявлением, что значительно увеличивает сроки судебной защиты [3].

Дополнительные трудности возникают при необходимости доказывания размера доходов ответчика, определения дополнительных расходов на содержание ребенка, а также при рассмотрении одновременно нескольких семейных споров. Практика показывает, что нередко должники используют разногласия относительно порядка общения с ребенком или иных семейных конфликтов в качестве основания для уклонения от исполнения алиментных обязательств, хотя подобные правоотношения имеют самостоятельное правовое значение и не должны влиять на исполнение обязанности по содержанию несовершеннолетнего.

Следующая группа проблем связана со стадией исполнительного производства. Именно на данном этапе становится очевидным, что наличие вступившего в законную силу судебного решения само по себе еще не гарантирует реального получения денежных средств. Значительная нагрузка на судебных приставов-исполнителей, отсутствие оперативной информации о доходах должника, длительный розыск имущества, ошибки работодателей при удержании алиментов, а также несвоевременная индексация выплат существенно снижают эффективность исполнения судебных актов.

В современных условиях представляется целесообразным дальнейшее развитие цифровых технологий исполнительного производства. Автоматизированный обмен сведениями между Федеральной службой судебных приставов, Федеральной налоговой службой, кредитными организациями, Социальным фондом России и работодателями позволит значительно сократить сроки выявления доходов должника и повысить эффективность исполнения судебных решений.

Особого внимания заслуживают вопросы юридической ответственности за неуплату алиментов. Российское законодательство предусматривает гражданско-правовые, административные и уголовно-правовые меры воздействия на неплательщиков [5]. Вместе с тем применение санкций должно носить дифференцированный характер. Не всякое образование задолженности свидетельствует о злостном уклонении от исполнения обязанности по содержанию ребенка. Причинами возникновения задолженности могут являться потеря работы, тяжелое заболевание, длительная нетрудоспособность либо иные объективные обстоятельства.

При этом умышленное сокрытие доходов, отказ от трудоустройства, систематическое уклонение от исполнения судебного решения требуют последовательного применения мер государственного принуждения, поскольку подобное поведение нарушает конституционный принцип обеспечения защиты семьи, материнства и детства.

Отдельную группу составляют проблемы определения достаточности алиментного содержания. Размер алиментов,

установленный судом, не всегда способен обеспечить реальные потребности ребенка в условиях инфляции, роста стоимости медицинских услуг, образования, дополнительного развития и иных необходимых расходов. Особенно актуальной становится проблема своевременной индексации алиментов, взысканных в твердой денежной сумме. При отсутствии автоматизированного механизма перерасчета реальная стоимость содержания постепенно снижается, что противоречит самой цели алиментных обязательств.

Кроме того, изменение семейного положения плательщика, рождение других детей, изменение уровня доходов сторон требуют индивидуального судебного подхода, основанного прежде всего на приоритете интересов несовершеннолетнего ребенка.

Важное значение приобретает совершенствование организационно-технологических механизмов исполнения алиментных обязательств. Современные информационные технологии позволяют создать единое цифровое пространство взаимодействия судов, органов принудительного исполнения, налоговых органов, банковских организаций и работодателей. Использование электронного документооборота, автоматических запросов, цифровых профилей должников, электронных уведомлений работодателей и сервисов автоматического расчета удержаний способно существенно повысить эффективность исполнения судебных решений [4].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что проблемы уплаты и взыскания алиментов имеют комплексный межотраслевой характер и затрагивают нормы семейного, гражданского процессуального, исполнительного, административного и уголовного законодательства.

Основными направлениями совершенствования правового регулирования являются развитие цифрового взаимодействия государственных органов, расширение возможностей суда по получению сведений о доходах должника, автоматизация исполнительного производства, совершенствование механизмов индексации алиментных платежей, повышение эффективности контроля за исполнением судебных решений работодателями, а также дальнейшее развитие института нотариальных соглашений об уплате алиментов.

Реализация указанных направлений позволит повысить эффективность судебной защиты прав несовершеннолетних, обеспечить стабильность получения алиментных платежей и укрепить гарантии реализации конституционного принципа приоритета интересов ребенка.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]// Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 25.07.2026).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) [Электронный ресурс]// СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.07.2026).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.07.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2026) [Электронный ресурс]// СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.07.2026).
4. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 25.04.2026) «Об исполнительном производстве» [Электронный ресурс]//СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.07.2026).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» [Электронный ресурс]//СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.07.2026).

Способы взыскания алиментов на несовершеннолетних детей

Кострица Ольга Александровна, студент магистратуры
Научный руководитель: Панченко Римма Борисовна, кандидат юридических наук, доцент
Российский новый университет (г. Москва)

В статье исследуются актуальные аспекты процедуры взыскания алиментных выплат на содержание несовершеннолетних детей. Проводится анализ закрепленных в законодательстве механизмов: долевого, фиксированного (в твердой денежной сумме), а также комбинированного. Отдельный акцент сделан на сложностях правоприменительной практики при взыскании средств на детей, рожденных в разных браках. Кроме того, подробно разбирается неоднозначная судебная практика назначения выплат в долях, но с условием, что их размер не должен быть ниже установленного минимума. В работе приведены примеры из правоприменительной деятельности Верховного Суда РФ, а также проанализированы современные законодательные инициативы

Ключевые слова: *алименты, несовершеннолетние дети, долевое взыскание, твердая денежная сумма, смешанные алименты, судебная практика, прожиточный минимум.*

Methods of collecting alimony for minor children

Kostritsa Olga Alexandrovna, master's degree student
Scientific advisor: Panchenko Rimma Borisovna, candidate of law, associate professor
Russian New University (Moscow)

This article examines key aspects of the procedure for recovering child support payments for minors. It analyzes the mechanisms established by law: payments based on a share of income, fixed-sum payments, and a combination of both. Particular attention is given to the challenges that arise in legal practice when recovering support for children born from different marriages. Furthermore, the article explores the nuanced judicial practice of awarding support as a share of income, subject to a mandatory minimum amount. The study includes examples from the case law of the Supreme Court of the Russian Federation and provides an analysis of recent legislative initiatives.

Keywords: *alimony, minor children, proportional recovery, fixed sum of money, mixed alimony, judicial practice, subsistence minimum.*

В соответствии с положениями частей 1 и 2 статьи 38 Конституции Российской Федерации, семья и детство находятся под государственной защитой. Более того, воспитание детей и забота о них выступают не только равным правом, но и прямой обязанностью родителей [1]. Споры, связанные с алиментными обязательствами, по праву считаются одной из наиболее востребованных, но при этом крайне сложных категорий семейных разбирательств. В подавляющем большинстве случаев предметом спора выступает обеспечение несовершеннолетних детей. Тем не менее, Семейный кодекс РФ (далее — СК РФ) предусматривает возможность взыскания содержания и в пользу иных категорий родственников: нетрудоспособных родителей, совершеннолетних детей, братьев, сестер, а также бывших супругов [2].

Объем алиментных выплат напрямую связан с числом несовершеннолетних иждивенцев плательщика. При этом такие факторы, как количество официальных браков, а также статус рождения ребенка (в браке или вне его), не обладают юридической силой и не влияют на расчет. Судебное рассмотрение дел о взыскании алиментов на несовершеннолетних относится к числу наиболее многогранных категорий гражданского судопроизводства, что требует от суда пристального изучения конкретных жизненных обстоятельств и применения правовых норм.

Целью данной работы выступает систематизация ключевых методов установления и взыскания алиментных платежей, а также комплексный разбор актуального законодательства и практики его применения в вопросах содержания несовершеннолетних.

Правовой статус алиментных платежей напрямую определяется тем, каким способом они были установлены. Законодательство РФ предусматривает несколько вариантов: добровольное исполнение обязательств без составления документа, заключение нотариального соглашения, получение судебного приказа, подача искового заявления с последующим исполнительным производством. У каждого из этих путей есть свои плюсы и сопутствующие риски.

Добровольный порядок подразумевает, что родители самостоятельно достигли договора касательно формы предоставления средств на содержание ребенка. Это может быть фиксированная сумма, выплачиваемая ежемесячно по нотариальному соглашению, платежи раз в квартал или год, либо передача ребенку имущества (например, недвижимости) в качестве компенсации содержания. Добровольные выплаты — наиболее гибкий механизм, однако он обеспечивает слабую защиту получателя в случае, если плательщик решит прекратить переводы. Соглашение об уплате алиментов требует письменной формы и обязательного заверения у нотариуса (ст. 100 СК РФ). Данный документ дает возможность заранее зафиксировать сумму, график платежей, механизм индексации и меры ответственности. Кроме того, нотариальное соглашение приравнивается к исполнительному документу, что позволяет сторонам избежать длительных судебных процессов.

Второй вариант — судебный порядок. Если договориться мирно не удалось, взыскание инициируется через суд, что может происходить в двух форматах [3]:

Приказное производство. Применяется, если у ответчика нет возражений относительно отцовства и места проживания ребенка (срок вынесения приказа — до 5 дней).

Исковое производств. Необходимо при наличии спора о фактах или оспаривании требований истца (процесс обычно занимает от 1 до 2 месяцев).

Сравнение приказного и искового производства представлено в таблице 1.

Судебный приказ позволяет взыскателю быстро получить исполнительный документ, однако возможен только при отсутствии спора о праве. Исковой порядок сложнее, однако он дает суду возможность детально исследовать все обстоятельства дела, которые невозможно оценить в рамках приказного производства.

На законодательном уровне закреплено три способа взыскания алиментов через суд:

1. в долях к доходу плательщика (ст. 81 СК РФ);

2. в виде фиксированной («твердой») денежной суммы (ст. 83 СК РФ);

Таблица 1. **Сравнение судебных способов взыскания алиментов**

Критерий	Судебный приказ	Исковое производство
Наличие спора	Предполагается отсутствие спора	Применяется при споре о праве
Скорость	Более высокая	Ниже из-за судебного разбирательства
Участие сторон	Без вызова сторон	С вызовом и исследованием доказательств
Риск отмены	Высокий при возражениях должника	Решение устойчивее к формальному оспариванию
Сфера применения	Бесспорные требования	Сложные и конфликтные ситуации

3. комбинированный («смешанный») вариант (одновременно в долях и в твердой денежной сумме).

Долевой механизм актуален для случаев, когда плательщик имеет стабильный и регулярный заработок или пенсию. Статья 81 СК РФ устанавливает четкие пропорции. Алименты удерживаются в следующих размерах: на одного ребенка — четверть (25 %), на двоих — треть (33,3 %), на трех и более — половина (50 %) от дохода.

Данная формула расчета мотивированна следующим: чем больше у плательщика детей, тем меньшая доля приходится на каждого. Максимально выгодные условия формируются для первого ребенка — 25 % дохода. Содержание для остальных рассчитывается путем равномерного распределения установленной законом доли. К примеру, если плательщик содержит двоих детей от разных женщин, каждый получит по 1/6 его заработка (1/3: 2). При наличии трех детей 50 % дохода делятся на троих (по 16,66 % каждому). Если детей четверо, то половина заработка делится на четыре части (по 12,5 %). Показатель в 50 % является предельным — суд не вправе взыскать больше в качестве ежемесячного алиментного содержания. Согласно законодательству, общий объем удержаний по всем исполнительным листам не должен превышать 70 % дохода лица [4]. Однако этот максимум актуален при наличии иных обязательств (например, каких-либо штрафов, компенсации вреда здоровью или имуществу, долгов, включая алиментные за прошлые периоды).

Если плательщик не имеет стабильного заработка, его доход носит нерегулярный характер (как у самозанятого или ИП), он официально не трудоустроен или получает средства в валюте/натуральной форме, суд вправе назначить выплаты в твердой денежной сумме. Сложившаяся практика такова, что фиксированные платежи обычно привязываются к региональному прожиточному минимуму на ребенка, чаще всего составляя 0,5 от этого показателя на каждого иждивенца. В соответствии с п. 27 Постановления Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 56, размер алиментов не может быть ниже половины прожиточного минимума на ребенка [5]. Суммы меньше указанной взыскиваются лишь в виде исключения

Согласно актуальной правовой позиции Верховного Суда РФ, фиксированная сумма должна максимально соответствовать тому уровню жизни, который ребенок имел до развода родителей. Если истцу удастся доказать факт сокрытия доходов плательщиком, суд может назначить сумму, превышающую минимальную. Важно понимать: голословных заявлений о высоких потребностях недостаточно — требуется доказательная база (чеки, договоры, банковские выписки, квитанции об оплате частных образовательных учреждений). Благодаря накопленной судебной практике и законодательному ориентиру (направленному на сохранение прежнего уровня обеспечения ребенка), суды сформировали эффективный алгоритм назначения твердых выплат [6].

В последние годы в судебной практике укоренилась новая формула: «долевые алименты, но не менее конкретной суммы». В ситуациях, когда стандартные доли были слишком малы (например, при официальном доходе в 10 000 рублей), суды стали взыскивать процент от дохода, но с дополнительным назначением фиксированной суммы в размере 0,5–1 прожиточного минимума. Изначально такая практика не находила поддержки, однако позже распространилась в ряде регионов (включая Москву), частично вытеснив классические «смешанные» алименты. По мнению ряда экспертов, данная формула не соответствует законодательной конструкции одновременного взыскания (в долях и в твердой сумме) и представляет собой гибридный способ, не предусмотренный законом. Фактически взыскание происходит только в долях (по ст. 81 СК РФ), но с установлением минимального порога в виде фиксированной суммы. Верховный Суд РФ подчеркнул, что данный подход допустим исключительно при незначительном официальном доходе должника [6].

На практике после вынесения подобного решения возникает правовая неопределенность: ни должник, ни взыскатель четко не понимают итоговый размер алиментов. В условиях высокой нагрузки на судебных приставов взыскание часто сводится к уплате установленного минимума. Лишь при активной позиции взыскателя пристав будет вынужден ежемесячно сопоставлять доход должника с минимальным порогом и выбирать наибольшую величину. Это может привести к внезапному образованию задолженности у должника (при отсутствии его вины), если в определенном месяце доля от дохода превысила «твердый минимум». Наибольшую сложность представляет расчет таких выплат для самозанятых и индивидуальных предпринимателей, исходя из данных годовой налоговой декларации [7].

Анализируя выше изложенное, можно прийти к выводу что «смешанные» алименты могут взыскиваться исключительно в случаях, когда доход плательщика является явно незначительным. В противном случае их применение

на практике оборачивается фактическим двойным взысканием. Внесение в статью 81 СК РФ поправок, закрепляющих минимальный размер долевых алиментов, позволит устранить правовую неопределенность и логически исключит возможность установления минимального порога для смешанных выплат. Это будет способствовать соблюдению баланса интересов всех участников алиментных правоотношений. В заключение стоит отметить: если родители имеют стабильный доход на уровне среднего по стране или выше, процедура взыскания алиментов является стандартной и отлаженной. Основные трудности возникают в нетиповых ситуациях: отсутствие стабильного заработка, слишком высокий доход или доход в валюте, инвалидность плательщика, наличие трех и более детей (особенно, если них имеется ребенок-инвалид), а также случаи, когда бывшая супруга не работает из-за ухода за ребенком до трех лет или сама является инвалидом. В подобных обстоятельствах стандартная схема не применяется, а размер платежей определяется судом в индивидуальном порядке.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]// Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 08.11.2026).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) [Электронный ресурс]// СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 08.11.2026).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) [Электронный ресурс]// СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 08.11.2026).
4. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 25.04.2026) «Об исполнительном производстве» [Электронный ресурс]//СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 08.11.2026).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» [Электронный ресурс]//СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 08.11.2026).
6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2025) (с изменениями, внесенными Президиумом от 19 ноября 2025 года) [Электронный ресурс]//СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 08.11.2026).
7. Шевцев А. «Смешанные» алименты: сложности законодательства и правоприменения// Адвокатская газета от 06.02.2026 [Электронный ресурс] https://www.advgazeta.ru/mneniya/smeshannye-alimenty-slozhnosti-zakonodatelstva-i-pravoprimeneniya/?ysclid=mw6pc4pcsm646805593(дата обращения: 08.11.2026).

Административные правонарушения против порядка управления

Красичкова Наталья Анатольевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена теоретическим и практическим вопросам административных правонарушений против порядка управления. Рассмотрена структура главы 19 КоАП РФ, обозначены спорные моменты квалификации деяний по ст. 19.3 КоАП РФ, проанализированы судебная статистика и сложившаяся практика назначения наказаний [1; 2]. Опираясь на действующее законодательство и материалы правоприменения, автор формулирует предложения по совершенствованию законодательства об административных правонарушениях в сфере порядка управления [8; 11].

Ключевые слова: *порядок управления, административное правонарушение, глава 19 КоАП РФ, неповиновение сотруднику полиции, административное наказание, судебная практика.*

Порядок управления относится к базовым сферам общественных отношений. Без него государственный аппарат не может нормально работать, а публичная власть не может реализовываться. Неудивительно, что посягательства на установленный порядок управления традиционно занимают заметное место в структуре административной деликатности. Сейчас тема становится ещё острее. Система государственного управления меняется, административные процедуры переходят в цифровой формат, а к работе правоохранительных органов предъявляют всё более высокие требования.

Цель работы заключается в комплексном анализе административных правонарушений против порядка управления, выявлении слабых мест их законодательной регламентации и правоприменения, а также в выработке обоснованных предложений по корректировке правового регулирования.

Для этого нужно определить понятие и систему таких правонарушений, проанализировать статистику и су-

дебную практику, выявить проблемы квалификации и назначения наказаний и, наконец, сформулировать рекомендации по совершенствованию законодательства.

Понятие и система административных правонарушений против порядка управления

В доктрине административного права правонарушениями против порядка управления принято считать противоправные виновные деяния, которые посягают на установленный государством порядок реализации исполнительной власти, на деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, а также на отношения, без которых институты публичной администрации не могут нормально функционировать [6]. Родовой объект здесь — порядок управления в широком смысле. Он включает и организационные основы работы органов власти, и вполне конкретные управленческие процедуры [3].

Глава 19 КоАП РФ «Административные правонарушения против порядка управления» содержит большое число составов, и классифицировать их можно по разным основаниям [2]. Если брать за основу непосредственный объект посягательства, удобно выделить несколько групп. Одни правонарушения направлены против нормальной деятельности правоохранительных органов (ст. 19.3, 19.4, 19.5 и др.). Другие касаются регистрационного учёта и миграционных отношений (ст. 19.15–19.18, 19.27). Отдельно стоят деяния, связанные с правосудием и исполнительным производством (ст. 19.1, 19.2, 19.6, 19.7). Наконец, есть правонарушения в сфере государственного контроля и надзора, а также нарушения, связанные с представлением документов и сведений государственным органам [2].

Центральное место в этой системе занимает статья 19.3 КоАП РФ. Она устанавливает ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов ФСБ, органов государственной охраны, органов, ведущих федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, органа или учреждения уголовно-исполнительной системы, а также сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации [2]. На практике этот состав применяется, пожалуй, чаще других в главе.

Цифры это подтверждают. В 2024 году районные суды рассмотрели 94,9 тыс. дел по главе 19 КоАП РФ, то есть 14,2 % всех рассмотренных ими дел об административных правонарушениях. Из них 94,8 % (90,0 тыс. дел) приходится на статью 19.3. Наказание получили 85,1 тыс. лиц, или 94,5 %. Штраф назначен в 55,3 % случаев, административный арест в 43,3 %, обязательные работы всего в 1,3 %. По сути, часть 1 статьи 19.3 КоАП РФ почти полностью определяет облик всей категории дел о правонарушениях против порядка управления [8].

Региональные данные показывают ту же картину и даже указывают на рост [12]. Так, по сведениям прокуратуры Саратовской области, за первое полугодие 2026 года общее количество административных правонарушений снизилось. При этом число лиц, привлечённых к ответственности за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции (ст. 19.3 КоАП РФ), выросло в 2,2 раза, а за невыполнение законных требований следователя, дознавателя (ст. 17.7 КоАП РФ) — в 2,7 раза [12]. Такую динамику можно объяснять по-разному. С одной стороны, она говорит о более активной правоохранительной работе, с другой — может указывать на риск избыточного административного принуждения [11].

Проблемные аспекты квалификации правонарушений, предусмотренных статьей 19.3 КоАП РФ

Состав ст. 19.3 КоАП РФ формальный. Объективная сторона выражается в неповиновении законному распоряжению или требованию уполномоченного должностного лица либо в воспрепятствовании исполнению им служебных обязанностей [2; 6]. Главное здесь — законность требования. Оно должно опираться на закон и предъявляться в пределах компетенции конкретного должностного лица [1].

Судебная практика позволяет выделить несколько типичных ситуаций. Чаще всего встречается отказ выполнять требования, связанные с пресечением других административных правонарушений [1]. Например, Каневский районный суд Краснодарского края рассматривал дело гражданина, которого доставляли в дежурную часть для составления протокола по статье 20.21 КоАП РФ. Он отказался садиться в патрульный автомобиль, хватал сотрудников за форменную одежду, пытался вырваться и убежать [8]. Такое поведение образует оконченный состав правонарушения по части 1 статьи 19.3 КоАП РФ [2].

Нередко встречается и другая ситуация: человек не выполняет ранее выданное предписание об устранении нарушений. Притобольный районный суд Курганской области признал виновным водителя, который проигнорировал законное требование сотрудника полиции устранить обстоятельства, способствовавшие правонарушению, и продолжил ездить со стёклами, светопропускание которых не соответствовало техническому регламенту. Суд назначил штраф в 2 тысячи рублей.

Ещё одна группа дел касается воспрепятствования исполнению служебных обязанностей. Жительница Владивостока, находясь в помещении Госавтоинспекции, отказывалась его покинуть, выражалась нецензурной бранью, показывала неприличный жест и никак не реагировала на неоднократные требования полицейского прекратить такое поведение. Судья Фрунзенского районного суда назначил ей арест на 3 суток.

Спорным, причём и в доктрине, и на практике, остаётся вопрос разграничения неповиновения и смежных составов, прежде всего статей 19.4 (неповиновение законному распоряжению должностного лица органа государственного надзора) и 17.7 КоАП РФ (невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя). Разграничивать их приходится по субъекту, чьи

требования не выполнены, и по сфере его деятельности. Статья 19.3 охватывает требования сотрудников полиции и других силовых структур, статья 19.4 касается контрольно-надзорных органов, а статья 17.7 относится к органам предварительного расследования и прокуратуре [2]. На бумаге всё выглядит чётко. В реальных делах граница размывается гораздо чаще, чем хотелось бы.

Отдельная проблема связана с пределами «законности» требования. Суды исходят из того, что требование должно быть обусловлено служебными обязанностями и соответствовать закону. Однако у сотрудников полиции много дискреционных полномочий, и поэтому сохраняется риск, что неповиновением признают действия, которые с законным требованием никак не связаны. Следовательно, материалы таких дел нужно оценивать особенно взвешенно [11].

Проблемы назначения административных наказаний за правонарушения против порядка управления

Санкция части 1 статьи 19.3 КоАП РФ предусматривает альтернативу: штраф от двух до четырёх тысяч рублей, административный арест до пятнадцати суток или обязательные работы от сорока до ста двадцати часов [2]. По статистике преобладают штраф (55,3 %) и арест (43,3 %), а обязательные работы назначаются крайне редко, всего в 1,3 % случаев [8].

Такое распределение отражает в целом карательную направленность административной политики в сфере охраны порядка управления. Арест — самое строгое административное наказание, и при этом его назначают почти в каждом втором деле. Возникает закономерный вопрос о соразмерности наказания характеру и степени общественной опасности деяния. В литературе не раз указывалось, что арест должен оставаться исключительной мерой и применяться только тогда, когда другие наказания не позволят достичь целей административной ответственности [5]. На практике получается иначе. Суды нередко назначают арест, хотя отягчающих обстоятельств нет, а смягчающие, например признание вины и раскаяние, есть.

Показательно дело, которое рассматривал Омутинский районный суд Тюменской области. Водитель не выполнил законное требование инспектора ДПС остановиться и продолжил движение. Суд назначил ему 5 суток ареста. Санкция при этом позволяла ограничиться штрафом, и с учётом обстоятельств (тяжких последствий не наступило, ехал водитель недолго) штрафа, скорее всего, хватило бы.

В другом деле, которое рассматривал Абатский районный суд той же Тюменской области, водитель с признаками алкогольного опьянения отказался пройти в служебный автомобиль, пытался убежать и не реагировал на требования сотрудника полиции прекратить противоправные действия. Здесь суд ограничился штрафом в 4 тысячи рублей [8]. Ситуации похожи, а решения прямо противоположные. Это ещё раз показывает, что критерии выбора вида наказания недостаточно определены.

Индивидуализацию наказаний за правонарушения против порядка управления, по всей видимости, нужно точнее урегулировать на уровне закона. В КоАП РФ можно было бы закрепить правило, по которому административный арест назначается только при наличии отягчающих обстоятельств, при повторном совершении правонарушения или в тех случаях, когда цели наказания явно нельзя достичь иными средствами. Это вполне соответствовало бы принципам соразмерности и гуманизации административной ответственности.

Есть и ещё одна проблема — исполнение штрафов. По данным прокуратуры Саратовской области, из наложенных штрафов на общую сумму 23,7 млн рублей взыскано лишь 47,6 % [12]. Получается, что больше половины назначенных штрафов фактически не уплачено. В ряде регионов полиция направляет судебным приставам для принудительного взыскания очень много постановлений. ОМВД России «Канский», например, с начала года направил более 211 постановлений, а в отношении 108 граждан, не уплативших штраф, возбуждены дела по части 1 статьи 20.25 КоАП РФ «Уклонение от исполнения административного наказания» [12]. Отсюда очевидна необходимость повышать эффективность механизмов, обеспечивающих исполнение административных наказаний.

Анализ позволяет сделать несколько выводов. Правонарушения против порядка управления составляют значимую часть административной деликтности, и доминирует среди них состав статьи 19.3 КоАП РФ. Судебная статистика и региональные данные показывают устойчивый рост числа таких дел. Поэтому важно найти баланс между эффективностью правоохранительной деятельности и соблюдением прав граждан.

Правоприменительная практика выявила сразу несколько проблем: как определять пределы законности требований сотрудников правоохранительных органов, как разграничивать смежные составы, как индивидуализировать наказание. При наличии альтернативы в виде штрафа и обязательных работ суды часто выбирают административный арест, и это не вполне согласуется с принципами соразмерности и гуманизации ответственности. Из этого вытекают предложения по совершенствованию законодательства. Прежде всего, имеет смысл закрепить в КоАП РФ дифференцированные правила назначения административного ареста за правонарушения против порядка управления и допускать его только при повторности или отягчающих обстоятельствах. Не менее нужны и более детальные правила об основаниях и порядке предъявления требований должностными лицами, которые укрепили бы гарантии их законности. Помимо этого, повысить исполнимость штрафов можно за счёт налаженного межведомственного взаимодействия и мер, стимулирующих добровольную уплату.

Если вышеперечисленные меры будут реализованы, административно-правовое регулирование в сфере охраны порядка управления станет эффективнее, а баланс публичных и частных интересов не будет нарушен.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 N 5 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026)
3. Арсланбекова А. З., Шейхова Н. А. Особенности административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. — 2025. — № 3. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-administrativnyh-pravonarusheniy-posyagayuschih-na-obschestvennyy-poryadok-i-obschestvennuyu-bezopasnost (дата обращения: 26.10.2026).
4. Бордюг Е. Я. О профилактике административных правонарушений в финансово-бюджетной сфере // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 4. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-profilaktike-administrativnyh-pravonarusheniy-v-finansovo-byudzhetnoy-sfere (дата обращения: 26.10.2026).
5. Гера Ю. М. Проблемы применения административных наказаний и пути совершенствования законодательства // Криминологический журнал. — 2025. — № 4. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-administrativnyh-nakazaniy-i-puti-sovershenstvovaniya-zakonodatelstva-1 (дата обращения: 26.10.2026).
6. Готолова Е. Н. Административное правонарушение и административная ответственность: понятие, признаки, правовое регулирование // Вестник науки. — 2025. — № 5 (86). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnoe-pravonarushenie-i-administrativnaya-otvetstvennost-ponyatie-priznaki-pravovoe-regulirovanie (дата обращения: 26.10.2026).
7. Дядькин О. Н. О востребованности административного штрафа и проблемах эффективности его реализации // АЮВ. — 2025. — № 2 (50). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vostrebovannosti-administrativnogo-shtrafa-i-problemah-effektivnosti-ego-realizatsii (дата обращения: 26.10.2026).
8. Исаева М. О. Индивидуализация административного наказания в практике судов общей юрисдикции // Вопросы права. — 2025. — № 3. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/individualizatsiya-administrativnogo-nakazaniya-v-praktike-sudov-obschey-yurisdiktsii (дата обращения: 26.10.2026).
9. Кошелев Д. А. Объективные признаки административных правонарушений против общественной безопасности: законодательная неопределенность и пути ее решения // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2026. — № 1 (49). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnye-priznaki-administrativnyh-pravonarusheniy-protiv-obschestvennoy-bezopasnosti-zakonodatelnaya-neopredelennost-i-puti-ee (дата обращения: 26.10.2026).
10. Мишина Ю. В., Смоляков А. И. Обязательные работы как вид административного наказания: проблемы применения и перспективы развития // АЮВ. — 2022. — № 1 (37). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelnye-raboty-kak-vid-administrativnogo-nakazaniya-problemy-primeneniya-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 26.10.2026).
11. Ракитский В. В. Актуальные вопросы освобождения от административной ответственности // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 2. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-osvobozhdeniya-ot-administrativnoy-otvetstvennosti (дата обращения: 26.10.2026).
12. ФКУ «ЦХИСО УМВД России по Липецкой области»: [электронный ресурс]. — URL: https://www.rusprofile.ru/id/6005698 (дата обращения: 26.10.2026).

Решение, судебный приказ и определение суда в гражданском процессе: требования к оформлению и последствия нарушения

Куанышбаев Рустам Замирбекович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Статья рассматривает основные требования к оформлению решения, судебного суда в гражданском процессе. Выделены последствия нарушений при несоблюдении требований.

Ключевые слова: *приказ, определение, решение, суд, гражданский процесс, оформление, нарушения, последствия.*

Decision, court order and court ruling in civil proceedings: requirements for registration and consequences of violation

The article examines the main requirements for drafting a decision in a civil court proceeding. The consequences of violations when the requirements are not met are highlighted.

Keywords: *order, ruling, decision, court, civil procedure, drafting, violations, consequences.*

В гражданском процессе суд принимает различные судебные акты. Среди них наиболее часто встречаются решение суда, судебный приказ и определение суда. Все данные судебные документы принимаются судом, затрагивая права участников процесса. Однако, их назначение, порядок вынесения, содержание и способы обжалования существенно различаются.

Последствия несоблюдения требований по оформлению судебных документов могут быть очень значимыми. Так, ошибка в определении вида судебного акта может привести к пропуску срока обжалования. Судебный приказ нельзя обжаловать в апелляционном порядке так же, как обычное решение суда. Для его отмены должник, как правило, направляет возражения в течение десяти дней со дня получения копии приказа. В отношении определения суда применяется частная жалоба, а в отношении решения — апелляционная жалоба.

Целью данной статьи является изучение основных требований к судебным актам и последствий их нарушения с учетом положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [3].

Решением суда является итоговый судебный акт, разрешающий спор между сторонами судом первой инстанции, в котором устанавливаются фактические обстоятельства, оцениваются доказательства, применяются нормы материального и процессуального права и формулируются обязательные для исполнения выводы.

Согласно статье 195 ГПК РФ решение должно быть законным и обоснованным. Законность означает, что суд применил надлежащие нормы материального права, соблюдал правила гражданского судопроизводства, рассмотрел дело в пределах своей компетенции, применил закон, подлежащий применению к спорному правоотношению.

Обоснованность означает, что выводы суда подтверждены доказательствами, исследованными в судебном заседании, а установленные обстоятельства имеют значение для дела.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 [6] разъяснено, что обоснованным является решение, в котором значимые для дела факты подтверждены допустимыми и относимыми доказательствами, а выводы суда соответствуют установленным обстоятельствам.

По общему правилу решение состоит из четырех частей: вводной, описательной, мотивировочной, резолютивной. Требования к содержанию решения установлены статьей 198 ГПК РФ.

Во вводной части указываются: номер гражданского дела, дата и место принятия решения, наименование суда, состав суда, сведения о помощнике судьи и секретаре судебного заседания, стороны и другие лица, участвующие в деле, представители участников процесса, предмет спора или заявленное требование [7, с,160].

Отсутствие отдельного второстепенного реквизита не всегда приводит к отмене решения. Однако ошибки в наименовании суда, составе суда, сторонах или номере дела могут иметь существенное значение, особенно если из-за них невозможно установить, какое дело рассмотрено и кем принято решение.

В описательной части отражаются требования истца, возражения ответчика, объяснения других лиц, участвующих в деле, изменения и уточнения исковых требований, встречный иск, если он заявлялся, существенные обстоятельства процессуального движения дела [12, с.16].

Описательная часть должна позволять понять, какой именно спор рассматривался. Суд не обязан переписывать все документы, представленные сторонами, но должен отразить содержание основных требований и возражений.

В мотивировочной части суд указывает обстоятельства, установленные судом, доказательства, на которых основаны выводы, доводы, по которым суд принимает или отвергает доказательства, причины отклонения доводов участников процесса, примененные нормы материального права, примененные нормы процессуального права, выводы о наличии или отсутствии оснований для удовлетворения требований.

Мотивировочная часть должна показывать логическую связь между доказательствами и итоговым выводом. Простого указания на то, что «доводы истца подтверждаются материалами дела», обычно недостаточно, если спорные обстоятельства подробно оспаривались ответчиком [8, с.116].

Резолютивная часть содержит окончательный вывод суда. Резолютивная часть должна быть определенной и исполнимой. Формулировка не должна допускать различных вариантов понимания. Например, решение «обязать ответчика устранить нарушения» без указания, какие именно действия должны быть совершены, может оказаться неисполнимым.

После окончания судебного разбирательства суд, как правило, принимает решение немедленно. В исключительных случаях суд может отложить составление мотивированного решения на срок не более пяти дней.

Суд может сначала объявить резолютивную часть, а затем изготовить решение в полном объеме. Для целей

обжалования важна дата изготовления решения в окончательной форме [7, с.161].

Дополнительное решение может приниматься, если суд не разрешил один из заявленных требований, не указал размер присужденной суммы либо не решил вопрос о судебных расходах.

Дополнительное решение не предназначено для исправления ошибки в оценке доказательств или для пересмотра уже сделанного вывода. Если суд неправильно применил закон или необоснованно отказал в требовании, обычно требуется апелляционная жалоба.

Процессуальные нарушения могут иметь разные последствия. Сам по себе факт технической неточности не всегда приводит к отмене решения. Важно установить, повлияло ли нарушение на правильность рассмотрения дела или ограничило ли оно права участников процесса.

Решение может быть отменено или изменено в апелляционном порядке, если суд неправильно установил обстоятельства дела, признал доказанными обстоятельства, которые не подтверждены доказательствами, сделал выводы, не соответствующие обстоятельствам дела, нарушил или неправильно применил нормы материального права, нарушил нормы процессуального права, что привело или могло привести к неправильному разрешению дела [8], с.178].

К существенным нарушениям относятся, например, рассмотрение дела незаконным составом суда, рассмотрение дела в отсутствие лица, которое не было надлежащим образом извещено, нарушение правил о языке судопроизводства, принятие решения о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, подписание решения не тем судьей, который рассматривал дело, отсутствие в деле протокола судебного заседания в случаях, когда его наличие обязательно, нарушение тайны совещания судей.

Такие нарушения относятся к безусловным основаниям для отмены решения, если подпадают под перечень, установленный статьей 330 ГПК РФ.

Судебный приказ представляет собой судебное постановление, вынесенное судьей единолично по требованиям, прямо перечисленным в статье 122 ГПК РФ [3].

Судебный приказ одновременно является результатом упрощенного судебного производства и исполнительным документом [7, с.160].

Судебный приказ выносится без судебного разбирательства, без вызова взыскателя и должника и без заслушивания их объяснений. Суд исследует представленные взыскателем документы и решает вопрос о наличии формальных оснований для выдачи приказа.

Положения о приказном производстве закреплены в статьях 121–130 ГПК РФ [3].

Судебный приказ выдается только по требованиям, предусмотренным законом. В частности, приказное производство может применяться по требованиям о взыскании начисленной, но не выплаченной заработной платы, взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, если требование не связано с установлением или оспариванием отцовства и не требует привлечения других лиц, о взыскании задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг и других [11, с,27].

Перечень требований является закрытым. Если заявитель требует разрешить спор, который невозможно рассмотреть без полноценного исследования доказательств, судебный приказ не является надлежащей процедурой [8, с.179].

Заявление о вынесении судебного приказа должно соответствовать статье 124 ГПК РФ. В нем указываются наименование суда, сведения о взыскателе, сведения о должнике, место жительства или место нахождения сторон, требование взыскателя, обстоятельства, на которых основано требование, документы, подтверждающие задолженность, расчет взыскиваемой суммы, размер государственной пошлины, перечень приложений.

Для гражданина-должника могут потребоваться дополнительные идентифицирующие сведения, если они известны взыскателю: дата и место рождения, место работы, идентификационный номер налогоплательщика, данные документа, удостоверяющего личность.

Чем точнее указаны сведения о должнике, тем ниже риск невозможности исполнения приказа. Ошибки в фамилии, адресе, дате рождения или идентификационных данных могут осложнить направление приказа и его последующее исполнение.

Неясный или противоречивый приказ может быть невозможно исполнить. В таком случае заинтересованному лицу необходимо своевременно обратиться в суд с соответствующим заявлением либо использовать предусмотренный законом порядок отмены и последующего предъявления требований в исковом производстве.

Судебный приказ выносится судьей в течение пяти дней со дня поступления заявления. Судья делает это без судебного заседания и без вызова участников процесса. Копия судебного приказа направляется должнику. С этого момента начинает исчисляться срок для подачи возражений относительно его исполнения. Должник вправе подать возражения в течение десяти дней со дня получения копии приказа. В возражениях достаточно указать, что должник не согласен с исполнением судебного приказа и просит его отменить. Обосновывать возражения по существу задолженности не обязательно [9, с.87]. Это важное отличие приказного производства от искового. На стадии вынесения приказа суд не исследует спор в полном объеме. Если должник заявляет возражения, спор считается требующим рассмотрения в исковом порядке.

Если в установленный срок поступили возражения должника, судья отменяет судебный приказ. В определении об отмене приказа суд разъясняет взыскателю право обратиться с тем же требованием в порядке искового производства [10, с,123].

При этом отмена приказа не означает, что задолженности не существует, не подтверждает правоту должника, не лишает взыскателя возможности обратиться с иском,

прекращает возможность исполнения именно на основании отмененного приказа.

Взыскатель после отмены приказа должен предъявить иск и доказать наличие задолженности в полноценном судебном процессе. В рамках искового производства стороны получают возможность представлять доказательства, заявлять ходатайства, оспаривать расчет и приводить возражения.

Если должник не направил возражения в течение десяти дней, судебный приказ может быть выдан взыскателю для предъявления к исполнению или направлен судебному приставу.

При пропуске срока должник вправе попытаться восстановить его в порядке статьи 112 ГПК РФ, если пропуск вызван уважительными причинами. Вместе с заявлением о восстановлении срока подаются возражения относительно исполнения приказа.

Судебный приказ не обжалуется в апелляционном порядке. Основным способом защиты должника является направление возражений и отмена приказа [12, с.18].

Верховный Суд РФ указывал, что апелляционное обжалование судебного приказа ГПК РФ не предусматривает. В предусмотренных законом случаях судебный приказ может быть обжалован в кассационном порядке. Такой подход отражен в разъяснениях Верховного Суда РФ, размещенных на его официальном сайте.

На практике кассационная жалоба применяется не вместо возражений, а в тех ситуациях, когда приказ уже вступил в силу и имеются предусмотренные законом основания для кассационного пересмотра.

Если судебный приказ был исполнен, а затем отменен, должник может ставить вопрос о повороте исполнения. Это означает возврат взысканных денежных средств или имущества в порядке, предусмотренном статьями 443–445 ГПК РФ.

Определение — это судебный акт, которым суд разрешает отдельный процессуальный вопрос. Определение может быть вынесено при принятии искового заявления, оставлении заявления без движения, возвращении заявления, обеспечении иска, назначении экспертизы, привлечении третьего лица, отложении судебного заседания, приостановлении производства, прекращении производства, оставлении заявления без рассмотрения, утверждении мирового соглашения, распределении судебных расходов, по вопросу исправления описки или разъяснения решения.

В отличие от решения, определение обычно не разрешает материально-правовой спор между сторонами. Однако некоторые определения фактически прекращают движение дела или делают дальнейшее рассмотрение невозможным. К ним относятся, например, определения о прекращении производства по делу или об оставлении заявления без рассмотрения.

Порядок вынесения определений регулируется статьями 224–225 ГПК РФ. Определение может быть вынесено в виде отдельного судебного акта, в совещательной комнате, не удаляясь в совещательную комнату, если вопрос не требует сложного разрешения, в форме протокольного определения.

В определении, как правило, указываются дата и место вынесения, наименование суда, состав суда, секретарь судебного заседания, лица, участвующие в деле, вопрос, который разрешает суд, мотивы, по которым суд пришел к выводу, ссылки на нормы закона, резолютивная часть, порядок и срок обжалования, если определение может быть обжаловано отдельно.

Мотивировка определения должна соответствовать характеру разрешаемого вопроса. Например, определение о назначении экспертизы должно объяснять, какие обстоятельства требуют специальных знаний и почему суд считает необходимым проведение экспертизы.

Определение об оставлении иска без движения должно содержать конкретные недостатки заявления и срок для их устранения. Нельзя ограничиваться формулировкой «исковое заявление не соответствует требованиям закона» без указания, какие именно нарушения допущены.

Определение о возвращении заявления или отказе в его принятии должно содержать правовое основание и объяснять, почему дальнейшее рассмотрение заявления в данном суде невозможно.

Последствия нарушений при вынесении определения зависят от характера нарушения. Так, если определение не содержит мотивов, хотя по закону они необходимы, это может затруднить его проверку вышестоящим судом. Если суд не указал конкретные недостатки искового заявления, лицо может быть лишено возможности исправить их в установленный срок [13].

Если суд рассмотрел вопрос без надлежащего извещения участника, применил норму, которая не подлежала применению, не рассмотрел существенное ходатайство, не указал причины отказа в ходатайстве, разрешил вопрос, который не был поставлен перед судом, неверно определил процессуальный статус лица, то такое определение может быть отменено или изменено вышестоящим судом [14].

Если нарушение не препятствует дальнейшему движению дела, суд апелляционной инстанции может не отменять определение немедленно, а учесть нарушение при проверке итогового решения.

Решение суда, судебный приказ и определение суда имеют разные процессуальные функции. Решение разрешает спор по существу и должно быть законным, обоснованным, мотивированным и исполнимым. Судебный приказ выносится без судебного заседания по требованиям, перечисленным в законе. Его ключевая особенность заключается в том, что должник может отменить приказ простым направлением возражений в установленный срок. Определение регулирует отдельные вопросы процесса. Оно может быть промежуточным и не препятствовать дальнейшему рассмотрению дела либо окончательно прекращать движение дела. Возможность его самостоятельного обжалования зависит от содержания и последствий определения.

Нарушение требований к судебному акту не всегда автоматически приводит к его отмене. Юридическое значение имеет то, повлияло ли нарушение на законность и обоснованность акта, нарушило ли права участника процесса и могло ли привести к неправильному разрешению дела. Поэтому при подготовке жалобы или заявления необходимо одновременно анализировать форму судебного акта, его содержание, сроки обжалования и конкретные процессуальные последствия нарушения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 1997. 04 янв.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 27. Ст. 2700.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
5. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 20. Ст. 2251.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 N 23 (ред. от 09.12.2025) «О судебном решении» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45640/
7. Галичкина, Ю. В. Судебный приказ: стадия или самостоятельный процесс? / Ю. В. Галичкина. Текст: непосредственный // Символ науки. — 2016. — № 3. — С.160–164.
8. Гражданский процесс: в двух томах. Том 2 / В. А. Баранова. — М.: Юрайт, 2024. — 511 с.
9. Ефимова В. В. Злоупотребление процессуальными правами в приказном производстве: проблемы и пути противодействия // Арбитражный и гражданский процесс. — 2024. — № 7. — С.87–92.
10. Кайзер, Ю. В. К вопросу о возврате государственной пошлины при отмене судебного приказа в гражданском судопроизводстве / Ю. В. Кайзер, В. А. Колбина. Текст: непосредственный // Вестник Омского университета. Серия Право. — 2025. — № 2. — С. 123–127.
11. Кашлев А. В. Решение, судебный приказ и определение суда в гражданском процессе / А. В. Кашлев // Вестник науки. — 2024. — № 12 (81). — С.27–31.
12. Осипов А. К. Пробелы в регулировании протокольных определений суда первой инстанции // Вестник гражданского процесса. — 2023. — № 6. — С.16–22.
13. Самхарадзе, А. К. Актуальные проблемы современного института приказного производств в России / А. К. Самхарадзе. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemysovremennogo-instituta prikaznogo-proizvodstva-vrossii/viewe (дата обращения: 25.10.2026). Текст: электронный.
14. Шарапов, Д. В. Отмена судебного приказа: советы приставов / Д. В. Шарапов. URL: https://pristavrussia.ru/blog/otmena-sudebnogo-prikaza:– sovetipristavov/42.html (дата обращения: 25.10.2026). Текст: электронный.

Проблемы квалификации фальсификации доказательств: уголовно-правовые и процессуальные критерии

Куприянов Максим Владимирович, студент магистратуры
Научный руководитель: Гармышев Ярослав Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Актуальность исследования обусловлена трудностями разграничения фальсификации доказательств и процессуальных нарушений. Цель — определить проверяемые критерии квалификации по статье 303 УК РФ. Применены формально-юридический и сравнительно-правовой методы, анализ судебных разъяснений и научных публикаций. Установлено, что оценка должна последовательно охватывать доказательственную функцию материала, способ подлога, статус лица и его умысел. Предложена модель разграничения, применимая также к электронным доказательствам.

Ключевые слова: *фальсификация доказательств, статья 303 УК РФ, специальный субъект, прямой умысел, момент окончания преступления, оперативно-разыскная деятельность, электронные доказательства, преюдиция.*

Введение

Практическая сложность применения статьи 303 УК РФ проявляется уже при оценке спорного документа: установленное экспертом изменение подписи или даты еще не позволяет определить, совершено ли преступление против правосудия. Для квалификации имеют значение процессуальная функция материала, действия конкретного лица и его осведомленность о ложности сведений. Недостатки оформления, добросовестные ошибки и умышленная подделка могут внешне выглядеть одинаково, но требуют разной правовой оценки [11; 12].

В научной литературе исследуются отдельные стороны этой проблемы. С. В. Скляров анализирует предмет подлога, участие руководителя юридического лица, малозначительность и момент окончания состава [10, с. 80]. А. А. Радченко обращается к пределам круга специальных субъектов фальсификации по уголовному делу [8, с. 53]. М. Г. Решняк ставит вопрос о разграничении административной и уголовной ответственности за подлог в производстве по делам об административных правонарушениях [9, с. 27]. С. В. Корнакова и Е. В. Чигрина исследуют процессуальную природу электронных доказательств и связь цифровой информации с ее носителем [3, с. 44].

Цель исследования — определить последовательность уголовно-правовой оценки фальсификации, исключающую подмену анализа состава преступления одним выводом о недостоверности материала. Задачи состоят в разграничении подлога и дефекта доказывания, выявлении критериев установления исполнителя и момента окончания преступления, проверке применимости этих критериев к результатам оперативно-разыскной деятельности и электронным материалам.

Использован формально-юридический метод толкования статьи 303 УК РФ и процессуальных норм, сравнительно-правовой анализ различных видов судопроизводства, а также систематизация опубликованных научных подходов и правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Эмпирическую основу составляют нормативные акты и опубликованные судебные разъяснения; самостоятельная статистическая выборка судебных дел не формировалась. Результат исследования представляет собой качественную модель проверки признаков состава преступления.

1. Граница между фальсификацией и дефектом доказательства

Статья 303 УК РФ объединяет четыре конструкции ответственности. Часть 1 касается фальсификации по гражданским и административным делам и по делам об административных правонарушениях; часть 2 — уголовных дел; часть 3 предусматривает ответственность за подлог по делу о тяжком либо особо тяжком преступлении или подлог, повлекший тяжкие последствия; часть 4 устанавливает особый состав в отношении результатов оперативно-разыскной деятельности. Смешение этих конструкций приводит к ошибкам при установлении субъекта и признаков умысла [11].

Содержание доказательства определяется процессуальным законом. Для уголовного дела источники перечислены в части 2 статьи 74 УПК РФ. Статьи 75 и 88 этого Кодекса разграничивают допустимость и достоверность доказательств, но факт нарушения порядка их получения не служит сам по себе подтверждением фальсификации. Неверно оформленный протокол может быть признан недопустимым вследствие процессуальной ошибки. Иная ситуация возникает, если следственное действие не проводилось, а протокол сознательно составлен как свидетельство его проведения [12].

Сходное разграничение требуется при использовании документа с неверной датой. Необходимо выяснить, какое обстоятельство дата должна была подтвердить, когда реально возникли зафиксированные документом отношения и кто намеренно изменил сведения. Вопрос об уголовной ответственности не решается одной экспертизой давности составления документа. Исследование С. В. Склярова показывает, что для статьи 303 УК РФ определяющим становится процессуально значимое представление поддельного материала, а не любое несовпадение его содержания с фактической хронологией [10, с. 82].

Пункты 12 и 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 позволяют провести границу по характеру действия. Для следователя и дознавателя значимы заведомо ложные сведения в протоколе, сознательное приобщение поддельного объекта либо изменение уже приобщенного доказательства. Для участника спора, его представителя, прокурора или защитника обычно рассматривается представление подложного материала в качестве доказательства. Уничтожение и сокрытие сведений должностным лицом сами по себе этим составом не охватываются и при наличии оснований оцениваются по другим статьям УК РФ [6].

Заявление о подлоге в процессе и уголовное обвинение также различаются по предмету проверки. В соответствии со статьей 161 АПК РФ арбитражный суд рассматривает письменное заявление о фальсификации, исключает доказательство с согласия представившего его лица либо проверяет заявление при возражении. Это решение отвечает задачам конкретного спора, но не устанавливает автоматически субъекта и умысел по статье 303 УК РФ [1].

2. Специальный субъект, умысел и момент окончания преступления

Круг исполнителей законодатель определяет специально. По части 2 статьи 303 УК РФ ими могут быть лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и защитник. Обвиняемый, свидетель или потерпевший не приобретают соответствующий статус вследствие одного лишь изготовления подложного документа. При участии иных лиц проверяются условия соучастия по статье

34 УК РФ или признаки самостоятельного состава преступления. Именно закрытый характер перечня специальных субъектов и его значение для соучастия рассматривает А. А. Радченко [8, с. 53].

Отдельной оценки требует представление доказательства через неосведомленного представителя. В пункте 13 постановления Пленума № 20 прямо предусмотрена возможность признать исполнителем участника дела, который сознательно передал фальсифицированный материал через представителя, не знавшего о подлоге. Если документ исходит от юридического лица, проверяется фактическое участие руководителя в подготовке доказательства, содержание его распоряжений и пределы процессуальных полномочий. Наличие должности само по себе не подтверждает вину; формальное отсутствие в заседании ее не исключает [6; 10, с. 87].

Для субъективной стороны решающим является доказанная заведомость. Техническая экспертиза может показать монтаж записи, дописки в документе или подмену подписи, но обычно не отвечает на вопрос, знал ли конкретный участник о подложности при представлении материала. Поэтому сведения о происхождении файла, доступе к его исходной версии, переписке участников и способе передачи в суд должны сопоставляться с установленными обстоятельствами. Мотив спора или имущественный интерес не заменяет доказательств прямого умысла.

Момент окончания основного состава зависит от способа совершения. Для участника процесса фальсификация может быть окончена с представлением заведомо подложного материала как доказательства, независимо от того, признал ли суд его достоверным. Для следователя или дознавателя завершение связывается с внесением ложных сведений в процессуальный источник, изменением приобщенного объекта либо его сознательным приобщением. Изготовление фиктивной расписки для возможного обращения в суд требует отдельной оценки: оно еще не тождественно оконченному представлению доказательства [6; 10, с. 89].

Формальная конструкция состава не исключает обсуждения малозначительности по части 2 статьи 14 УК РФ, но отсутствие влияния подлога на исход дела не означает автоматически отсутствия общественной опасности. В литературе приводятся расходящиеся судебные оценки этого вопроса. Представляется обоснованным исследовать фактический характер вмешательства в доказывание и его потенциальную способность нарушить права участников, не превращая ни один из этих признаков в безусловный критерий [10, с. 84].

3. Квалифицирующие признаки и электронная форма подлога

Для применения части 3 статьи 303 УК РФ достаточно установить фальсификацию доказательств по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении: фактическое причинение тяжких последствий по этому основанию не обязательно. Другое основание — наступление тяжких последствий — требует доказать их реальность и причинную связь с подлогом. Пункт 14 постановления Пленума № 20 относит к возможным последствиям привлечение невиновного к уголовной ответственности, заключение его под стражу и причинение ущерба, приводящего к прекращению предпринимательской деятельности. Последнее основание возможно и вне уголовного судопроизводства [6; 11].

Часть 4 той же статьи охраняет достоверность результатов оперативно-разыскной деятельности (ОРД). По статье 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ эти результаты используются в уголовно-процессуальном доказывании с соблюдением правил УПК РФ [5; 12]. Ответственность по части 4 требует специального субъекта и специальной цели: незаконного преследования заведомо непричастного лица либо причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации. А. В. Макаров, Т. П. Страмилова и О. В. Фирсов рассматривают именно эту особенность конструкции состава [4, с. 57].

Электронные материалы не образуют исключения из общих правил квалификации. Однако исследование их подложности нередко требует восстановить историю изменения данных. При оценке скриншота переписки, электронной расписки, цифровой видеозаписи и документов с электронной подписью необходимо установить происхождение исходных файлов, версии, способы передачи, данные об авторизации и целостность носителя. Контрольная сумма фиксирует состояние файла на определенный момент, но не удостоверяет истинность записанного; метаданные также могут изменяться при обычной работе программ. Корнакова и Чигрина связывают процессуальные сложности с неопределенным положением электронных доказательств в системе источников уголовно-процессуального доказывания [3, с. 44].

Сопоставление нормативного материала позволяет предложить схему разграничения, в которой технический факт подделки рассматривается отдельно от действий специального субъекта. Ее назначение — указать, какие признаки необходимо установить до вывода о квалификации, не заменяя этим уголовно-процессуальное доказывание.

Модель показывает три последовательных уровня проверки: свойство доказательственной информации, процессуально значимое действие и персональная уголовно-правовая ответственность. При наличии тяжких последствий либо специальной цели фальсификации результатов ОРД дополнительно исследуются соответствующие квалифицирующие признаки. Такая последовательность особенно полезна, когда техническая подделка несомненна, но сведения об исполнителе противоречивы.

Смежные преступления необходимо оценивать по самостоятельным признакам. Искусственное создание доказательств обвинения при заведомо ложном доносе предусмотрено частью 3 статьи 306 УК РФ; заведомо ложные показания — статьей 307 УК РФ. При сочетании фальси-

Таблица 1. **Критерии разграничения спорных действий при применении статьи 303 УК РФ**

Выявленная ситуация	Проверяемый критерий	Возможное правовое значение
Неверные сведения или дефект оформления	Доказано ли намеренное создание ложного содержания	Само по себе не подтверждает состав статьи 303
Подделка подготовлена, но в дело не представлена	Было ли процессуально значимое действие	Отдельная оценка стадии и смежных составов
Подлог представлен через представителя	Статус доверителя, осведомленность и характер поручения	Возможность ответственности участника как исполнителя
Подмена электронного документа	Кто изменил исходные данные, и кто знал о подмене	Техническая подделка не тождественна доказанному умыслу
Искажение результатов ОРД	Полномочия лица и специальная цель	Проверка самостоятельного состава части 4

фикации с привлечением заведомо невиновного или незаконным освобождением от ответственности применяются разъяснения Пленума № 20 о квалификации по совокупности. Способ изготовления подложного официального документа может потребовать отдельного разграничения со статьями 292 и 327 УК РФ [6].

Вопрос о пересмотре гражданского решения, вступившего в законную силу, следует отделять от вопроса об уголовной ответственности за фальсификацию. Конституционный Суд РФ в постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П разъяснил пределы преюдиции: решение гражданского суда не предопределяет виновность в уголовном деле о подлоге [7; 12].

В действующей редакции статьи 392 ГПК РФ предусмотрено установление обстоятельств фальсификации вступившим в силу приговором; с 2025 года часть 3.1 этой статьи допускает для предусмотренных законом случаев также отдельные итоговые процессуальные решения об отказе в возбуждении или прекращении уголовного дела. Сам факт выявления подделки не обеспечивает отмену судебного акта без соблюдения условий пересмотра [2].

Заключение

Проведенный анализ показал, что основная ошибка квалификации по статье 303 УК РФ возникает при смешении двух вопросов: имело ли место искажение доказательственной информации и совершил ли конкретный субъект предусмотренное уголовным законом действие с прямым умыслом. Отрицательный ответ на второй вопрос нельзя восполнить ссылкой на экспертно установленную подделку. Равным образом процессуальная недопустимость доказательства не означает его фальсификации.

Предложенная модель позволяет последовательно определить вид производства и предмет доказывания, установить способ вмешательства в доказательственную основу, проверить процессуальный статус лица, заведомость и момент окончания преступления. При необходимости отдельной проверке подлежат тяжкие последствия, специальная цель при фальсификации результатов ОРД и признаки смежных составов. Для электронных материалов добавляется техническая реконструкция происхождения и изменений файла, однако уголовно-правовые критерии остаются прежними.

Практическое применение результатов возможно при первоначальной оценке сообщения о подлоге, планировании следственных действий и подготовке процессуальной позиции. Такая схема уменьшает риск как необоснованного уголовного преследования за ошибку оформления, так и неверного отказа в правовой оценке умышленно созданного ложного доказательства.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Электронные доказательства в российском уголовном процессе: проблемные вопросы // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11, № 2. С. 44–50.
4. Макаров А. В., Страмилова Т. П., Фирсов О. В. Особенности квалификации фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности // Российский следователь. 2023. № 1. С. 57–61.
5. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
6. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 20 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 9.

7. По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 30-П.
8. Радченко А. А. Субъект фальсификации доказательств по уголовному делу // Уголовное право. 2026. № 3. С. 53–64.
9. Решняк, Мария Генриховна. К вопросу о дифференциации административной и уголовной ответственности за фальсификацию доказательств по делу об административном правонарушении / Решняк М. Г. — (Уголовное право). — Текст: непосредственный // Российский следователь. — 2024. — № 6. — С. 27–31. — Библиогр.: с. 31 (4 назв.). — ISSN 1812–3783.
10. Скляров С. В. Ответственность за фальсификацию доказательств // Российское правосудие. 2024. № 6. С. 80–90.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Правовые и цифровые аспекты государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства

Кущ София Ивановна, студент
Научный руководитель: Приймак Елена Николаевна, кандидат психологических наук, доцент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматриваются правовые условия цифровизации государственного контроля и надзора. Анализируются разграничение индикатора риска и нарушения обязательных требований, достоверность электронных сведений и гарантии обжалования. Предлагается обеспечивать проверяемость исходных данных и мотивировать решения, принимаемые с использованием автоматизированных инструментов.

Ключевые слова: *государственный контроль, надзор, цифровизация, обязательные требования, индикаторы риска, обжалование.*

Использование государственных реестров позволяет надзорному органу сопоставлять сведения о деятельности организации и обнаруживать признаки риска прежде, чем возникнут вредные последствия. Полученная таким способом информация влияет на выбор объектов контроля, поэтому ошибки в записях или их оценке могут повлечь необоснованное вмешательство. Правовое значение цифровизации этим не ограничивается: наряду с ускорением обмена документами меняется порядок работы со сведениями, на которых строятся контрольные решения. Его необходимо соотносить с полномочиями конкретного органа и назначением применяемой процедуры, учитывая, что правила контроля за соблюдением обязательных требований не охватывают всю государственную деятельность по обеспечению законности.

Предупреждение нарушений и снижение риска причинения вреда охраняемым законом ценностям определяют назначение общего режима государственного контроля и надзора, установленного Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ [2]. При этом пределы действия закона исключают распространение его процедур, в частности, на прокурорский надзор и производство по делам об административных правонарушениях. Даже если органы используют общие информационные ресурсы, основания их решений и объем полномочий сохраняют самостоятельное значение. По этой причине оценивать цифровые способы контроля необходимо применительно к регулируемому виду деятельности, а не переносить соответствующий порядок на любые надзорные действия государства.

Оценку цифровых преобразований с точки зрения их последствий для контролируемого лица позволяет предложить работа М. В. Алексеевой и ее соавторов, в которой совершенствование контроля связывается с административной нагрузкой и качеством осуществления контрольных функций [6, с. 983]. Автоматическое поступление сведений само по себе еще не освобождает организацию от повторного подтверждения обстоятельств, уже известных государственным органам. Если такие запросы сохраняются, электронный обмен может лишь воспроизводить прежний документооборот. Для оценки его результативности следует учитывать объем повторно запрашиваемой информации и причины обращения за ней. При этом получение действительно недостающих доказательств необходимо отличать от запросов, вызванных недостатками взаимодействия ведомств, поскольку по-

следние свидетельствуют о сохранении избыточной нагрузки.

Объединение информационных ресурсов, постепенное развитие которого в сфере контроля отмечает Д. Р. Алимпеев, предполагает сопряжение государственных информационных систем [4, с. 31]. Продолжая рассуждение исследователя, следует обратить внимание на согласованность обновления записей и порядок устранения расхождений: без них ошибка, допущенная одним ведомством, может перейти в материалы контрольных действий другого.

Основанием для вывода о несоблюдении обязательного требования не может служить одно лишь отклонение, обнаруженное программой. По смыслу части 9 статьи 23 Закона № 248-ФЗ параметры индикатора риска не являются нарушением сами по себе. Поэтому сведения, на которые указала информационная система, подлежат оценке в установленном законом порядке; результат автоматического поиска не заменяет доказывания нарушения.

Содержание цифровых критериев необходимо определять с учетом статьи 7 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ, закрепляющей правовую определенность и системность обязательных требований [1]. У каждого применяемого критерия должно быть нормативное основание, поскольку изменение настроек программы либо автоматизированный расчет не позволяют самостоятельно расширять обязанности организации. Помимо этого, требуется проверка сопоставимости данных. Так, различия показателей двух реестров могут объясняться тем, что записи обновлены в разное время, и еще не дают оснований считать отчетность недостоверной. При подготовке электронного решения следует выяснять происхождение сведений и период, к которому они относятся, а результаты такой проверки отражать в материалах мероприятия. Иначе техническое расхождение может быть ошибочно принято за несоблюдение требования.

Установить, какие сведения использовал инспектор и как он пришел к своему выводу, должно быть возможно по материалам контрольного мероприятия. Такое понимание прозрачности согласуется с позицией М. В. Алексеевой, И. А. Подройкиной и С. В. Рыбака, связывающих доверие к цифровому управлению с надежностью сервисов и понятным взаимодействием с органами власти [3, с 531]. Статья 19 Закона № 248-ФЗ предусматривает учет мероприятий и решений в едином реестре. Она также ограничивает использование информации, которая подлежит обязательному внесению, но в реестре отсутствует, допуская исключение при его неработоспособности, зафиксированной оператором. Для последующей проверки записей целесообразно сохранять сведения об их исправлениях, включая время изменения и ответственное должностное лицо.

Для лица, оспаривающего контрольное решение, существенны как возможность направить возражения, так и доступность оснований, по которым орган вмешался в его деятельность. Предусмотренная статьей 40 Закона № 248-ФЗ подача жалобы через государственные порталы, с исключением для охраняемой законом тайны, зависит от технической доступности сервиса. На нестабильную связь и отсутствие обратной связи с операторами при сбоях указывают В. А. Алишин и Т. А. Кузьмина [5, с. 6]. Документально подтвержденную попытку обращения во время сбоя следует учитывать при рассмотрении вопроса о восстановлении срока. При разрешении жалобы по существу необходимо отражать результаты проверки оспариваемых цифровых сведений, особенно когда заявитель ссылается на их ошибочное сопоставление.

О результативности цифрового контроля нельзя судить лишь по времени, затраченному на проведение процедур. Не меньшее значение имеет возможность выяснить происхождение использованных сведений, исправить недостоверную запись и добиться рассмотрения возражений по существу. Контролируемому лицу должны быть доступны основания правовой оценки, позволяющие понять, какое требование проверялось и какие обстоятельства орган счел установленными. Применение автоматизированных инструментов при этом не переносит ответственность за решение с уполномоченного органа на информационную систему. Сохранение этих условий связывает ускорение контрольных действий с обоснованностью вмешательства и возможностью пересмотра ошибочного вывода.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 26.06.2026) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (ч. 1). — Ст. 5006.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 04.08.2026, с изм., вступ. в силу с 01.10.2026) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (ч. 1). — Ст. 5007.
3. Алексеева, М. В. Процессы цифровизации государственного управления: анализ и формирование рекомендаций по повышению эффективности / М. В. Алексеева, И. А. Подройкина, С. В. Рыбак // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2026. — Т. 30, № 3. — С. 528–547.
4. Алимпеев, Д. Р. Информатизация государственного контроля (надзора): в поисках вектора административно-правового регулирования / Д. Р. Алимпеев // NB: Административное право и практика администрирования. — 2024. — № 3. — С. 30–43.

5. Алишин, В. А. Применение цифровых технологий в области контрольно-надзорной деятельности / В. А. Алишин, Т. А. Кузьмина // Надзорная деятельность и судебная экспертиза в системе безопасности. — 2024. — № 3. — С. 4–7.
6. Alekseeva, M. V. Organizational and Security Directions Improving Control and Supervision Activities in Modern Conditions / M. V. Alekseeva, I. A. Podroykina, O. Ye. Nemykina // Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy / ed. by E. G. Popkova. — Cham: Springer, 2022. — P. 983–986.

Мошенничество в сфере страхования и при получении выплат: вопросы квалификации и совершенствования правоприменения

Лапков Владислав Андреевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Рассматриваются отдельные проблемы применения мер уголовной ответственности за мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ) и в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ). Отмечается, что бланкетный характер диспозиций и недостаточная четкость признаков предмета данных преступлений порождают ошибки квалификации. Анализируются вопросы пассивного обмана, разграничения смежных составов, момента окончания преступления и соучастия. Обосновывается необходимость дополнительных разъяснений Верховного Суда РФ и уточнения законодательных формулировок.

Ключевые слова: *мошенничество, мошенничество при получении выплат, мошенничество в сфере страхования, социальные выплаты, материнский капитал, квалификация преступлений, уголовная ответственность.*

Специальные составы мошенничества, предусмотренные статьями 159.2 и 159.5 Уголовного кодекса Российской Федерации, остаются одними из наиболее проблемных с точки зрения правоприменения норм о посягательствах на собственность. С одной стороны, посягательства в сфере социального обеспечения и страхования причиняют ущерб бюджету и страховым компаниям, перекладывая бремя убытков на добросовестных граждан; с другой — более чем десятилетний срок применения данных норм показал, что их конструкция далека от совершенства.

Специфика состава преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, заключается в его тесной связи с нормами права социального обеспечения, что придает диспозиции бланкетный характер. Объективная сторона выражается в хищении при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат двумя способами: путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений (активный обман) либо путем умолчания о фактах, влекущих прекращение выплат (пассивный обман). На практике наибольшие трудности вызывает именно пассивный обман: гражданин трудоустраивается, не сообщая об этом органам службы занятости, либо умалчивает об отчислении из образовательной организации, продолжая получать пенсию по случаю потери кормильца. Суды расходятся в оценке момента возникновения умысла: если он возник после правомерного начала получения выплаты, речь может идти не о мошенничестве, а о присвоении (ст. 160 УК РФ) либо о причинении имущественного ущерба (ст. 165 УК РФ). Как отмечает В. А. Потетинов, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 не в полной мере отвечает на вопросы правоприменителей о субъективной стороне специальных видов мошенничества, что требует дополнительных разъяснений [6].

Еще одна коллизия связана с предметом преступления. Законодатель указывает на «пособия, компенсации, субсидии и другие социальные выплаты», однако практика сталкивается с вопросом об отнесении к данному предмету выплат стимулирующего и грантового характера. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что не относятся к социальным выплатам гранты, стипендии для поддержки науки, образования, культуры и искусства, субсидии на поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей и малого предпринимательства — мошенничество при получении таких средств квалифицируется по общей норме ст. 159 УК РФ [4]. Тем не менее единообразия достичь не удается: как отмечает О. Г. Ряппиева, неопределенность признаков предмета связана в первую очередь с бланкетностью диспозиции статьи 159.2 УК РФ и пробелами законодательства о социальных выплатах [8].

Особого внимания заслуживает практика по делам, связанным со средствами материнского (семейного) капитала. Наиболее распространенная схема — обналичивание капитала через фиктивные сделки купли-продажи жилых помещений либо мнимые договоры займа с подконтрольными микрофинансовыми организациями и кредитными потребительскими кооперативами. При квалификации возникает сложный вопрос о роли обла-

дателя сертификата: как справедливо отмечает И. И. Евтушенко, ошибочна сложившаяся практика признания матерей потерпевшими по большинству преступных схем обналичивания, поскольку женщины, сознательно вступившие в сговор, являются соисполнительницами группового преступления [7]. Действия организаторов схем — сотрудников финансовых организаций — должны квалифицироваться как соисполнительство в составе организованной группы (ч. 4 ст. 159.2 УК РФ), однако в ряде регионов они ошибочно оцениваются лишь как пособничество.

Центральной проблемой применения ст. 159.5 УК РФ является разграничение уголовно наказуемого деяния и гражданско-правового спора между страхователем и страховщиком. Недобросовестные действия, направленные на максимизацию выплаты, не всегда образуют состав преступления: следствию необходимо доказать умышленное введение в заблуждение, основанное на фальсификации доказательств — умышленном повреждении автомобиля, инсценировке ДТП, представлении документов о повреждениях, полученных до заключения договора. Сложности создает и определение момента окончания преступления: состав ст. 159.5 УК РФ является материальным, преступление окончено с момента получения лицом реальной возможности распорядиться страховым возмещением, однако следственные органы нередко возбуждают дела по признакам оконченного состава сразу после подачи заведомо ложных документов. Э. Л. Сидоренко обращает внимание, что подача фиктивных документов — лишь создание условий для последующего изъятия имущества, то есть покушение на мошенничество, и переквалификация деяний судами со оконченного состава на покушение свидетельствует о низком качестве предварительного расследования [9]. Показательно, что значительная часть проблем квалификации связана с субъектным составом: субъектом страхового мошенничества выступает специальный субъект — страхователь или выгодоприобретатель, что требует особого внимания при оценке действий страховых агентов, брокеров и экспертов, вступивших в сговор со страхователями [10].

Практика подтверждает выявленные проблемы. Верховный Суд РФ в кассационном определении по делу № 5-УД23–42 признал обоснованным осуждение за мошенничество при получении выплат лица, умолчавшего о смерти родственника-пенсионера и продолжавшего получать пенсию: пассивная форма обмана была оценена как способ хищения. И напротив, по уголовному делу № 1–234/2025, рассмотренному одним из районных судов г. Москвы, сторона защиты добивалась переквалификации деяния, связанного с получением страхового возмещения по КАСКО на сумму 1,8 млн рублей после инсценированного ДТП, с оконченного состава на покушение, ссылаясь на то, что выплата страховщиком не производилась.

Для решения выявленных проблем предлагается ряд рекомендаций.

Таблица 1. **Направления совершенствования регулирования уголовной ответственности за мошенничество при получении выплат и в сфере страхования**

Направление совершенствования	Пояснение
Уточнение понятия «социальная выплата»	Закрепить в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ четкое определение социальных выплат, охватывающее выплаты социального обеспечения, и прямо исключить из предмета ст. 159.2 УК РФ гранты, субсидии предпринимательского характера и компенсации, регулируемые трудовым законодательством. Это устранит разночтения в квалификации и конкуренцию со ст. 159 УК РФ.
Разъяснение момента окончания страхового мошенничества	В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 48 следует прямо указать, что при подаче заведомо ложных документов содеянное квалифицируется как покушение (ч. 3 ст. 30, ст. 159.5 УК РФ), а оконченным преступление признается с момента получения виновным реальной возможности распорядиться страховым возмещением.
Уточнение критериев разграничения ст. 159.2 и ст. 159.5 УК РФ	Дополнить разъяснения высшей судебной инстанции правилом: выплаты из бюджетов государственных внебюджетных фондов охватываются ст. 159.2 УК РФ, а выплаты из фондов страховых организаций по договорам страхования — ст. 159.5 УК РФ. Одновременно целесообразно наладить межведомственное информационное взаимодействие (органы социальной защиты, налоговые органы, страховщики) для раннего выявления пассивного обмана.

Таким образом, уголовная ответственность за мошенничество при получении выплат и в сфере страхования сегодня сталкивается с рядом взаимосвязанных проблем: неопределенностью предмета преступления, сложностями доказывания пассивного обмана, ошибками в определении момента окончания деяния и разграничении смежных составов. Решение этих проблем лежит не только в плоскости ужесточения санкций, но и в повышении точности правовых формулировок и качества разъяснений высшей судебной инстанции.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 18. — Ст. 1720.
3. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 1. — Ст. 9.
4. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 2024 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018. — № 2.
5. Скрипченко Н. Ю. Мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ): законодательное регулирование и практика применения // Право: история и современность. — 2018. — № 3. — С. 88–94.
6. Потетинов В. А. К вопросу о квалификации мошенничества при получении социальных выплат (ст. 159.2 УК РФ) // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2021. — № 3. — С. 84–90.
7. Евтушенко И. И. Потерпевший от мошенничества по ст. 159.2 УК РФ со средствами материнского капитала: вопросы квалификации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — Т. 5 (71), № 4. — С. 146–152.
8. Ряппиева О. Г. Мошенничество при получении социальных выплат (ст. 159.2 УК РФ) // StudArctic Forum. — 2022. — Т. 7, № 2. — С. 94–99.
9. Сидоренко Э. Л. Мошенничество в сфере страхования: некоторые проблемы квалификации // Экономика. Налоги. Право. — 2018. — Т. 11, № 5. — С. 146–156.
10. Воронин А. Н., Надирова Р. Р. Проблемы квалификации мошенничества в сфере страхования при отграничении от смежных преступлений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 12–1. — С. 65–69.

Правовые механизмы межведомственного взаимодействия в условиях особых правовых режимов

Лукичева Камила Юрьевна, студент
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

Рассматриваются правовые механизмы межведомственного взаимодействия и информационного обмена между правоохранительными органами в условиях чрезвычайных ситуаций и особых правовых режимов. Выявлены проблемы правового регулирования и предложены меры по их устранению.

Ключевые слова: *особые правовые режимы, чрезвычайная ситуация, межведомственное взаимодействие, информационный обмен, оперативный штаб.*

Введение

Особые правовые режимы — чрезвычайного и военного положения, режимы функционирования РСЧС — требуют от правоохранительных органов быстрых решений и слаженной работы многих ведомств. Узкое место здесь — не недостаток сил, а качество координации: несвоевременно переданное сообщение способно обесценить действия целой группировки. Цель исследования — выявить правовые механизмы межведомственного взаимодействия и информационного обмена и сформулировать предложения по их совершенствованию.

Структура управления и распределение задач

Управление в особых режимах двухуровневое. Координационные органы (комиссии по предупреждению и ликвидации ЧС) определяют стратегию и принимают решения, влекущие последствия для неопределённого круга лиц [4], а оперативные штабы ведут тактическое управление силами [7]. Разграничение прослеживается по юридической силе актов: решения комиссий могут оспариваться как нормативные (глава 21 КАС РФ), акты штабов — как ненормативные [8]. Однако критерии разграничения компетенции законодательно не закреплены, что создаёт риск дублирования полномочий.

Правовую рамку образуют ФКЗ «О чрезвычайном положении» [1] и «О военном положении» [2], допускающие привлечение сил разных ведомств; профильные функции закреплены отраслевыми законами [3]. Практика выявляет четыре зоны пересечения компетенций: контроль за оборотом оружия, ликвидация масштабных ЧС (координатор на месте законодательно не определён), контртеррористическая операция (решается единым управлением группировкой сил [5]) и разминирование, полномочия по которому закреплены за ведомствами лишь после длительного фактического их исполнения.

Информационный обмен: проблемы и решения

Обмен информацией строится на балансе оперативности и защиты конфиденциальных сведений. Обработка персональных данных без согласия субъекта допускается только в силу закона и при служебной необходимости [6]; судебная практика подтверждает, что основанием обмена выступает не сам факт введения режима, а конкретная служебная задача [9].

Типичные проблемы: нечёткость оснований передачи данных; конфликт режимов защиты (персональные данные, «Для служебного пользования», государственная тайна); слабая фиксация передач; человеческий фактор; риски незащищённого цифрового обмена. Можно выделить два нормативных решения для повышения эффективности межведомственного реагирования:

Закрепить в постановлении № 794 чёткие роли органов управления. Комиссии должны отвечать за стратегические и нормативные решения (введение режима, эвакуация, границы зоны ЧС), оперативные штабы — за тактическое исполнение и координацию сил на местности. Это снимет риски дублирования полномочий и правовых споров.

Внести в закон № 68ФЗ механизм выбора единого координатора при совместном задействовании МВД, Росгвардии, МЧС и Минобороны. Координатор определяется по типу ЧС: техногенные — МЧС; ситуации с силовым компонентом — Росгвардия или МВД; военная угроза — Минобороны. Такой алгоритм обеспечит однозначное распределение ответственности и ускорит принятие управленческих решений.

Заключение

Взаимодействие ведомств в особых режимах носит двухуровневый характер, но граница между координационными органами и штабами законодательно не проведена. Основные направления совершенствования: закрепление критериев разграничения компетенции и механизма назначения координатора на месте ликвидации ЧС, единые регламенты информационного обмена, автоматизация фиксации передач данных. Это повысит управляемость группировок сил при соблюдении гарантий прав граждан.

Литература:

1. О чрезвычайном положении: ФКЗ от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) // СЗ РФ. — 2001. — № 23. — Ст. 2277.
2. О военном положении: ФКЗ от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) // СЗ РФ. — 2002. — № 5. — Ст. 375.
3. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: ФЗ от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. — 1994. — № 35. — Ст. 3648.
4. О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Постановление Правительства РФ от 30.12.2003 № 794 // СЗ РФ. — 2004. — № 2. — Ст. 131.
5. О противодействии терроризму: ФЗ от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // СЗ РФ. — 2006. — № 11. — Ст. 1146.
6. О персональных данных: ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СЗ РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3451.
7. Майдыков А. Ф., Майдыков А. А., Синодов И. А. О правомочиях органов оперативного управления (оперативных штабов) ОВД РФ и их руководителей в особых условиях // Труды Академии управления МВД России. — 2022. — № 2 (62). — С. 84–90.
8. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и признании их полностью или в части недействующими: Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 50 // Бюллетень ВС РФ. — 2019. — № 2.
9. О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел о защите персональных данных: Постановление Пленума ВС РФ от 24.12.2020 № 54 // Бюллетень ВС РФ. — 2021. — № 3.

Семейная медиация как инструмент сохранения нравственных отношений при конфликте

Максимов Дмитрий Юрьевич, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье исследуется роль института семейной медиации в укреплении нравственных начал российского семейного права. Анализируется соотношение правовых и морально-этических регуляторов в семейных правоотношениях. Обосновывается преимущество примирительных процедур перед состязательным судебным процессом с точки зрения сохранения уважения, доверия и психоэмоционального благополучия детей.

Рассматриваются актуальные тенденции развития законодательства РФ в сфере внедрения обязательной досудебной медиации и формулируются предложения по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: *семейное право, нравственные начала, семейная медиация, примирительные процедуры, интересы ребенка, традиционные семейные ценности, брачно-семейный конфликт.*

Семейное право Российской Федерации обладает уникальной отраслевой спецификой, которая заключается в неразрывной связи юридических предписаний с нормами морали, этики и нравственности. В отличие от классического гражданского оборота, основанного преимущественно на имущественном эквиваленте и формальном равенстве, семейные отношения пронизаны глубокими личностно-доверительными связями. Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов [1].

Однако в ситуации острого внутрисемейного кризиса, сопровождающегося расторжением брака, разделом общего имущества или спорами о воспитании детей, нравственный фундамент семьи подвергается серьезному испытанию. Традиционный судебный порядок разрешения подобных конфликтов, построенный на принципе состязательности, зачастую не только не способствует примирению, но и усугубляет взаимную неприязнь. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование института семейной медиации как эффективного правового механизма, способного перевести деструктивный конфликт в конструктивное русло и сохранить нравственную основу взаимоотношений между членами семьи

Правовое регулирование брачно-семейных отношений имеет объективные пределы. Законодатель не может принудить супругов к взаимному уважению или обязать родителей проявлять искреннюю заботу о ребенке исключительно силой государственного принуждения. Судебное решение, вынесенное по итогам разбирательства, фиксирует формально-юридический итог спора: определяет доли в имуществе, устанавливает график общения с ребенком или размер алиментных выплат. При этом сама природа судебного процесса предполагает, что стороны выступают как процессуальные противники (истец и ответчик), стремящиеся доказать неправоту или аморальность поведения друг друга [5].

В результате публичного выяснения личных обстоятельств в зале суда происходит эскалация конфликта. Стороны утрачивают способность к диалогу, а вынесенное судебное решение нередко воспринимается одной из них как несправедливое поражение. В семейных спорах, в отличие от коммерческих, формальное окончание процесса не прекращает взаимодействия бывших супругов, особенно если у них есть общие несовершеннолетние дети. Накопленные в ходе судов обиды трансформируются в скрытый или явный саботаж исполнения судебных актов, манипуляции ребенком и злоупотребление родительскими правами, что прямо противоречит нравственным принципам семейного законодательства.

В данном контексте процедура медиации, регулируемая Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», выступает принципиально иной моделью разрешения правовых конфликтов. Если судебное разбирательство обращено в прошлое и направлено на поиск виновного, то медиация ориентирована на будущее и поиск взаимоприемлемого решения [2].

Особое нравственно-правовое значение семейная медиация имеет при разрешении споров, затрагивающих права и законные интересы несовершеннолетних детей (определение места жительства ребенка, порядок осуществления родительских прав отдельно проживающим родителем, содержание детей).

В состязательном судебном процессе ребенок нередко становится объектом борьбы и психологического давления со стороны конфликтующих взрослых. Участие несовершеннолетнего в судебных процедурах (опрос в суде, проведение психолого-педагогических экспертиз) наносит ему тяжелую психоэмоциональную травму. Медиация позволяет оградить ребенка от прямого вовлечения в конфликт родителей. Профессиональный медиатор смещает фокус внимания спорящих взрослых с взаимных претензий на потребности их ребенка, помогая им осознать, что даже после прекращения брачных отношений они остаются родителями, несущими солидарную нравственную и правовую ответственность за его воспитание [3].

Постепенное внедрение элементов обязательной информационной или досудебной медиации способно стать важным шагом в укреплении нравственных начал семейного права. Обязательная первичная встреча с медиатором (информационная сессия) не нарушает конституционного права граждан на судебную защиту и принципа добровольности самой процедуры, поскольку стороны не принуждаются к заключению соглашения, а лишь получают разъяснение о возможности мирного урегулирования спора [4].

Для дальнейшего повышения эффективности семейной медиации как инструмента сохранения нравственных отношений целесообразно реализовать комплекс правовых и организационных мер (рис. 1):

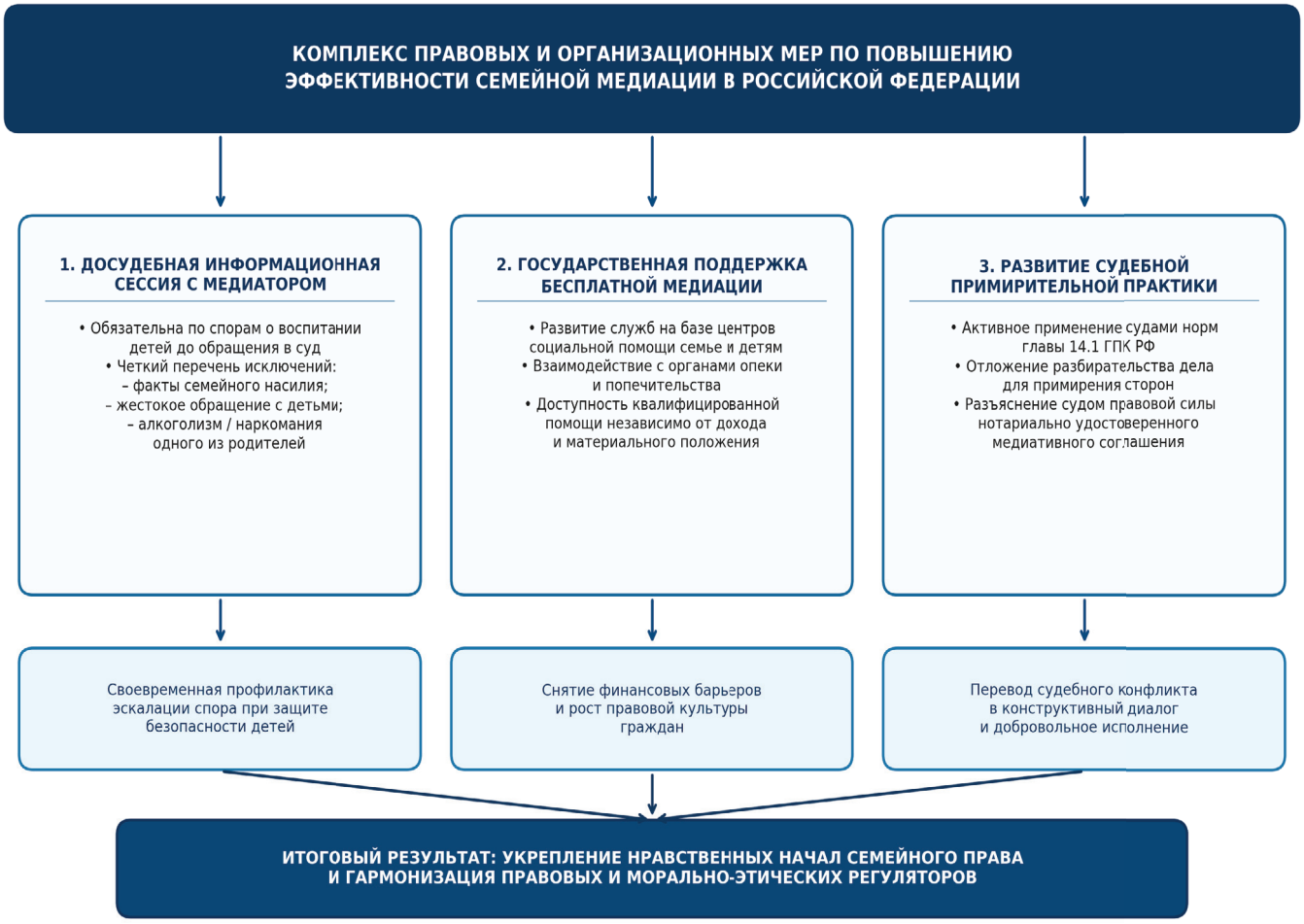

Рис. 1. **Комплекс правовых и организационных мер по повышению эффективности семейной медиации**

Закрепление обязательной досудебной информационной сессии с медиатором по спорам, связанным с воспитанием детей, с одновременным установлением четкого перечня исключений (в частности, по делам, связанным с фактами семейного насилия, жестокого обращения с детьми, хронического алкоголизма или наркомании одного из родителей, где достижение компромисса невозможно и опасно).

Расширение государственной поддержки бесплатной семейной медиации на базе центров социальной помощи семье и детям, а также органов опеки и попечительства, что сделает квалифицированную посредническую помощь доступной независимо от материального положения граждан.

Развитие судебной примирительной практики, включая более активное использование судьями полномочий, предусмотренных главой 14.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (отложение разбирательства дела для проведения примирительных процедур, разъяснение правовых последствий нотариального медиативного соглашения).

Заключение

Таким образом, семейная медиация представляет собой не просто процессуальный способ разгрузки судебной системы, а важнейший социально-правовой институт, гармонизирующий право и мораль. Переводя разрешение семейного конфликта из плоскости формально-юридического противоборства в плоскость добросовестного диалога, медиация позволяет сохранить взаимное уважение, защитить психоэмоциональное благополучие детей и обеспечить реальное воплощение нравственных принципов, заложенных в основу семейного законодательства Российской Федерации.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ: (в актуальной редакции). — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации: монография. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2014. — 240 с.
4. Калашникова С. И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. — М.: Инфотропик Медиа, 2011. — 304 с.
5. Тарусина Н. Н. Семейное право: очерки из классики и модерна: монография. — Ярославль: ЯрГУ, 2009. — 616 с.

Общая характеристика производства в суде апелляционной инстанции

Малыгин Эдуард Анатольевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Шепелев Артур Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет

Судебное познание как часть научного познания в человеческой деятельности состоит в выяснении обстоятельств дела, их юридической оценке, установлении прав и обязанностей лиц, причастных к данным правоотношениям, однако оно не гарантировано от ошибок, недостатков, в том числе и при разрешении спора по существу, при вынесении судебных решений. Классификация судебных ошибок может быть произведена по различным критериям.

По мнению А. С. Грицанова, причины судебных ошибок могут быть разделены на две группы: причины объективного и субъективного порядка.

К объективным он относит недостаточную эффективность процессуальных институтов, несовершенство законодательства и его пробелы, противоречивость отдельных правовых норм, условия работы лиц, отправляющих правосудие. По его мнению, к причинам субъективного порядка следует отнести уровень профессиональной и нравственно-психологической подготовленности судей в самом широком смысле этого понятия [1, с. 129].

Возможность принятия судом неправильных решений с неизбежностью приводит общество к необходимости создания эффективного механизма проверки судебных постановлений, института обжалования судебных решений.

В этой связи В. И. Адамович указывает, что на этом основании все законодательства цивилизованного мира наряду с более и более совершенствуемой суммой условий, обеспечивающих признание и реализацию прав, совершенствуют и организацию судебно-гражданского обжалования судейского корректива [2, с. 329].

Институт обжалования судебных постановлений представляет собой один из эффективных способов исправления судебных ошибок, допускаемых судами при разрешении споров.

В настоящее время в Российской Федерации существует два основных способа обжалования решений судов: обыкновенный (ординарный) и чрезвычайный (экстраординарный). Обыкновенный способ обжалования судебных решений представляет собой общие ординарные средства исправления неправильных судебных постановлений, которые лицами, участвующими в деле, используются во всех случаях. Чрезвычайный (кассационный) способ обжалования решений судов носит экстраординарный характер и применяется только в исключительных, прямо установленных законом случаях.

Апелляция относится к обыкновенным способам обжалования, используется в качестве основного средства исправления допущенных судебных ошибок в постановлениях судов.

Кроме того, апелляционное производство в гражданском процессе является одним из процессуальных институтов, призванных обеспечить реализацию конституционного права на судебную защиту.

Законодатель, формулируя право на судебную защиту, не исключает, а, напротив, создает необходимые для исправления возможных судебных ошибок условия.

Апелляционное производство по гражданским делам представляет собой возбуждаемую по представлению прокурора, по жалобе лиц, участвующих в деле, или лиц, чьи права и обязанности затронуты решением суда, деятельность суда второй инстанции по проверке законности и обоснованности не вступивших в законную силу решений судов первой инстанции путем повторного рассмотрения дела [3, с. 78].

Апелляция — это проверка обоснованности решения и пересмотр дела, однако проверка законности, обоснованности решений судов в работе апелляционной инстанции является доминирующей, определяющей, так как от эффективности проверки законности судебных постановлений судов первой инстанции зависит и необходимость пересмотра, повторного рассмотрения дела.

В этой связи мы согласны с точкой зрения Е. А. Борисовой, термин «проверка» шире по своему содержанию термина «пересмотр» и включает в себя последний [4, с. 43].

Вместе с тем в настоящее время в доктрине под апелляцией подразумевается не только способ обжалования судебных решений, апелляция трактуется значительно шире, при этом под понятием «апелляция» подразумеваются:

— форма обжалования судебных решений;

— процедура пересмотра судебных решений;

— стадия гражданского процесса;

— судебная инстанция.

Так, если установленные законом порядок, условия и последовательность подачи уполномоченным на то субъектом гражданского процесса, приема и направления судом вместе с соответствующим делом апелляционных жалоб, представления позволяют характеризовать апелляцию как форму обжалования судебных решений, то совокупность условий, порядок и последовательность деятельности суда второй инстанции при проверке обоснованности и законности решений суда первой инстанции, устранении обнаруженных нарушений и принятие решения характеризуют апелляцию как процедуру пересмотра судебных решений.

Совершаемые судом второй инстанции процессуальные действия и решения, объединенные общей задачей и завершаемые выводами по делу, свидетельствуют о том, что апелляция является стадией гражданского процесса.

В то же самое время понятие апелляции включает в себя наименование судебного органа — инстанции в судоустройственной системе, которая проверяет обоснованность и законность не вступивших в законную силу постановлений судов первой инстанции.

Апелляцию отличают следующие признаки:

— апелляционная жалоба, представление прокурора приносятся на не вступившее в законную силу решение суда первой инстанции;

— подача представления, апелляционной жалобы обусловлена позицией лиц, участвующих в деле, или лиц, чьи права и обязанности затронуты решением суда, в отношении необоснованности или незаконности решения суда первой инстанции;

— подача апелляционной жалобы, представления, их принятие в производство суда переносят рассмотрение дела в вышестоящий суд, препятствуют вступлению решения суда первой инстанции в законную силу и его исполнению;

— суд апелляционной инстанции законность и обоснованность не вступивших в законную силу решений судов первой инстанции проверяет путем повторного рассмотрения дела. При этом как юридическая (вопросы права — законность), так и фактическая (вопросы факта — обоснованность) стороны дела проверяются в том же объеме, что и судом первой инстанции, допускается установление новых фактов;

— суд апелляционной инстанции рассматривает дело по существу, при этом непосредственно исследует доказательства, в том числе и принятые в предусмотренных законом случаях дополнительные доказательства;

— суд апелляционной инстанции рассматривает дело повторно в пределах доводов, изложенных в апелляционных жалобе, представлении и возражениях относительно них. Ревизионные начала пересмотра судебных решений в работе суда апелляционной инстанции присутствуют лишь в случаях установления в работе судов первой инстанции нарушений основополагающих правил гражданского судопроизводства, а также оснований, влекущих прекращение производства по делу или оставление заявления без рассмотрения;

— рассмотрение дела в апелляционной инстанции может иметь место только один раз, поэтому апелляция, повторно рассмотрев дело, не имеет, как правило, права возвратить его на новое рассмотрение в суд первой инстанции, а должна сама принять решение по существу спора. Это полномочие апелляции основано на том, что в апелляции после повторного рассмотрения дела по существу устанавливаются новые факты, исследуются новые доказательства, принимается решение, которым в полном объеме восстанавливается нарушенное право граждан и юридических лиц [5, с. 50].

С учетом указанных выше признаков в доктрине из позитивных черт апелляции принято выделять наиболее существенные моменты, которые предопределили введение в гражданское судопроизводство Российской Федерации института апелляции:

Так, в связи с тем, что апелляция предполагает повторное рассмотрение дела по существу, институт апелляции более полно реализует права граждан на судебную защиту.

Апелляционная инстанция в результате повторного рассмотрения дела в пределах доводов апелляционной жалобы принимает новое решение по существу спора и тем самым обеспечивает более быстрое и эффективное разрешение спора.

Институт апелляции стимулирует создание, обеспечивает формирование единообразной судебной практики.

Литература:

1. Грицанов А. С. Кассационное производство в советском гражданском процессе. — Томск, 1980. — 342 с.
2. Адамович В. И. Конспект лекций по гражданскому судоустройству, читанных в 1886–1887 академическом году. — СПб., 1886. — 678 с.
3. Шакирьянов Р. В. Теоретические и практические проблемы апелляционного производства в гражданском процессе. — Москва: Статут, 2024. — 466 с.

4. Борисова Е. А. Проверка судебных актов по гражданским делам. — М., 2005–267 с.
5. Борисова Е. А. Апелляция в гражданском (арбитражном) процессе. — М., 2008. — 451 с.

Информационные права выгодоприобретателя личного фонда: пределы конфиденциальности и роль органов управления

Маслова Ольга Олеговна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Введение

Личный фонд — унитарная некоммерческая организация, которой учредитель передаёт имущество для управления на условиях, закреплённых в уставе и условиях управления. Имущество становится собственностью фонда. Учредитель может создать фонд при жизни либо предусмотреть в завещании создание наследственного фонда нотариусом после его смерти. К наследственному фонду применяются общие положения о личных фондах, если ГК РФ не устанавливает иное [1, ст. 123.20–4].

Выгодоприобретатель не является собственником имущества фонда. Его имущественный интерес реализуется в соответствии с условиями управления: они определяют, какое имущество или доход, в каком размере и при каких обстоятельствах подлежит передаче конкретному лицу либо отдельной категории лиц. Поэтому для защиты своих интересов выгодоприобретателю необходимо понимать относящиеся к нему условия и иметь возможность проверять соблюдение установленного порядка.

Одновременно закон ограничивает раскрытие сведений о фонде. Поэтому возникает вопрос, в какой мере конфиденциальность внутренних документов совместима с правом выгодоприобретателя получать информацию, необходимую для реализации имущественных прав. Проблема касается не только объёма доступных сведений, но и того, каким образом лицо узнаёт о существовании фонда и о приобретении им статуса выгодоприобретателя.

Цель статьи — определить содержание информационных прав выгодоприобретателя, оценить влияние структуры органов управления на их осуществление и установить, достаточно ли действующих механизмов информирования. Для этого применяются формально-юридический метод, системное толкование положений ГК РФ и анализ судебного акта по спору о доверительном управлении наследственным имуществом.

1. Конфиденциальность фонда и доступ выгодоприобретателя к информации

Пункт 8 статьи 123.20–4 ГК РФ устанавливает, что, если иное не предусмотрено Кодексом или уставом, сведения о содержании условий управления и иных внутренних документов личного фонда не подлежат раскрытию и являются конфиденциальными. Отдельное правило содержится в пункте 12 той же статьи: отчёт об использовании имущества фонда не публикуется, если условиями управления не предусмотрено иное. Статья 6 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ, в свою очередь, исключает из общего доступа решения об учреждении личного фонда, его устав и сведения об учредителе [1, п. 8, 12 ст. 123.20–4; 2, ст. 6].

Эти ограничения не означают, что выгодоприобретатель полностью отстранён от информации о фонде. Пункт 5 статьи 123.20–5 ГК РФ позволяет ему потребовать ознакомления с той частью условий управления, где определён порядок определения и назначения органов фонда, положения о передаче ему всего имущества или его части и обстоятельства, при наступлении которых такая передача производится. В личном фонде требование адресуется самому фонду; в наследственном фонде — нотариусу или фонду [1, п. 5 ст. 123.20–5].

Предмет этого права ограничен законом. Оно не даёт безусловного доступа ко всем внутренним документам, финансовой отчётности или сведениям о других выгодоприобретателях. Закон предусматривает раскрытие той части условий управления, которая позволяет лицу понять порядок получения имущества и относящиеся к нему положения.

Доступ к сведениям о текущей деятельности фонда регулируется иначе. По пункту 3 статьи 123.20–6 ГК РФ выгодоприобретатель может запрашивать и получать такую информацию в случаях, предусмотренных уставом. При этом он вправе потребовать проведения аудита деятельности фонда выбранным им аудитором независимо от наличия соответствующего положения в уставе. Первоначально услуги аудитора оплачивает сам выгодоприобретатель; попечительский совет может принять решение о возмещении этих расходов за счёт фонда. Право требовать возмещения убытков, возникших вследствие нарушения условий управления, также зависит от того, предусмотрено ли оно уставом [1, п. 3–5 ст. 123.20–6].

Эти механизмы различаются по основаниям и объёму. Право на ознакомление с определённой частью условий управления закреплено непосредственно законом. Доступ к сведениям о текущей деятельности и требование о воз-

мещении убытков зависят от содержания устава. Аудит выгодоприобретатель может инициировать самостоятельно, однако первоначально оплачивает его проведение. О. А. Рузакова рассматривает особенности правового положения выгодоприобретателя личного фонда в рамках действующего регулирования [4]. Для оценки информационных прав имеет значение не только их формальное закрепление, но и возможность воспользоваться ими на практике.

2. Органы управления и фактические возможности контроля

Статья 123.20–7 ГК РФ предоставляет учредителю значительную свободу в определении структуры органов фонда. Наряду с единоличным исполнительным органом устав может предусматривать высший коллегиальный орган и попечительский совет, в состав которых допускается включать выгодоприобретателей. Кроме того, может быть создан надзорный орган. В пределах полномочий, определённых уставом, он осуществляет надзор за деятельностью органов фонда, согласовывает отдельные юридически значимые действия, а также может досрочно прекратить полномочия исполнительного органа, нарушившего обязанность действовать добросовестно или разумно в интересах фонда либо его выгодоприобретателей [1, п. 1–3 ст. 123.20–7].

Выбранная модель управления влияет на практический доступ к информации, но не меняет установленный законом объём прав выгодоприобретателя. Если управление сосредоточено у единоличного исполнительного органа, получение сведений о текущей деятельности зависит прежде всего от того, предусмотрено ли такое право уставом и насколько полно исполнительный орган исполняет соответствующую обязанность. Попечительский совет и надзорный орган могут создавать дополнительные механизмы контроля, однако само наличие таких органов не предоставляет каждому выгодоприобретателю права знакомиться со всеми материалами, которыми они располагают.

Участие выгодоприобретателя в высшем коллегиальном органе или попечительском совете даёт ему возможность участвовать в рассмотрении вопросов, отнесённых к компетенции соответствующего органа, и получать необходимую для этого информацию в установленном порядке. Это основание доступа отличается от прав, которыми лицо обладает как выгодоприобретатель. В первом случае объём информации определяется полномочиями органа и правилами его работы; во втором — статьями 123.20–5 и 123.20–6 ГК РФ и уставом фонда.

После смерти учредителя прижизненного личного фонда выгодоприобретатели вправе требовать формирования и изменения органов в соответствии с уставом и условиями управления. Закон также допускает заранее определить порядок замещения выбывших членов коллегиальных органов и единоличного исполнительного органа. Для наследственного фонда установлено специальное ограничение: выгодоприобретатель не может быть его единоличным исполнительным органом или членом коллегиального исполнительного органа [1, п. 1, 2 ст. 123.20–7]. Поэтому распределение полномочий и механизм замещения органов приобретают особое значение после смерти учредителя.

Н. А. Носов рассматривает вопросы учреждения личных и наследственных фондов, взаимодействия их структурных элементов и осуществления деятельности [5]. А. Ю. Пышкин сопоставляет российские и зарубежные модели управления, анализирует полномочия и ответственность органов, а также механизмы контроля [6, с. 423–430]. Эти работы раскрывают организационную сторону деятельности фонда. Отдельного рассмотрения требует вопрос о том, как выбранная модель управления отражается на доступе выгодоприобретателя к информации.

3. Определение выгодоприобретателя и проблема информирования

Условия управления могут предусматривать передачу имущества конкретным лицам — выгодоприобретателям — либо отдельным категориям лиц из неопределённого круга. Они также могут наделять органы фонда полномочием определять выгодоприобретателей или соответствующие категории [1, п. 1, 2 ст. 123.20–5]. Поэтому следует различать лиц, которые лишь потенциально соответствуют признакам указанной категории, и лиц, уже определённых в качестве выгодоприобретателей в соответствии с условиями управления или решением уполномоченного органа. Право требовать ознакомления с частью условий управления принадлежит выгодоприобретателю; одного предположения о возможном соответствии категории для его реализации недостаточно.

Для наследственного фонда статья 63.2 Основ законодательства РФ о нотариате предусматривает специальные действия нотариуса. Он направляет предложения лицам, которые назначаются единоличным исполнительным органом или членами коллегиальных органов, доводит условия управления до членов коллегиальных органов, а выгодоприобретателю передаёт копии решения об учреждении фонда, устава и условий управления по его заявлению [3, ст. 63.2]. Последнее правило предполагает обращение самого выгодоприобретателя. Статья 63.2 не устанавливает отдельной общей обязанности нотариуса персонально уведомлять каждого выгодоприобретателя о возникновении у него соответствующего права.

Для прижизненного личного фонда вопрос решается иначе. Решение об учреждении фонда, его устав и сведения об учредителе исключены из общего доступа в ЕГРЮЛ, а содержание условий управления и иных внутренних документов по общему правилу конфиденциально [1, п. 8 ст. 123.20–4; 2, ст. 6]. При этом в рассмотренных

положениях ГК РФ не предусмотрена универсальная процедура персонального уведомления лица после возникновения у него права на получение имущества из фонда.

Проблему прозрачности действий управляющего иллюстрирует спор, возникший после смерти Андрея Трубникова, в состав наследства которого входили доли в компаниях группы Natura Siberica. В деле № А40–191434/2021 один из наследников оспаривал договоры доверительного управления долями в нескольких обществах, заключённые нотариусом 2 июля 2021 г. с Г. В. Ждановым. Обосновывая требования, истец ссылался, в частности, на то, что ранее нотариус не сообщила ему критерии выбора первоначальных управляющих — Б. М. Любошица и ООО «Юридическое агентство „Сезар Консалтинг“», сведения об их опыте и компетенциях, условиях исполнения обязанностей и размере вознаграждения. Истец также указывал, что договоры с первоначальными управляющими были расторгнуты без уведомления наследников, а кандидатура Г. В. Жданова не была с ними согласована [7].

Арбитражный суд города Москвы отказал в признании оспариваемых договоров недействительными. Суд установил, что первоначальные управляющие отказались от исполнения обязанностей, а наследники не согласовали единую кандидатуру. В этих обстоятельствах нотариус назначила независимого управляющего, кандидатура которого была известна наследникам. Суд не установил доказательств сговора или злоупотребления правом и указал, что само по себе отсутствие мотивировки выбора именно этой кандидатуры не свидетельствует о недобросовестности нотариуса. В решении также отмечено, что выгодоприобретатель по договору доверительного управления наследственным имуществом не назначается [7].

Этот спор возник до введения действующего регулирования личных фондов и не является практикой применения норм об информационных правах выгодоприобретателя. Его значение для настоящего исследования ограничено: он показывает, как разногласия наследников по поводу выбора управляющего и отсутствие согласованной модели контроля могут осложнить управление корпоративными активами после смерти собственника. В личном фонде соответствующие риски должны оцениваться с учётом предусмотренных законом органов и прав выгодоприобретателей.

4. Адресное уведомление как гарантия реализации прав

Предлагается дополнить регулирование обязанностью фонда направлять адресное уведомление после того, как конкретное лицо определено в качестве выгодоприобретателя и его статус может быть достоверно установлен. Если лицо названо непосредственно в условиях управления, обязанность уведомить должна возникать с момента, когда оно приобретает статус по этим условиям. Если выгодоприобретатели определяются через категорию лиц, уведомление следует направлять после установления соответствия конкретного лица её критериям. Когда определение выгодоприобретателя отнесено к компетенции органа фонда, основанием для уведомления должно быть оформленное решение этого органа.

В прижизненном личном фонде уведомление могло бы направлять лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа. Орган, который определил выгодоприобретателя, должен передавать ему сведения, необходимые для направления уведомления. В наследственном фонде до государственной регистрации эту обязанность предлагается возложить на нотариуса, дополнив статью 63.2 Основ законодательства о нотариате; после регистрации уведомление мог бы направлять единоличный исполнительный орган фонда. Закон должен определить сроки уведомления и последствия невозможности установить контактные данные выгодоприобретателя.

В уведомлении достаточно указать, что лицо определено в качестве выгодоприобретателя, назвать основание и дату такого определения, сообщить контакты фонда или нотариуса и разъяснить порядок обращения за информацией. Полный текст условий управления, состав активов и сведения о других выгодоприобретателях раскрывать не требуется. Если получатели определяются по категории, уведомлять следует конкретное лицо после установления его соответствия критериям, а не всех лиц, которые теоретически могут войти в эту категорию.

Такая обязанность не потребует раскрывать внутренние документы или создавать публичный реестр выгодоприобретателей. Её назначение — сообщить конкретному лицу о приобретённом статусе и указать, куда можно обратиться за информацией, доступ к которой предусмотрен законом или уставом. Конфиденциальность в таком случае продолжит защищать сведения от посторонних, но не будет препятствовать самому выгодоприобретателю узнать о принадлежащих ему правах.

Заключение

Действующее законодательство предусматривает несколько самостоятельных механизмов защиты информационных интересов выгодоприобретателя. Он может ознакомиться с определённой частью условий управления и потребовать проведения аудита; получение сведений о текущей деятельности и возмещение убытков в связи с нарушением условий управления зависят от положений устава. Поэтому объём гарантий различается, а наличие формально закреплённого права не всегда означает возможность своевременно его реализовать.

Структура органов фонда влияет на дополнительные возможности участия и контроля, но не заменяет личных информационных прав выгодоприобретателя. Высший коллегиальный орган, попечительский совет и надзорный орган могут ограничивать риск односторонних действий исполнительного органа. Эффективность этих меха-

низмов зависит от распределения компетенции и правил замещения органов, закреплённых в уставе и условиях управления.

Отдельного законодательного решения требует вопрос об информировании лица после определения лица в качестве выгодоприобретателя. Предлагается установить обязанность адресного уведомления с ограниченным содержанием. Она позволит сообщить лицу о приобретённом статусе, не раскрывая конфиденциальные документы и сведения о других выгодоприобретателях.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 22.10.2026). Ст. 123.20–4–123.20–7. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/99575cef15b7d8b49e53286a968a365f165ff884/ (дата обращения: 20.11.2026).
2. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 04.08.2026). Ст. 6. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/ba389bdea85fe0ff7da642f413b40570caf17412/ (дата обращения: 20.11.2026).
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462–1 (ред. от 04.08.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026). Ст. 63.2. URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/c739c6ab7658dc9e1168f03d7d267464745530db/ (дата обращения: 20.11.2026).
4. Рузакова О. А. Особенности правового положения выгодоприобретателя в личном фонде // Цивилист. 2024. № 5. С. 5–10. EDN QDKJSR. URL: https://newtech.legal/cabinet/catalog/tsivilist/6161/8015/?utm_campaign=CI5Ruzakova&utm_medium=news&utm_source=siteCl&utm_content=&utm_term=29112024 (дата обращения: 20.11.2026).
5. Носов Н. А. Учреждение личных и наследственных фондов, вопросы взаимодействия структурных элементов, специфика деятельности // Хозяйство и право. 2023. № 3. С. 54–63. DOI: 10.18572/0134–2398–2023–3-54–63. URL: https://lawinfo.ru/articles/2417/ucrezdenie-licnyx-i-nasledstvennyx-fondov-voprosy-vzaimodeistviya-strukturnyx-elementov-specifika-deyatelnosti (дата обращения: 20.11.2026).
6. Пышкин А. Ю. Особенности управления личными фондами: российский и зарубежный опыт // Образование и право. 2025. № 7. С. 423–430. DOI: 10.24412/2076–1503–2025–7-423–430. URL: https://education.law-books.ru/wp-content/uploads/2026/07/osobennosti-upravleniya-lichnymi-fondami-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt.pdf (дата обращения: 20.11.2026).
7. Решение Арбитражного суда города Москвы от 29.12.2022 по делу № А40–191434/2021. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/2sQVFW9rbGov/ (дата обращения: 20.11.2026).

5

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (650) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета М. В. Голубцов

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 02.12.2026. Дата выхода в свет: 09.12.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.